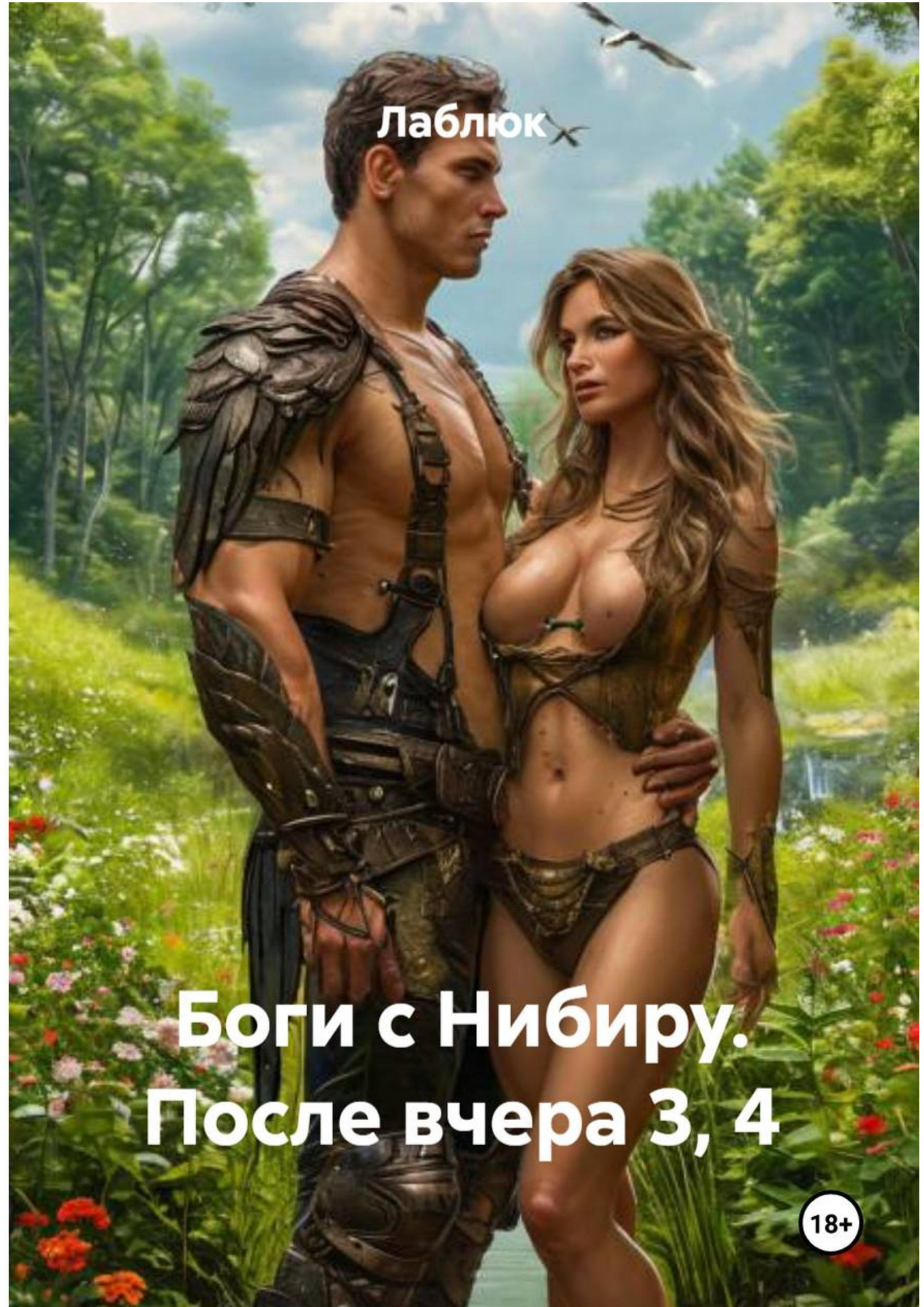

A man and a woman are standing in a lush, green garden. The man, on the left, is muscular and wears a dark, scale-like shoulder guard and a harness. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and wears a similar dark, scale-like outfit. They are both looking towards the right. In the background, there are tall green trees and a blue sky with a few birds flying. The overall scene is romantic and epic.

Лаблюк

**Боги с Нибиру.
После вчераш 3, 4**

18+

Лаблюк

Боги с Нибиру. После вчера 3, 4

«Автор»

2025

Лаблюк

Боги с Нибиру. После вчера 3, 4 / Лаблюк — «Автор», 2025

Он Илию обнял, ей прошептал: Что-то произойдёт сейчас. Об этом дух вчера предупредил. Держись! Мы вместе. Бороться будем, сколько хватит у нас сил. Иди ко мне, я обниму тебя. Не смог бы выжить на острове я без тебя. Он обнял Илию и, всё померкло. Глаза прикрыли и открыли они в Крыму, нет никакого острова. Здесь их родное измерение. Что это было наваждение? Или приснилось это приключение? Они, в густом тумане в озере. Держали за руки друг друга, чтобы знать, чувствовать они, друг с другом рядом, так как не видно даже рук их взглядам. Воздушная вибрация Илию испугала. Она, вплотную приблизившись к Артёму, к тому прижалась. Туман, после вибрации рассеялся. Шезлонги установлены на берегу, недалеко от входа в озеро. Лишь вышли из воды, как через две минуты испарина на теле сменяла воду. Та высыхала почти мгновенно.

Содержание

Книга 3	5
Часть 1	5
Глава 1. Деренкуйо* (одна звезда)	5
Глава 2. Всё получилось.	14
Глава 3. Тоннель и поиск	20
Глава 4. Попытка убийства с целью мщения. Всё относительно, как смелость, лесть, вода, море и берег	26
Глава 5. Собрание	32
Глава 6. В Подземелье.	40
Глава 7. Нет комментариев..., допрос окончен	46
Часть 2	51
Глава 1. Илия	51
Глава 2. Саргон-Люций	57
Глава 3. Нависшее несчастье.	64
Глава 5. Ушла надежда	77
Глава 6. Предложение	79
Глава 7. Операция	85
Часть 3	92
Глава 1. Подготовка к мщению	92
Глава 2. Диалог	99
Глава 3. Крупинка знаний	104
Глава 4. Повторение	108
Глава 5. Перемена места жительства	112
Глава 6. Полёт	117
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Лаблюк

Боги с Нибиру. После вчера 3, 4

Книга 3

Часть 1

Глава 1. Деренкуйо* (одна звезда)

Охранники шли, будто со знакомым. Пройдя сквозь главный корпус, свернули влево, остановились – рядом со зданием, пристроенным к тому при расширении.

Он, без одежды появился на территории, весели плавки на балконе, украл их и, оделся. Не щеголять же обнажённым – по территории курортной? Был бы отель нудистским....

Охрана, его вычислила сразу. Совсем недавно появилась, также нелегально – красавица. Ту завернули в полотенце, в СБ доставили.

– По видимости – служба безопасности. Иван Васильевич предположил, смотря на здание, пристроенное к основному; – на стенах камеры.

Должна и с ним, судьба определиться. Его отправили в другое измерение, за Соней следом – успел лишь возмутиться – экспериментом без подготовки.

Руководитель, чуть не лопнул, злясь. Он, недовольно закричал, словно спираль, краснея – накаляясь:

– Когда закончатся – выходки, недовольства, ты успокоишься? Ты, не меняешься! Следом, хочешь отправиться?

Я, для себя стараюсь? Ты мне сказал – почти нашёл причину, «ухода» птицы-человека в неизвестность. Так проверяй, есть – для тебя материал, а хочешь, – на себе испробуй.

– Возможно, будет лучше – ушёл из-под влияния. Хуже, быть не должно, чем в Прасковеевской лаборатории, на берегу моря Чёрного, подумал он, не представляя, что ждёт его; какое это – другое измерение?

На входе ждал их офицер. Округлая блестящая голова, словно варёное яйцо, со снятой скорлупой, и на его лице играла мерзкая улыбка.

– Где их находите? Ещё один. Быть может, с одной песни, знакомые они?

Проверим, знают ли друг друга.

Ивана завели вовнутрь. Там, в комнате сидела Соня. Она – растерянно смотрела на него....

– И, Вы сюда попали? – спросила, понимая – абсурдность этого вопроса, ведь видит того – вживую.

– Откуда, к нам, такие прибывают? – спросил их старший офицер, видя, что те знакомы. В гости вас, к нам – не приглашали.

– Мы заблудились в измерении – испуганно сказала Соня, лишь понимая, что живая и, не находится в лаборатории.

– Они друг друга слышали и, понимали, но, только интонации, ведь говорили, непонятными им звуками, на разных языках.

Позвали переводчика, но тот был в отпуске, а офицер – русский язык не знал, не довелось общаться с русскими, таких не видел раньше, никогда – на службе.

– Ну, если мы друг друга «понимаем» сейчас, надеюсь – больше не увидимся! Я правильно вам говорю?

– Не понимаю, Иван Васильевич ответил.

– И я вас, также, тот отметил.

– Мы заблудились, словно провалились в колодец временной. Бельё исчезло....

– Белё исчезло? О! Деринкуй?

Они не поняли, что офицер спросил, и вынужденно промолчали.

Тот, улыбнулся и, ответил:

– На эту тему, говорить не будем, не беспокойтесь. Теперь, проблема, не самая большая. Поможем вам в её решении. Ведь Деринкуй, значит многое для нас – культура древняя – жизнь под землёю. Вы, из легенды?

Ходили слухи, – существует жизнь подземная.

Он Соню, взяв, под руку, и предложил, с Иваном, проследовать с ним в комнату для отдыха, пока послал, за транспортом в Адану.

В комнате отдыха – прохладно и приятно, не ощущалось солнца жаркого. Они, с огромным удовольствием присели; и утонули в креслах.

– О! Деринкуй! – воскликнул офицер и, палец вверх большой, направил, улыбаясь. – Чай? Кофе? – предложил. Что, пожелаете?

– Как вам угодно, – ответила, с улыбкой Соня, догадавшись. Попить, не помешает. Жарко.

Расслабившись, в красавицу, вновь превратилась.

К ним подошёл официант с подносом, на нём стояли: чайник с жидкостью, стеклянные стаканчики и блюда.

Поставив содержимое на стол, добавив леденцы и сахар, достав их из серванта.

Сказав: «Тэшек'юр эдер'им» (спасибо), тот сделал реверанс, и удалился.

Чай был с кислинкой – виноградной, вкусный, чем-то похожий на шиповник. Выпив по порции, налили по второй. Затем, передохнув, налили в третий раз, вдруг, не придётся больше. Закончится удача.

– Не пил такого чая, вкусного – Иван Васильевич, признался Соне.

– Да! Очень вкусный! – согласилась Соня и, жажду быстро утоляет.

– А, что за Деринкуй! – спросил он у неё.

– Не знаю. Язык, турецкий, вроде – колодец, обозначает. Не помню точно. Мало понимаю. Здесь, вроде – город был подземный; спасались в нём от изуверов нападений.

– Проблемы у меня, – с турецким языком, его не знаю, и другие – пытался пошутить Иван Васильевич.

Не получилось. И, не надо.

Горячий вкусный чай, приятная прохлада, повергли в сон. Их разбудили и, предложили выйти. Фургон ждал за оградой.

Васильевичу дал рубашку, шорты и легкие сандалии, а Соне – куртку кожаную и, комбинезон рабочий, и также – лёгкие сандалии.

Сопроводил их до фургончика, вздохнув, послал – в дорогу, их попросив – не возвращайтесь, ради Аллаха.

Есть, и без Вас проблемы. Причём, их много.

Внутри фургончик был удобным, зайдя, с комфортом, разместились.

Дорога в горы шла и, вилась змейкой. Через тоннели, пролетали – большие, малые, на скорости приличной. Водитель, торопился. Хотел добраться – засветло. Прошли Нигде, когда спускалось солнце. Ему, ведь нужно возвращаться. Дорога, времени забрала много, им ехать – ещё далеко. В горах, дорога дальняя. Тем более – извилистая.

От серпантинов голова кружилась, вновь потянуло в сон обоих. Они сопротивлялись, сколько хватало сил, возможности здоровья. Не справились, заснули, Нигде проехав.

Остановились, мягко, неожиданно. Их разбудил водитель, обрадовано сообщив – приехали мы к Деринкуйо!

Открыв дверь пассажиров, показал – на выход.

Глаза горели ярко, рад – выполнил задание. Довёз, до заданного города.

Васильевич, смотря недоуменно – на Соню, на водителя, слегка пожав плечами, выскочил на обочину. И Соня следом, молча.

Фургончик развернулся, лишь «пассажиры» вышли и, сразу же уехал, словно за ним погнались. Спасался.

Создалось впечатление, что это им приснилось. Через минуту, слышно – автомобиля не было. Они одни стояли на дороге. Вокруг, как вымерло.

Соня, взяла за руку и, тихо прошептала:

– Где мы?

– Как понимаю, в Деринкуйо! Он показал на тускло освещённый звёздами и, месяцем, дорожный знак, с названием, им непонятным. – Так называется, как понимаю я, селение, что впереди нас – Деринкуйо.

Невдалеке, опора одинокая, с неярким освещением. За ней виднелось здание – в 2 этажа, с огромной вывеской светящейся. Они поближе подошли, увидели на русском и английском языках – название: – «Мотель люкс – Деринкуйо*» (одна звезда).

– Не вижу выбора, Васильевич, спросил – идём? Здесь русский язык знают, это – вселяет нам надежду.

– Боюсь, не знаю – почему, ответила Иван Васильевичу Соня, рукою локоть, сжав, того.

– Стоять здесь, разве лучше?

– Да нет. Пошли! Мне страшно. Ты не заметил – глаза горели у водителя? Словно у волка – охотника ночного.

– Заметил! Ты охотница?

– В каком-то роде. Интересно....

Когда везти нас собрался, они ведь не горели. Есть нехорошее предчувствие, с ним связанное, или с нами....

– Было светло тогда, поэтому и не было огня в глазах водителя. И если связано твоё предчувствие – с горящими глазами, тем более, стоять не нужно.

– Да-да! – засутилась Соня. – Пойдём отсюда!

Вокруг нет ни одной живой души, в округе. Немного постояв, перед мотелем, словно набравшись смелости, к двери решительно шагнули, толкнули колокольчик. Тот зазвенел тоскливо, громко.

В испуге, Соня отскочила, после звонка, за спину спрятавшись, Иван Васильевича.

Толкнул, дверь не замкнута оказалась. За стойкой, на стене рецепшена, весел глаз синечёрный – круглый, в стекле, цвета – зелёного.

– Это от сглаза, – произнёс Иван, пытаясь Соню успокоить. – Где-то читал, точно – не помню.

Тук-тук! Кто есть? – спросил он, громко.

Никто не отзывался.

– Хозяин! – ещё громче, крикнул, недовольно.

Из помещения – напротив, шум донёлся. Через минуту появился человек, – администратор или сам хозяин.

– Кто здесь шумит? – зевая, спросил, при этом улыбался, стараясь не показывать особо, интереса к русским постояльцам. Какая разница, кто платит туркишлиры или доллары.

– Мы – те, кто перед вами – Васильевич ответил, не зная, как преподнести то, что они – в этих местах случайно. И без денег.... Спать – негде.

Спускаться вниз – под землю, и там искать ночлега? Шутка – неуместна.

– Я вижу – из России? Вы иностранцы?!

– Да. Иностранцы. Откуда, сразу, не расскажешь.

– Хотите здесь остановиться, как понимаю?

– Да. Мы хотели бы, но....

– Никаких – но! Выбрали мотель, Вы правильно! – всё так же улыбаясь, он продолжил.
– Ближайший есть отель – за двадцать два километра и, там не так приятно, как у нас. Здесь, много – лучше.

– Давайте паспорта! Зарегистрирую.

– У нас проблема с документами – Иван Васильевич замялся. Завтра в полицию отправимся, напишем заявления. По времени, сегодня – поздно.

Улыбка добродушная, сменилась взглядом строгим.

– Что вы не курды, это хорошо! Но вы не террористы? Не опасны...?

– А мы на них похожие?

– Не знаю, – тот, признался честно. Я их в глаза не видел, зато слышан – много. Такие же – приезжие из ниоткуда – эмигранты.

– Нам нечем что-либо взрывать, у нас-то и вещей с собою нет. Пропали с документами.

– Но это, – вовсе, подозрительно!

– Возможно, это – не главная проблема, что есть у нас. Мы оказались, и без денег.

– Эти проблема, не решаемая. Полиция, без денег, не поможет. Ведь нужно, штраф вам заплатить и, кой кого подмазать – администратор произнёс, растерянно.

– Проблемы, есть, – вздохнул Иван Васильевич.

– Всё! Всё! Проблем не нужно! Свободных мест в отеле нет. Закрыты мы. Не видите? – затараторил он. – Давайте! Выходите!

– Вы, извините....

– Всё! – Вам сказал, давайте – выходите, иначе вызову полицию! Вы, этого хотите?

Иван Васильевич, понутив голову и, отвернулся. Увидев – лицо Сони, развернулся, спросил администратора.

– А где поблизости здесь, можно, было бы заночевать? Подскажите?

– Недалеко другой отель. Там, сможете поспать, наверное.

– Но вы сказали, – через двадцать два километра отель ближайший.

– И что? Не очень далеко. Часа четыре на дорогу. Вы молодые и здоровые. Покой вам, только снится.

– Но, ночь сейчас! Не знаем мы дороги.

– Идите..., к богу? Полицию мне, вызвать! Пока есть ноги...

– Простите, если бы узнали о проблеме? Не стали, нас выгонять, наверное.

Я же не денег попросил у вас.

– Сейчас! И, денег подавай ещё! Всё! Вызываю я полицию! – он к телефону подошёл и, номер набирать стал – длинный.

Как возмутительно! Ещё и денег просят! Я усажу, надолго Вас в тюрьму! У нас нет попрошаек! У вас в России, нищета? Вы побираетесь, повсюду? Одна беда, лишь ходит с вами?

– Скажи ещё – в ушанках летом, медведей за нос водим – больных, с «приветом»! – вскрикнула Соня.

Администратор, отскочил от телефона, не ожидая крика девушки. Рассматривая, растерялся, одновременно – удивился:

– Красавица здесь появилась? Желанная, такая, растакая! Наши – похуже.

Соня, немного успокоившись, ему, чуть улыбнувшись, смотря кокетливо в глаза, спросила – так отчего не вызываешь?

– Где ты желаешь спать, красотка? Есть выбор для тебя – большой. Хочешь на горы вид? А, хочешь – на ручей. А этот хрен, с тобой? Его оставить, можешь?

– Я с мужем, мой желанный, придётся спать мне с ним.... Но в ночь..., когда заснёт, я встретиться с тобой не прочь, тихо шептала Соня хозяину отеля, словно открыла, что скрывала – почувствовала увлечение.

– Такой джигит прекрасный, месяц ясный! Увидеть я смогу тебя, если ты сможешь, страстно обуздать меня – мою кобылку, этой ночью! Я не смогу сдержаться! Проснусь и, выйду.

А спать нам – громко, чтобы слышать мог Иван Васильевич – куда положите, будем довольными, что предоставите.

Хозяин их повёл по коридору, и через несколько дверей – остановился перед комнатой у входа, открыл ключом отдельным, дверь.

– Это, наверное, чтобы – не убежали, он поселил нас здесь – предположил Васильевич, шутить пытаясь.

– Особенно меня – Соня добавила..., не оценила его шутку, не рассмеялась.

– А ты зачем его обманывала, сказав ему неправду – будто мы – муж, жена – у нас пропали вещи, документы?

– Ты, что-то мог, другое предложить, при нашем положении?

– Пытался объяснить....

– Вот именно, вздохнула – с видом на улицу....

– Я виноват, что он такой! Наверное, с рождения.

Да и, в полиции, всё выяснят, обман, наружу вылезет. Не оправдаемся.

– По крайней мере – несколько часов мы сможем спать спокойно.

– А почему, лишь несколько часов?

– Всякое может быть, не нужно расслабляться.

Ладно, давай ложиться спать.

Только, без задних мыслей. Ложись спиной к моей спине, надёжней – от них будет.

– А от кого, надёжнее?

– Не придурайся! – Не нужно нам мыслей дурных. Давай, ложись быстрее, спать! Ночь летняя, короткая.

Свет выключив, разделась. Нырнув под одеяло, мгновенно отвернулась к стенке.

– Что ты ему сказала, что он так изменился весь? – спросил Иван её, раздевшись.

– Когда проснёмся, может быть, всё расскажу. Повремени, не буркай. Спи.

– Быть может, если мы проснёмся....

Или, быть может, всё-таки, расскажешь?! – спросил её, тревожно.

Заснула Соня, без объяснений.

Она, устала, после событий, тревожений.

К спине её, невольно прикоснувшись, почувствовал знакомое волнение, но помня её просьбу, старался – не откликаться на зов природы, заснуть скорее.

Сон, как назло, не шёл к нему. Желание – огромной силы, заставило подняться. Он захотел, по малому освободиться.

Наткнувшись на хозяина, от неожиданности – испугался. Тот, к комнате, где разместил их, подкрадывался.

Спросил того:

– Где туалет?

От неожиданности – ойкнул тот и, подавившись, закашлял..., и споткнулся, чуть было не упал. Но туалет, тот показал.

Спросил:

– Ты почему не спишь ещё? – ведь, спать хотели.

– Я засыпаю тяжело, и тут – такие нервы.

– Тяжко – как это? – вздохнул тот, недовольно.

– Под утро – врал Иван, зачем-то, не понимая причины того беспокойства – тот спрашивал об этом. Привык заботиться о постояльцах?

Самостоятельно, не вычислю. Не стану будить бедняжку Соню. Пусть спит. Устала от проблем ужасных. Вся на нервах.

– Какой-то странный и, проблемный! – бурчал хозяин. – Молодой, и плохо спишь, с женой красивой!

Глаза протри, увидишь – туалет. Открытый, напротив комнаты, где ты не спишь! – Он, недовольно повернувшись, ушёл по коридору. Под нос, бурча – пообещала, а этот..., шастает....

Не спит – зараза!

Соня сопела, отвернувшись от стены. Предательски освещены светом луны, её раскрывшаяся грудь и добродушное лицо – наивное, по-детски.

Им чувство овладело, и он, в постель улёгся, невольно к ней прижался, из-за размеров – их кровати.... Иначе, не поместиться.

Она дышала жарко и, попыталась с ним обняться. Он вытянулся, словно оловянный – в испуге, что – проснётся, боясь пошевелинуться. Но видно, не устроил, чем-то её – во сне или почувствовала запах, поняла, что это не любовник, а товарищ – в этой беде, вновь сладко засопела, отвернувшись.

И он, дыхание, переведя, вздохнул и, успокоившись, заснул, как джентльмен. – Не покусившись, на плоды, что под запретом.

Спал – крепко. Проснулся лишь, когда задел рукой его хозяин, орудуя – по телу спящей Сони, той гладил плечи, спину, бёдра. А Соня, тяжело дышала, не просыпалась....

Иван Васильевич схватил того за руку.

– Ты что забыл в нашей постели?

– Спи! Тихо! А не то, зарррежу!!

Иван Васильевич, не испугался, вскочил с кровати:

– Ах ты, тать окаянная! Ты из поганой рати?!

Готов был драться.

Увидев злобное лицо хозяина, дошло, что предстоит сражение – большое, трудное. За честь и тело дамы – товарища его; предположительно, с изгнанием их из отеля.

Он приготовился, нападку отразить врага, но тот – шипел и бормотал о чём-то, и..., с места не сходил. По-видимому, ждал, когда муж женщины, набросится.

Не тут-то было. Иван Васильевич, был не дурак, прекрасно знал – первый удар, всегда подсуден. Потом, попробуй, докажи, кому-то, что ударял того, лишь в целях обороны, защиты чести!

Так простояли – несколько минут. Потом – хозяин посоветовал, собраться, и бежать отсюда, пока тот добрый, и даёт возможность, убраться им, за шесть минут.

И, вынеся им приговор – виновным, вышел из комнаты, довольным.

Соня проснулась, при – их перебранке и, как тот вышел, тоном недовольным, сказала зло, Иван Васильевичу:

– Ты влез – куда не нужно было лезть! Я справилась сама бы с ним. И, было бы – нормально.

– Он, честь твою хотел украсть! – пытался оправдаться.

– Вот блин! А я её, забыла в лаборатории! С собою не взяла. Какая же, досада!! – пыталась Соня пошутить – скабрезно, но шутка, у неё – не получилась. Не было настроения.

Им было не смешно. Задумались.

Лишь хуже будет – предрекла она, придумывая, как исправить положение.

Ещё было темно и, звёзды, небосклон ночной, не ярко освещали комнату, луна за облаками спряталась. Как будто бы, раздваивалась.

Внезапно – в комнате, над головой включился свет. Через минуту – зашёл серьёзный, очень недовольный, хозяин заведения – в параде полном. Видно спросить, какое их решение?

– Вы не собрались? Не выполнили мой совет? – спросил он удивлённо и, как кабель, сорвавшийся с цепи, залаял, по-турецки.

Соня накинула комбинезон, встала с кровати, подошла к тому, пыталась, что-то объяснить, стараясь улыбаться, кокетничая с тем, при этом. Но тот её, и слышать, не хотел. Не обращал внимания, на – грудь роскошную, комбинезоном не скрываемую. Её он, будто бы не видел и, не смотрел. Словно и не было, желания его и приставания – недавнего.

Видя, что те стоят, не выполняют пожелания, он вызвал – колокольчиком звоня – «охранников».

Вошли в дверь, сущности – человекообразные, напоминающие обезьян – отряда орангутангов. Те их, без церемоний взяли под руки и, понесли по коридору и, вниз по лестнице.

Их бросили, у лестницы-временки в просторном помещении, без окон и дверей. Хотя одна была дверь – вверх, но открывалась – сверху. Была массивной и тяжёлой. Они вдвоём бы, не смогли её открыть – поднять, если бы лестницу, те не убрали.

Они увидели, где находились, пока была открыта – дверь, а как захлопнулась – настала темнота кромешная, словно ослепли.

– Мне кажется, что это погреб, – подумав, сделал заключение Иван Васильевич, в одну из стенок ковырнув. Это земля.

– Какой, догадливый! Не зря же стал учёным! – Соня иронизировала (по голосу – тоскливо).

Во тьме не видно было – её улыбки.

– По видимости – заключил Иван Васильевич, улыбка саркастическая, недовольная. Но что, мне было делать?!

Он сделал вывод вслух. – Лучше здесь оказаться, чем допустить, чтобы тебя – тот изнасиловал!

– А почему, ты думаешь, – тот, обязательно, меня бы изнасиловал? Или, ты за себя – боялся? Бедненький!

– Он был такой противный, гадкий, злой. Скорей всего, так бы и поступил с тобой, если бы – за тебя не заступился.

– Догадливый! Герой!

– Я с детства, был таким.

– Оно и видно! Таким ты и остался.

– Горбатого могила лишь исправит! – пытался пошутить, Иван Васильевич.

– Быть может, эта?

– Ты, так не думаешь....

– Да, раньше, нужно, было думать!

– Так я же! Я....

– Вот именно, что ты..., головка несмышленная!

Они, на время, замолчали.

Иван Васильевич обиделся на Соню, но посидев, подумав, решил – не обижаться. Ведь все бывают ветренными, иногда, не до конца оценивают – серьёзность ситуаций, происходящих в жизни.

Случается.... Потом, бывает поздно, но....

В погребке было душновато. Откуда-то, со стороны шёл небольшой приток прохлады – воздуха. Пол – не холодный. Под место, подложив сандалии и куртку, на них присели и, задумались, за что судьба так с ними поступила? Сюда забросила.

Молчали долго, времени – немало было, можно отбавить – много. В машине сон, ночной – неполноценный отдых, их не восстановили, они заснули, облокотившись спинами – друг к другу, по несчастью.

Первому, «отдых» надоел Иван Васильевичу, и он хотел подняться с пола, размять конечности, частично онемевшие – от долгого сидения в одной и той же позе, но слыша нервное посапывание – «подруги», за спиной, не мог решиться – нарушить сон той. Но, долго вытерпеть не смог, судорога стиснула – одну из ног, с болью – её вперёд подвинул, и застонал, как бегемот.

От стога Соня вскрикнула, проснувшись

– Что это?!

– Я, Иван Васильевич. Ты, извини, пожалуйста. Схватила сильно судорога за ногу и, я не выдержав, тихонько закричал.

– Тихонько, закричал?

Она всё вспомнила.

Сюда не проникал, луч света.

– Наверное – нам было лучше в лаборатории, предположила Соня, тем самым, подтвердила мысли, клубившиеся в голове подельника.

– Пути Господни, неисповедимы – вздохнул он, почесав затылок, невольно тронув волосы её.

Та, чувствуя прикосновение руки, взяла её в руку свою и, развернувшись, с благодарностью, на сердце положила.

Иван не ожидал подобного и, растерявшись, грудь рукою взял. Она была отброшена – мгновенно.

- У вас – одно лишь на уме, сказала Соня, рассердившись, и предложила, чтобы думал – о чём другом.
- К примеру?
- Как выбраться отсюда, ведь ты мужчина, а не я! Или мужчина, лишь в постели?
- Ума не приложу пока – честно признался он и, опустил – беспомощно, руку свою на ногу, что судорогой была захвачена недавно и, с удивлением заметил, что от неё, нет и следа. Прошла, – он удивился, а я и не заметил, когда прошла.
- Кто и, куда прошла?
- Да, судорога моя – ноги. Только была, сама прошла. Было опасным положение её, наверное – пересидел, не двигая.
- Ноги? – переспросила машинально Соня, и замолчали вновь они – надолго.

Глава 2. Всё получилось.

Иван Васильевич не выдержал – придумать ничего нельзя! – он, сокрушаясь, заявил. – Стены и пол – земля. Тюрьма!

– Но потолок другой!

– А до него, как мы достанем? Если на что-то встанем или быть может – на кого-то.

– Давай попробуем?

– Что толку! Меня не выдержишь, а ты с ней, сделать ничего не сможешь.

– С кем, с ней?

– И с дверью также.

– Попробуем?

– Давай. Попробуй.

Поднявшись, взял её за руку, помог подняться. Стал на колени, чтобы Соня, на плечи по спине, смогла забраться, так было ей, ему, удобней.

С колен поднявшись, постарался её поднять, как можно выше, приподнимаясь на носках, чтобы ей легче упираться – в дверь погреба закрытую. Но, как не тужились они, от их усилий, не шелохнулась дверь тяжёлая.

– Вот видишь! – констатировал Иван. – Так, не получится. Впустую будем мучиться.

– Ты подойди к стене чуть ближе? – она, настойчиво, просила.

– Зачем? – спросил, недоуменно. – И так, стою с ней рядом. Хочешь, упёршись, оттолкнуться? Не побоишься, не удержавшись на плечах, с них навернуться?

– Поближе подойди, пожалуйста! – Соня просила. Здесь, наверху, сильнее – поток воздуха. Значит, канал проходит рядом – воздух подаётся.

Не специально же для нас, канал под вентиляции вели?

Иван Васильевич исполнил просьбу – беспрекословно, сразу. Затем, носил её вдоль стен, она искала, их прощупывала, потолок, пока – восторженно не прошептала:

– Нашла! Нашла! Быстрее опускай, теперь, мы будем думать.

– До этого, не думали? – бурча, он опустил Соню на пол.

Она, не хрупкой, девушкой была; спина об этом – говорила.

– Я чувствовала, чувствовала! – зататорила она, прижавшись радостно щекой, к лицу того, словно боялась, что услышит кто-то.

От прикасания и, ощущения – горячего дыхания, мурашки пробежали.

– Я чувствовала, что идёт откуда-то к нам в погреб воздух и, – не ошиблась! – Выходит, выход есть! И я нашла тот, здесь!

– И где он? Наверху? – с трудом справляясь с дрожью возбуждения – спросил он машинально, полу безразлично.

– Да! Наверху! Есть щель, а из неё приходит воздух! – А щель, большая? – спросил Васильевич, с усмешкой.

Он почему-то вспомнил анекдот о гинекологе, с прорабом, встретившихся, чрез двадцать лет, и стало – стыдно за воспоминания.

Вопрос, восторженный пыл Сони сбил, она притихла.

– Одиннадцать – двенадцать сантиметров – ответила она, задумавшись. – Но всё равно, – воскликнула, ведь означает это, что выход здесь!

– И хорошо, что выход есть, – осталось щель расширить, чтобы в неё пролезть, всё остальное – мусор. Не правда ли? – спокойно ей Васильевич ответил.

Соня молчала, голову уткнув в колени.

Иван Васильевич «увидел», что – переборщил, смутился от произошедшего. И, понимая, что не прав, он, повернувшись к ней, приобнял. На удивление – не убирая рук, на них сложила – свои руки, голову, задумалась.

– И всё-таки в том что-то есть! – с упорством прошептала, немного всхлипывая.

– Конечно, есть! – ответил ей Иван, пока не понимая, что же – есть, если в щель ту нельзя пролезть.

Невольно, мысли появляться начали – о бесполезности попыток, что лучше – чувствам и желанию отдаться – пусть и неподходящим к этой обстановке. Он стал усиленно их прогонять и, урезонивать себя, что здесь не место им, подсказывать себе, что нужно чище – внутренне быть, и лучше.

– В обнимку хорошо, не чувствуешь, что ты один, становишься – сильнее, тихо сказал Иван Васильевич, глядя её по голове.

Мы справимся. – Я это чувствую.

– Надеюсь, та ответила и....

Шум раздался, дверь открылась, увидели – проникший свет от свечки, за ней – хозяина лицо.

– Ну что? Проспались? Грубияны! – противный голос слышен. – Мне стало жалко вас. Вот, помогаю. Обманщикам, из жалости.

Отдам в полицию, в тюрьме – страшнее будет, чем в тёплом погребе. Забочусь, отчего-то. И, не пойму причину.

– За что, в тюрьму то, нас? – немало, удивилась Соня. Закон не нарушали. Вы, к мужу приставали, не я, к Вам. За что, сюда нас бросили?

– Задержат вас, до выяснения.

Без документов и, без денег, вещей – дорожных! Вы, инопланетяне?

Такие путешественники странные?

– Мы к вам попали из другого измерения – хотел сказать Васильевич. Одёрнула его, Соня рукой. Тот замолчал, мгновенно. Сомнения в поступке, поведении, остались, но он решил – пусть говорит сама, решает. За всё, что с ними будет – отвечает.

– Мы же сказали вам, – у нас пропала сумка, в ней были: документы, вещи, деньги. Как нам теперь, домой добраться? Что с нами будет? – запричитала Соня.

Иван Васильевич смотрел и, восхищался, одновременно, удивляясь – её метаморфозе, перевоплощению.

– Кто нам поможет здесь, в чужой стране? – продолжила стенать, с огромным сожалением.

– Ладно! Не плачь! – хозяин Соню успокоил. Быть может, что-то и, придумаю.

Только смотрите, – слушаться не будете, отправлю – сразу же в полицию! Вам ясно это?! Или ещё немного посидите, подумаете, как вам лучше?

– Выбор здесь небольшой. – Мы будем слушаться!

А что предложите за это?

– Вы задолжали за ночлег, за беспокойство, придётся отрабатывать! Согласны?

– Согласны! – Соня, вмиг, за них ответила – обоих. Нужны, на штрафы, документы – деньги, помощь.

– Я о деньгах и помощи, не говорил. Не знаю, как работаете. Нужно, вам – долг вначале отработать. Добавится питание и содержание. Посмотрим – на ваше поведение.

Ей было, главным – вылезти отсюда, а там, всё видно будет – как быть дальше.

– Смотрите у меня! Беру за вас, на душу – грех. Если узнает кто, что приютил без документов, меня накажут, не только вас. Вам ясно?! Служба миграционная – ужасно строгая, жестокая – у нас.

Оба кивнули головами. Хозяин слугам приказал, спустить к ним лестницу. Двое существ, спустили её вниз и, помогли им вылезти, затем, наверх сопроводили, во двор – по коридору.

Хозяин предложил – за ночь в мотеле расписаться в счёте. Увидев – триста лир турецких за человека, за малым не возмутились. Но видя – грозный взгляд хозяина, улыбку – типа, орангутангов, мгновенно расписались – не возражая.

– С вас лишнего не взяли – за номер, полторы лишь сотни баксов. Надбавить нужно, было бы – за беспокойство. Посмотрим, позже.

Здесь, в этой книге – подсказал хозяин – вы будете вести подсчёт затрат, за проживание, питание, услуги, телевизор. Платить вам буду за работу – по сотне баксов, возможно меньше. Зависеть будет – от старания.

– Понятно, – Иван Васильевич ответил. – А пятьдесят, удержишь за питание. И, как же, долг сумеем вам отдать, если – за ночь вчерашнюю, нам отрабатывать сегодня и, так – всё время? Не смешно.

– Вы сможете здесь подработать, в свободное, от основной работы. К примеру, девушка – по вечерам танцует танец живота, с «клубничкой». Тебя, я также, где-нибудь пристрою, сказал Иван Васильевичу. Вроде, за второй сорт сойдёшь, работать сможешь ночью в «Султан-сарая». Активно будешь там работать – не пропадёшь.

Он засмеялся после слов этих, причмокивая смачно, за ним загоготали сущности человекообразные, с полслова понимая его шутки.

– А по-другому, зарабатывать, никак нельзя? И, меньше тратить на мотель?

– Конечно, можно! Тогда придётся – ночевать вам в том же погребе, где вы сегодня были. Вы сами выбираете, вас не неволю. За погреб, с вас возьму, с обоих – сотню баксов. Вы сами видите, – по-божески, не граблю.

– А туалет?

– Днём, в туалет ходите, а в ночью – вазы, с собой берите, чтобы мне погреб, – не завоняли.

Я вас ни в чём не принуждаю. Я повторяю – сами выбираете.

– Вы очень, к нам великодушны, мы ценим это и согласны ночевать в этом «прекрасном» погребе, – пока с долгами не рассчитаемся, Соня ответила, ему – лъстя беззастенчиво. – Такой заботливый и благородный! Спасибо вам огромное! – закончила она, с улыбкой и, низко – в пояс поклонилась.

– Условие, Иван Васильевич поставил – работаем вдвоём. Всё время – вместе.

Представил – тот ползет к Соне, если одну её оставить.

Хозяин был довольным – задуманное, сбылось. Довольно прибыльную сделку заключил, на временной период. – Нашёл рабов бесплатных, пусть, ненадолго.

Возможность дал им – привести себя в порядок. Их, покормив, обязанности им распределил, отеля и двора – уборку, отправил сразу их работать.

Царил большой упадок, запущение в отеле, особенно, в подсобных помещениях.

У них создавалось впечатление – в мотеле раньше не было уборки генеральной, и только их здесь ожидали, чтобы они её, и выполнили.

К обеду, сил едва осталось, чтобы ко рту, победоносно – столовые приборы подносить и, пищу проглотить с трудом. Пища была невкусной.

На ужин приплелись, едва соображая, что-то. После работы, прошлой ночи, решили отоспаться и, отказались идти в погреб.

Никто их не тревожил до утра и, выспавшись, набравшись сил, сознательно – долг увеличили, позавтракав, пошли работать.

Второй день был – не легче первого, хотя, на ужин прибыли – не полумёртвыми.

Они решили провести ночь эту, да и последующие, для экономии средств – в погребе. Ночные вазы, взяли, на всякий случай, стесняясь этого. Поэтому, «освободиться» постарались, от груза из желудка – вечером и, после ужина.

Они, с собою прихватили – с вазами, совок. Решили попытаться – с каналом разобраться, насколько тот, у основания – широк.

– Не думает, что убежать хотим?

– Куда? – негромко, Соня засмеялась.

– Вот именно, куда? Хотя, освоившись, я думаю – навряд ли мы упустим, возможность эту, когда представится она – однажды.

– А для чего, совок мы взяли? Можно подумать, не для этого?

– Ну, не из праздного, конечно, любопытства. Хотя надежд особых, в этом – нет и, не предполагаю.

– Нельзя, таким быть пессимистом! Нужно бороться до конца с любыми трудностями! Ясно?!

– Не собираюсь я смириться с рабством. Просто, со стороны, по меньшей мере – это смешно – для нас канал маскировали специально, зная, что мы когда-то попадём сюда. Ведь не бывает, ничего случайного.

– Никто его и не маскировал. Я больше чем уверена, – хозяин этого мотеля о нём не знал. Меня, так возбуждает, что воздух, по нему идущий – прохладный, чистый.

– И, даже здесь?

– В этом вопросе, что-то есть?

– Как сильно, возбуждает? – Иван Васильевич, пытался пошутить.

– Что возбуждает?

– Воздух, – чистый и прохладный.

– Да! Возбуждает! Чувствую, что в этом тайна есть, какая-то.... – Фома неверующий!

Она внезапно замолчала, остановилась на полуслове, не досказав того, что бы хотела рассказать.

И помолчав, продолжила – внезапно:

– Такое впечатление, что нас кто-то ведёт. Быть может, мы для этого и рождены?

– Чтобы ту сказку сделать былью.

– Смеешься надо мной?

– Зачем?

– Быть может, веселишься так.

– Нет, не смеюсь. Хотя, есть доля и, в иронии судьбы. Ты понимаешь, в каждом случае, быть должен – смысл. А я его не вижу. Зачем судьбе, нас нужно, присылать сюда? Даже, найдём канал, подкоп, и что? Что будет дальше? В чём смысл прибытия, в другое измерение?

– Не знаю. Просто, кажется....

– Креститься надо.

– Я и крещусь. Как же, без этого?

Мы, слишком много говорим. Может, приступим к делу?

– Давай приступим.

Иван Васильевич стал на колени.

Сбросив с себя комбинезон, – темно и, жарко, совок взяв, влезла по спине к нему на плечи, Соня.

Вначале, что-то шупала руками, а затем пошёл в ход инструмент. Земля посыпалась на голову Ивану. Щель трудно расширялась. И, всё же – раздавалась.

– Как хорошо, что взяли лишь совок, а не лопату, она, смеясь, спустилась, передохнуть – рука устала на весу.

– Я вряд ли чем смогу тебе помочь, – ответил ей Иван. – Меня не выдержишь ты на плечах своих.

Кстати, а что мы будем делать, с землёй – насыпанной?

– Давай её, по полу разбросаем и утрамбуем, пока, не так и много.

– Пока.... Давай! Трамбуем.

Иван Васильевич с ней согласился и, равномерно, по полу землю распределил. Разувшись, пятками ту трамбовал, пока усталость не почувствовал.

– Земля сухая – удивился, многозначно – не из природного пласта.

– Уж мне не знать! – Соня ответила. – Ты слышал звуки сам, местами – камень, словно. Она спрессована и, выветрена – явно.

Передохнув, вновь взялись за работу. Щель, постепенно расширялась, но в глубине её, внезапно – камень огромный оказался. В него, совком воткнувшись, звон услышали и, испугались.

– Добрались! – шептала Соня, огорчённо. – Стали.

Как дальше быть? Его ведь, не пробить. А обходить, столько труда?

– Да и земли немало. Немного отдохнём, подумаем.

– Устал?

– Да ты ведь не пушинка! Ноги гудят, спина в отключке.

– Я так старалась! И....

– Давай поспим! – ей предложил Иван. – А завтра вечером – придумаем, что-либо.

– Давай, – с ним согласилась Соня – утро, мудрее вечера.

Распределив всю землю и тщательно утрамбовав, они легли, заснули сразу, проснулись лишь, когда открылась дверь вверх. Щель не видна была со стороны, открывшейся двери, под перекрытием, напротив.

Они не выспались, и выглядели мятыми, довольно сонными и вялыми, часть времени были в прострации.

– Всю ночь, протрахались, наверное! – хозяин думал, злясь, и в этот день, старался дать работы – тяжелее.

Дождавшись ночи, вновь ушли спать в погреб – раньше обычного, словно там было им – прекрасно. В него тянуло, чем-то.

– Вот суки, таковые! – хозяин злился. – Ну, ничего! Утром, – устрою! И посмотрю, как, после этого, до вечера дотянете! – он с завистью и вожделием смотрел на Соню – манящую его своими формами и телом, со злостью на Иван Васильевича, не отходящего от Сони.

– А может быть, бегут туда, чтобы быстрее лечь, с усталости? – подумал, успокаивая так, себя. – Я ведь сегодня завалил работой, столько накопилось за десять лет, что хватит на неделю!

Спасибо тебе, провидение, что ты прислало их ко мне, этих – «тупых» работников! Такой удачи раньше, мне – не доставалось никогда. Огромное спасибо! Тебе я благодарен.

– Залезть, попробуй, на меня, – Соня Ивану предложила, упёрлась в стену, ноги – шире плеч раздвинула. Ты руку всунь, в щель, глубже, ищи неровности.

Давай попробуем! – она потребовала, видя, что он не среагировал. – Может, получится.

– Тебе ведь, будет больно.

– Я выдержу.

– Ты, мазохистка?

– Поменьше говори, а пробуй!

Иван Васильевич разулся и, разделся, и заскользил по её телу, руками и ногами, не знал, как по-другому. Коленками, упёршись в её плечи, а животом, невольно, в лоб.

Вставил в щель, руку. Та – лаз напоминала. Наткнувшись на огромный камень, локтем упёршись в стенку, ослабил тем – нагрузку, на плечи Сони.

Рукою камень потянул к себе, найдя, в шероховатости его выступ большой, но всё было напрасно, не получалось ничего из этого.

В отчаянии, злости, от безнадёжности, толкнул тот камень в сторону, что было силы и..., камень сдвинулся. Довольно сильный – воздуха поток, рванулся на него из щели.

От неожиданности покачнулся и упал Иван Васильевич. Соня, последовала следом, – не выдержала пируэта.

– Всё получилось! – обрадовано, прошептал Иван Васильевич, вскочив с земли и, высоко подпрыгнув, с радости.

Соня, с ним радуясь, вверх также подскочила и...

Обнимаясь, танец исполняли – какой-то, в темноте – замысловатый, со смыслом непонятным – исполнения коленцев.

Как отдышались, успокоились, стали придумывать, как в лаз проникнуть, – не оттягивать на завтра.

– Когда расширим, тебя я подниму, в него залезешь, – он предложил, – оттуда и, попробуешь – поднять меня.

– Давай, наоборот – Соня не согласилась, – внизу тебя я выдержу, недолго, а если ты залезешь – из той, меня поднимешь.

Так и, решили. Иван Васильевич, забрался на неё, затем руками стал на её плечи и, ноги всунул в щель. Оттуда опустил рубашку за рукав, при помощи той, поднял их одежду, совок – на всякий случай, и Соню – по канату, свитому из одежды.

Глава 3. Тоннель и поиск

Недолго пробирались по каналу. Вскоре наткнулись на преграду – из камня стену.

– Совок помочь не сможет – попробовал шутить, Иван Васильевич, быть может – дух святой подскажет.

Остановились, удручённо, перед ней, не зная, что им делать дальше. Ощупал, осмотрел включая зажигалку, но не нашёл щели малейшей в ней, сколько, не шупал, не искал.

В дальнейшем, убедились в тщетности – попыток, толкая и, пытаясь сдвинуть стену с места. Били по ней – руками и ногами, и уговаривали приоткрыть проход, но всё, что делали, было безрезультатным. Не получалось, продолжать исход.

От этой, безысходности – пропала радость освобождения и, настроение ушло. Сверлили головы – сомнения.

– Не поворачивать же нам обратно, в погреб! – Соня произнесла. Не этих, мы с тобой – судебных желали.

– Как будто я горю таким желанием! – Иван Васильевич ответил.

– Как только, взгляд представлю – похотливый, так сразу же, становится мне дурно.

– Мне самому, был он – противен. Какой-то, гадкий, весь! Под стать своим Годзиллам.

– Но что ещё, мы можем сделать?

– Не знаю – голосом растерянным, ответил ей Иван Васильевич. Вроде, испробовали всё, чтобы, возможно, помогло. Проход навечно замурован, и вряд ли мы сумеем – придумать в этой ситуации, ещё, что-либо.

– В этой ситуации! – сказала тихо Соня. За что, судьба – так издевается? Забросила под землю! Находимся в прострации.

Было, прекрасно слышно, она вот-вот расплечется, тот голос был тоскливым, жалобным.

В отчаянии злостном, Иван Васильевич опёрся – на стену телом и, ввернулся, приседая, будто хотел в неё втереться, придав тем самым – поступательное к ней усилие, по стрелке часовой, – сдвиг колесом. И тут, махина каменная – мягко ушла направо, катясь как колесо, усилив поток воздуха в их сторону. Ударив по лицу и телу, усилил эйфорию, поднял их настроение.

– Ура! Я знала! Я была уверена, в том, что получится всё у тебя! – восторженно воскликнула, обрадовавшаяся, Соня. – Ура! Ура! Ты молодец, Иван Васильевич! Ты справился с ней, хитрой и коварной! – Путь, преградившей нам – стеной из камня.

Стена, практически бесшумно, вернулась вновь на – место прежнее, обратно, без приложения усилий. Им стало – страшно, они отрезали ещё раз – путь назад. Пусть, к нехорошим людям..., оставшись в полном одиночестве – в тоннеле, неизвестности.

– Быть может, это дорога в Ад? – шептала Соня.

Непонятно – она, так шутит или радуется, что – всё закончится когда-то, раз убежали из тюрьмы в мотеле – погреба.

– У нас в лаборатории, есть поговорка, – коль долго мучиться, то, что-нибудь, получится....

Шёл за стеной, широкий ход – тоннель. В том было, несколько прохладнее, чем в ходе – из подвала. Это заставило их вспомнить – они раздеты, да и теперь – не нужно им тащить с одеждой узел.

– Пора одеться, думаю, Иван Васильевичу Соня предложила.

Хотя я натурастка – по образу мышления, желаниям, но думаю, в одежде будет лучше, чем без неё. Тем более что здесь, надеемся, кого-то встретить. Как думаешь, права я?

– Права, конечно. И я, гулять, словно эксгибиционист – не пробовал, хотя и в темноте.

– Нет у меня желания, показываться голым – девушкам.

– Возможно, ты стесняешься, что нечего им показать? – пыталась пошутить она. Да и с чего бы это, мне сказал?

– Что не был я – эксгибиционистом?

– И это тоже.

– Потому, что не был...

– Ладно, проехали! Пошли? Я видела и чувствовала – твой прибор, тот – замечательно нормальный.

– За малым – я не соблазнилась, чуть было не призналась. Дважды.

– Пошли – Иван Васильевич с ней согласился, они – одевшись, пошли дальше.

По этому тоннелю, могли идти спокойно, одновременно – два-три человека, плечами не касаясь стен. Он шёл куда-то в сторону от Деринкуйо.

– Какая разница – куда, лишь бы не в сторону мотеля, Соня ответила себе на свой вопрос незаданный. Раз тот проложен – рукотворно, значит – конечный пункт прибытия имеется. Надеюсь, хуже там – не будет, чем в подвале.

– Надеемся, Иван Васильевич, с ней согласился.

Ориентироваться было в нём, – несложно, он был прямым, словно струна. Стороны света, в погребке определили – раньше.

Они бесстрашно шли и, радостно, при этом ощущая, прилив огромный – сил и настроения.

– Тебе не страшно? – спросила Соня, ища причину изменения.

– Не очень, почему-то – ответил он. – Хотя, по логике – любое незнакомое и неизведанное, не только интересно, но и страшно, ведь мы не знаем, что нас ждёт – через два метра, ведём себя, как дети.

– Дети боятся, также, очень часто. И, больше взрослых понимают в событиях происходящих. От этого им легче ориентироваться – в среде, их окружающей. Дети, нас не бесстрашнее.

– Наверно, это оттого, что мы с тобой прошли сквозь ад – в мотеле и в лаборатории, – немало нехорошего, произошло, за столь, непродолжительное время.

– Быть может, – согласился он. И радуемся, оттого что, в прошлое ушло плохое.

– Дай Бог, чтобы не встретили – подобное.

Шли долго, час или чуть больше, пройдя за это время не меньше пары километров, возможно, больше. Тоннель – прямолинеен, вдобавок постоянен, – геометрически, был неизменен.

А в это время, чёрная машина, остановилась у мотеля. Из неё вышли сущности, в плащах, под «цвет ночи». Дорогу показал – водитель, привёзший Соню и Ивана, два дня назад – заказом из отеля. Для этого, того с собою привезли, чтобы тех – по горячему нашли.

У сущностей, был странный взгляд, смотрели – поверх человека, когда с ним разговаривали, будто – того не видели..., хотя всё слышали. И, были безволосыми.

Раннее утро только просыпалось, лучи блеснули робко, в темноте. Свет, перемешиваясь с сумраком, теснил его и, тени, с массивов горных изгонял. Те – на глазах, короче становились, сжимаясь – уменьшались, и он тем – выбор сделать не давал. Долины, склоны гор, ущелья, освещал, врывался – властно, в каждый дом. Он был хозяином, почти везде, до вечера. – Пока тьма не вернётся – чередоваться властью, силою.

Водителя – в машине оставив одного, сущности в дверь – входную позвонили. Неоднократно. Видно – в мотеле звонка не слышали. И, не дождавшись, что откроют – с петель двери сорвали. И на дорогу – бросили.

Войдя в мотель, направились – по коридору, ведущему к подвалу, как будто знали, где той ночью, кто находятся – из тех, кто был тем нужен, за кем они приехали.

Навстречу выскочили две – человекообразные сущности, разбуженные шумом снятия двери. Без всякого предупреждения накинудись на прибывших, не спрашивая тех – зачем пришли.

Их, словно, мягкие игрушки, бесшумно смяли, отбросили, как дверь – небрежно. Пройдя сквозь них, прибывшие, пришли к подвалу, открыли дверь, в него ведущую. . . , сзади услышали возглас хозяина:

– Что происходит? – он кричал. Я вызову полицию! Ворвались в мой отель – бестактно? Ведь это моя собственность, а частность, законом охраняется! Незыблемо!

– Как хочешь, вызывай! – ответил «гость». – Мы здесь, за них.

– Я вас не вызывал.

– Нет, вызывал! – смеясь, ответил посетитель и предъявил тому жетон и номер. От удивления, тот обмер.

– Вы извините, значит, я ошибся, – смиренным тоном извинился, перед ними. Я думал, что вы террористы.

– Спятил, глупышка?

Где твои гости?

– Должны, в подвале быть. Не видно?

– Нет, он был пуст. Так, где они? Сбежали?

– Не знаю, тем. . . , растерянно ответил тот. Им было некуда отсюда деться, ведь это же подвал! Была закрыта ляда. Не слышал грохота. . . .

– Надеемся – не врешь! Но как, куда – они могли исчезнуть?

Как будто, растворились. . . .

Сняв информацию о них, предупредив, чтобы, хозяин сразу сообщил, если появятся, вдруг, где-то. Подписку, взяв с него – не разглашать гостайну, уехали, будто тех не было.

– Как я был прав! – думал хозяин, пока на петли, дверь навешивали – охранники человекообразные.

– Не зря, правительство интересуется, сбежавшими!

Те постояльцы, мой мотель почистили! Успел использовать тех – своевременно! Вот только, интересно – куда могли те деться и, как сбежали из подвала? Быть может, растворились в воздухе?

Но, для чего тогда, заночевать хотели, возможности имея магии. И убирали, словно слуги?

Видно, забрали – духи их, живущие в колодцах. Иначе бы, следы остались, не только в вазах. . . .

Невероятно, женщина была – красивая. Наобещала, обманула и, не была – со мной честна. . . . Галлюцинации, с реальностью частичной? Или то – духи, из-под земли? Соврали – будто из России.

Дойдя к новой преграде – не испугались, откатали, как колесо, закрывшее проход в тоннеле. Вошли в него. Путь, зажигалкой осветив, в стене увидев факел, от радости подпрыгнули – теперь, не как – кротам слепым, вперёд идти. При свете – много легче.

Зажгли один, второй взяв про запас, с хорошим настроением отправились – куда тоннель повёл – навстречу новым приключениям.

И сразу, растерявшись, стали – пред ними перекрёсток оказался, с развилкой в три пути. Теперь им нужно было выбирать – в какую сторону идти.

– Как в старой доброй сказке, – задумчиво, Иван сказал. – Пойдёшь налево – добро всё, что имеешь – потеряешь. Направо – время, а прямо – не возвратишься.

– Добра – мы не имеем. Терять нам нечего, ответила Соня Ивану.

– А отношения, они ведь – добрые. Терять их не хочу, и голову....

– Назад, не нужно возвращаться, и не хочу. Выходит – идём прямо.

– Согласен, идти нам нужно прямо? – ответил ей её подельник. Проблема эта – разрешилась.

Соня, с ним согласилась.

– Ты знаешь, я не сильно придавал значения, рассказам о подземной жизни. Но, понимал, что дыма не бывает без огня. Не ощущал сегодняшней реальности – воспринимал, как миф из древности – делился мыслями, Иван Васильевич, путь, продолжая, весело. – Сейчас же....

Нонсенс! – Я сам попал – в другое измерение. И наше путешествие – подземное, нам подтверждает, что под землёй – жизнь существует.

– Я слышала об этом также, читала, где-то, с трудом припоминаю. В Древней Руси, как тайная и вынужденная связь меж городами – столицами удельных княжеств, хода-тоннели были протяжённостью – сотни километров и более. К примеру, между Киевом – Черниговом тоннель, почти в сто двадцать километров, а из Смоленска можно, выйти в Киеве, пройдя, всё время под землёй – почти пятьсот километров.

И в тех – никто ведь не живёт, наверное....

– По видимости, есть другие?

– Конечно, есть. Но я о них, так мало знаю. Тоннель есть, между Киевом и Любичем – до ста пятидесяти километров; идущие к Одессе, Запорожью, а в Бресте и в Ростове, в Одессе – катакомбы. Познания мои – неполные, не связанные информацией, расплывчатые.

Существовали города подземные, жили по вере с древности, под веяниями – силы и меча, смерть, принимая, веру не меняя.

– Не понимали люди, что Бог един, как ты Его не назови, других не будет, никогда.

– Не думала – о жизни под землёй..., если сюда, с тобою не попали.

Когда-то слышала легенду – о Соловецких островах, будто они – остатки Гипербореи.

Лишь изредка выходят на поверхность из-под земли – гиперборейцы. Выполнив миссию свою, вновь возвращаются обратно. Кстати, в легенде говорится, что Русы – их потомки.

А здесь, как думаешь, осталась сущности разумные? Или идём, где никого уж нет давно, все вымерли?

– Возможно, существует в другом виде! Всё ведь, возможно, предположительно.

– Особенности жизни их подземной, помогут изменить наш мир. Возможно – это вид другой существ, он отличается от всех живущих – на поверхности. Но, как бы, ни было, тоннели эти и ворота – в виде колеса, всё это быть могло – при симбиозе силы с разумом лишь только.

Вряд ли придумали макаки, шимпанзе, орангутанги их. Ведь я не псих. Другое измерение.

– Тех, и не нужно, было придумывать, как сущностей.

Давай, пофантазирую.

Это не просто так, – я буду на ходу их представлять, возможно, говорить нелепицы и, посетит меня абсурд.

– Ведь время есть. Идти, не знаем сколько. А говоришь о чём-то, время, дорога – становятся короче.

Тебя за это, я не осужу и, не отправлю вновь, в подвал – нашу тюрьму.

– Права. Времени много, вероятно. А нет, замолкну сразу.

– Но, как они, здесь могут, жить без солнца, ультрафиолета? – вопрос задала и, не получив ответа, сама себе ответила.

– Возможно, солнце, им, и не пригодно, его лучи – вредны?

Их организмы, по другому принципу работают, не так, как наши?

Можно предположить, что сущности задумали так это, лишь для целей – личных, чтобы другие выполняли – необходимую работу.

– Вновь принуждение и рабство? Возможно, накопительство.

– К примеру, – существуют черви огромные, питаются – соединениями в скалах, а сущности – используя тех, создают коммуникации в тоннелях, им не давая скалы хаотично грызть, по направлениям – любым.

– А этот, может быть, одним из хаотичных направлений?

– Если и так, то приспособлен для перемещений. Откуда факелы здесь взялись? Ведь те, все – рукотворные. Природа, их не сделает и, не положит для нас – у входа.

Других, не будет мнений?

– Всё это было бы, намного интересней, если об этом слушали у телевизора, в объятиях дивана или... человека, – с тоскою по уюту и прежней жизни – произнесла, задумавшись вновь, Соня.

– Конечно. Но пути Господни....

– Знаю, что неисповедимы.

Следующую – часть пути прошли, почти не разговаривая, о жизни, думая, каждый – своей. И о превратностях судьбы – забросившей сюда, в далёкие края, под землю – их обоих.

Преграду новую, легко преодолели и, оказались в зале – огромнейшей пещере. Отблески пламени, от факела, дорожками мерцающими – по стенам, полу, потолку при изменении их положения, менялись.

У стен, с боков увидели, под цвет стен, лавки – каменные. Они со стенами сливались, их невозможно было видеть сразу, пока глаза не стали различать – стен, пола, потолка – огромной залы, линии.

Стояла тишина – такая, что явно слышали дыхание и сердца стук, рядом стоящего.

Ими владело – напряжение и ожидание, чего-то важного, для каждого из них.

– Зачем, нас привели сюда? Что-то, здесь непонятное.

– Никто нас не тянул, не приглашал, мы сами..., вырвались из плена – погреба.

– Но, нас, никто не останавливал.

– Волнуешься?

– Конечно. Тебе всё безразлично?

– Да вроде нет. А что, по мне не видно?

– Нет, больше слышно.

– Слышно? А я вот, ничего не слышу, кроме дыханий наших, стука сердца – пожав плечами, произнёс Иван Васильевич. – Так тихо! Не слышен даже воздуха поток, спускающийся к нам, бесшумно и незримо.

Не по себе, мне, что-то.

– И я волнуюсь, понимая, что здесь судьба наша определяется.

– Тот высоко проходит, у потолка, поэтому – не слышно, дуновения того потока.

Присаживайтесь и, не чувствуйте себя – волнительно! – услышали, неожиданно – предложение, доброжелательное, после объяснения о прохождении потока воздуха.

Не скоро Вам придётся отдыхать, цените, что имеете. Придётся испытать превратности судьбы Вам – не однажды, Смелее, расслабляйтесь, слушайте, что Вам расскажут. Вопросы зададут – ответите. И главное – не лгите.

Пока, нас ждёте, отдыхайте.

От неожиданности испугались, и на ногах – дрожащих, ватных, направились к одной из стен, где с облегчением присели на каменные лавки.

Глава 4. Попытка убийства с целью мщения. Всё относительно, как смелость, лесть, вода, море и берег

Это всё, продолжалось – много времени. Она Артёму не давала спать. Нервы вот-вот, дойдут к черте предела, это он понимал, и сдерживал себя, стараясь не пойти в разнос по нервам.

– Иначе – не засну, если, вдобавок накручусь – решил он и, пытался – не обращать внимания на выходки её. – Та грызла, между ними стену, ему назло.

Она не успокаивалась, внимания не обращала, что то не спит из-за неё – ворочается. Будто ему в отместку, его «не замечала», словно того здесь не было. И так шёл – час за часом.

И всё-таки, предел терпению, внезапно наступил. После того, как понял – та обнаглела. – На стол, на кухне влезла. За стеной – услышал звук падения – глухой.

Артём, мгновенно догадался, – упала на пол со стола толстая палка колбасы. Больше – с того, и падать было нечему, ведь не потащит хлеб, когда есть, что-то – более вкуснее.

Вскочив с кровати резко, он кинулся на кухню, схватив доску со стенки, чтобы её прибить или, возможно, защититься, если та бросится к нему. Но эта бестия, недаром было ей лет восемнадцать – бросила колбасу, что по размеру – её больше, и юркнула в нору, что грызла ночью.

Та крыса, третью ночь спать не давала, грызя пол в его домике, не уставая. Позавчера, прогрызла кусок пола – возле стены и, променад по комнатам, неторопливо делала.

Пришлось, сжать зубы, чтобы до конца не разозлиться. Он вскакивал с кровати, топал, и обзывал – обидными словами, и наделяя – прозвищем похабным. Бесплезно. Грызть стену не прекращала.

Видно, обиделась она. До самого утра, пыталась пол и стену грызть в разных частях – кухни и зала, не примирившись, в эту ночь с судьбой.

Такое впечатление, что это её дом. Вчера ему приснилось – будто та, за палец (ноги) укусила, что высунулся из-под одеяла. Зная, рассказы очевидцев – страшные, старался укрывать лицо – надёжнее, и не высовывать ног из-под одеяла.

– На этот раз, не откусила, точнее – не отгрызла, себя он успокоил. Решив – с той, завтра, всё равно расправиться. Раз та, так будет – продолжать, себя вести, и дальше – некорректно, по отношению к нему.

И не пожалуешься, её королеве, вздохнул. Быть может, королеву, с поста турнули? И эта, мстить пришла ко мне, за отношения их – прежние.

Хотя, мстят по-другому.

– Немного подожду и, посмотрю, на поведение её – крысиное, тогда, точно решу, что с ней, я сделаю.

Он, колбасу не мог простить. Но, понимал, что крыса, хочет кушать, готов был поделиться хлебом с ней, который часто засыхает – в сухари. Не колбасой же, с той делиться, которую и сам любил, особенно, когда от лени, не готовил днями, а денег не было – ходить по ресторанам.

Этот поступок – полным беспределом был, поэтому он и решил, раз по-хорошему не понимает, её накажет. – Стеклом с алебастром. Забив, смесь в рукавицу – из алебаstra и стекла, отправился в постель, надеясь выспаться.

Под утро, всё-таки вздремнул Артём, и в ужасе, проснувшись, увидев, – рассвело. Опоздал он на работу.

Не успевая чистить зубы и в туалет сходить, пытался на ходу позавтракать, дожёвывая – с хлебом, колбасу в трамвае.

К рабочему автобусу, едва успел, и, чудом втиснулся в него, когда тот тронулся и, двери закрывал.

Домой пришёл он поздно. С огромным омерзением и, злостью – кипевшей в нём, как только дверь открыл, вошёл на кухню, увидеть пожелал – остатки «пира смертного». Из вытащенной рукавицы, смесь страшная лежала – для неё, он понял – крыса, к той не прикоснулась. Она, всё вытолкнула – содержимое, из рукавицы, ей приготовленное.

Немного отойдя от злости, удивился, а вскоре, успокоившись, смеялся. Она лишь съела, небольшой кусок от колбасы, что утром он отрезал. Большой – нетронут был.

– Не видеть его не могла.

Со мною, поделилась? – в недоумении он размышлял, сметая крошки со стола.

Что-то похожее на шутку и нелепицу.

В доме прохладно было, хорошо.

И, ночь прошла без «приключений». Не было злости и, без сна – мучений.

Он радовался – в комнате спокойно, тихо засыпая в ту ночь – спокойную, за несколько ночей последних, первую.

Проснулся радостным и, на работу, добирался, бесп проблемно.

Сегодня ужинал он в ресторане, куда зашли с товарищем по случаю зарплаты, командировочных. Пили немного, как всегда, бутылки по две – вина сухого. Главное, – вечером не нужно, готовить кушать, утром – надолго уезжал в командировку.

И, собирая вещи чистые в дорогу, смотря, одновременно – телевизор, прислушивался – нет ли гости. Сколько не ждал, грызни не слышал – пола, стен; от этого обрадовался, ещё больше.

С её норой, хлеб, положив, ушёл, ко сну готовиться.

– Возможно, что сбежала та – из цирка....

Спалось без жутких и противных звуков – грызни стен, пола – легко, покойно. Ничто спать не мешало – до середины ночи.... Когда почувствовал – нежданно для себя, сквозь одеяло, кто-то забегал по нему. – Стёжками мелкими шажков, вначале – в одну сторону, затем – в другую, по его груди – нахально.

– Это вскочила на кровать, на одеяло – крыса, в испуге понял, холодея. На миг какой-то, замер. – Мне не хватало, чтобы она залезла ко мне, под одеяло!? – мысль промелькнула.

Крыса, немного дёрнулась вначале, почувствовав, что он проснулся, и замерла. Как будто, выжидая, как будет действовать – хозяин одеяла.

Надеялась, обнимет, поцелует?

Вскочив, он сбросил приживалку с одеяла, укутавшись в него и, включил свет. Он лишь заметил – часть хвоста, исчезнувшего – в часть секунды, в её норе. И это, успокоило, немного.

По крайней мере, знал сейчас – она не спряталась, ни под кроватью, под подушкой или за креслом, тумбой, телевизором, что было бы, намного хуже.

Присев возле норы, не мог он – долго успокоиться, ощупывая нос, уши, конечности свои – другие. Пока не убедился – целые они.

Считая видно, всё произошедшее – игрушкой, она из норки показала нос.

Негодование, в нём закипело со страшной силой. Такого хамства от неё, он ожидать, не мог. – Даже при свете – включенном, она – наполовину вылезла из норки. И будто, ничего и

не было, спокойно, в упор смотрела на него, своими маленькими глазками, словно сыграть в гляделки, предлагала, кто – пересмотрит.

Когда он приподнялся, вновь шмыгнула вовнутрь норы. Там ждёт, когда он успокоится.

– Что, сука, на смотрины появилась? – он произнёс недобро. – И, на постель запёрлась, будто – домой к себе! Ишь, разгулялась, крыса гадкая!

Ведь, не приснилось это мне, во сне?!

Достав из рукавицы содержимое, добавил – не жалея колбасы, высыпал на газету, – на полу. Почистив смесь, от нескольких камней, схватившихся, и всё – перемешал. Рядом на блюде, налил водички, для ускорения процесса, алебаstra в её желудке.

Ложиться сразу же в постель – он побоялся, поэтому ушел во двор, на воздух чистый – немного успокоиться, полюбоваться – небом звёздным и, красотой ночной. Гулял он долго, а когда вернулся, то прежде, чем лечь спать – дверь забаррикадировал, меж спальней, кухней, обследовав всё тщательно.

Немного успокоился – только тогда, когда услышал шорох. Никто другой, кроме неё или её семейства, не мог здесь появиться. Так как они – оберегают тщательно границы, своих владений. Семью другую, никогда не пустят, даже если питания – достаточно.

Утром увидел, алебастр, рассыпанный по полу. И, было не понятно, наелась она вдоволь или «голодная» осталась.

Её не видел, а спросить об этом – некого, к тому же он спешил в командировку. За ним, вот-вот должны были заехать.

Стало – немного жалко крысу.

Времени, выпить чашку чая и скушать бутерброд – с трудом хватило.

– Икар, друг мой – запутался немного, отдохни – советовала Сущность Великолепная – ему. Видя, что тот устал от бесконечных дел, работы.

С трудом он отвечал на Люция вопросы.

Никита понимал, и был не против остановиться; слишком, – огромным было превосходство Люция над ним, во время обсуждения Закона «Эго».

Он был польщён вниманием к себе Великолепной, безгранично эрудированной Сущности, и это останавливало пыл. Он не пытался, думать и оспаривать – те постулаты, казавшиеся, в чём-то ему – неправильными.

– Вы правы, я действительно, запутался. Ведь не привык так быстро ориентироваться – на темы сложные. При разговорах я отвечаю – больше интуитивно, а не осознанно – признался Люцию Никита, мне хочется вновь с Вами встретиться и, в разговоре, многое узнать и, обучиться.

– Я никуда не уйду пока, и если ты не будешь против, я здесь немного задержусь.

– Здесь ваша резиденция, как я могу быть против нахождения – здесь, в вашем доме? Я гость всего лишь и, не более.

– Оставь, не то, что говорить так, думать даже. Ты здесь не гость. Ты здесь работаешь, живёшь, и этот дом твой, как и мой. Тем более, ты помогаешь мне, являясь представителем моим и оком. Твоя отчётность обо всём, что происходит здесь, похвальна. Я вижу, что нигде ты не лукавишь..., явно.

Никита покраснел от похвалы такой – немного, не очень он привык к ней, прежде.

В лаборатории считалось, – хвалить работника за то, что выполняет дело – хорошо, абсурдом; обязан выполнять порученное – хорошо, за это зарплату платят, и держат на работе.

– Быть может, и не всё, как вы хотели – получается, но я стараюсь, и огрехов, вроде меньше стало.

– И это видно. Огрехов не бывает у того, кто ничего не делает, совсем. Со временем, всё будет получаться. На рельсы дело станет, катиться будет – само почти, подталкивай лишь только, как маховик, что хорошо раскручен. – Нуждается в подкрутке лёгкой.

– Здесь, кстати, я не видел рельсов – попробовал Никита пошутить.

– Я изъясняюсь языком твоим, с тобой, так проще – понимать тебе меня.

– Я понимаю вас. Спасибо!

– Я вижу, отдохнул немного.

Сегодня праздник на планете – Мой день рождения.

Люблю я это время, когда в горах поют метели, и много снега.

Сейчас в честь праздника, если желаешь, я сделаю тебе подарок, посмотришь наяву с огромной высоты нашу планету. Пожелаешь?

– Конечно, да! Желаю.

– Тогда, закрой глаза, и держись крепче в кресле, сейчас мы полетим. Полёт – отличен будет от твоих полётов, и думаю, по нраву станет – путешествие. Готов? Присаживайся.

Полетели!

Закрыв глаза, Никита, руки-крылья положил на поручни у кресла. В какую-то секунду – налилось свинцом тело, вдавилось в спинку, затем – в пушинку превратилось, не весящую ничего. Чтобы не вылететь из кресла, вцепился в то, что было силы у него. Мелькнула мысль:

– Держась за кресло – держу себя или его, чтобы оно не улетело?

И улыбнувшись, приоткрыл глаза.

Пред взором развернулось сказочное зрелище, очень прекрасное и, удивительное. Он никогда ещё не видел – ничего подобного. Подёрнутое перистыми облаками и, изменяя – причудливые очертания пространства, сливаясь с шапками гор белоснежными, в контрасте с голубой поверхностью – морей и океанов, зелёной – леса и полей, создали восхитительный пейзаж, неопиcуемый, что завораживал взгляд – моментально.

Не в силах оторвать его, он позабыл, мгновенно – обо всём, что окружало в этот миг. – Идиллия.

Совсем недавно сталкивался со зрелищем подобным, но это было – восхитительнее более. Ведь оказалось, что чем выше и, чем дальше планета от тебя, тем ближе и желаннее она.

– Только вдаль – обыденное – постоянное – прекрасно, подумал он. – Ты начинаешь истинную цену понимать его.

Меняли облака, свои причудливые формы, и создавали новые фигуры, их изменяли по объёму, – сжимаясь, расширяясь, собою закрывая в доли секунды, континенты, их открывали.

Парил он в невесомости, словно – пушинка, капля воздуха, не шевеля крылами, спокойно сидя в кресле, которое боялся отпускать, чтобы случайно – его не потерять.

Оно было единственной частью с планеты, как он, на нём.

Светились, отражаясь от лучей светила – планеты Солнечной системы – играя ими – в безграничном, космоса – пространстве. Над головой блистал – его шар огненный, а вдалеке – два спутника.

Он, в восхищении, прикрыл глаза.

Когда открыл их, то себя увидел – в кабинете, на том же кресле, вновь тяжёлом, как и сам. Будто, он никуда не улетал.

Люций сидел напротив и молчал.

Он показал ему, из космоса планету.

– Понравилось? – спросил дежурным голосом, смотря другим, как голос – взглядом.

– Вначале, очень – ответил Люцию Никита.

– А что потом, произошло?

– Какое-то смятение пронзило – словно искрой. Затем, то, чем я восхищался, вдруг стало меньше значимым – другим.

– А что это, другое?

– Не знаю. Что-то непонятное, – обрывки информации.

– Ты, что-то помнишь из неё?

– Мало..., обрывки, между собой не связанные.

– Ты, рассказать о тех сумеешь?

– Что помню, рассказать могу. К примеру...

Неандертальцы. Исчезли 20 тыс. лет назад, как вид распространённый, оставив явные следы в живущих особях..., не помню точно, вроде – под землёй.

Там жизнь другая существует? В согласии с собой?

Люций оставил – вопросы без ответа, промолчав, внимательно лишь посмотрев, в глаза. Было заметно, что он озаботился над чем-то, задумался.

И лишь спустя часть времени, ответил:

– Когда-то, думал я об этом и, говорил тебе недавно – при первой нашей встрече....

И, вновь задумался о чём-то, потом спросил:

– А что ещё запомнил?

– Мне почему-то вспомнилось моё стихотворение, написанное в юности, на Родине, под Новый год. Прочешь его?

– Прочти.

– Зимой солнце светит, в лучах тепла почти что нет. Мороз студит, заметив дерзость – неслыханную: свет, ... а с ним тепло?

К нему прильнуло всё живое, не может удивить – элементарное, придумать. Хотя, есть ко всему, на всё – ответ.

Ведь лишь объятия мороз ослабит, придёт весна, тепло вернётся, всё растает, и сущности поймут – ушла зима, забрав с собою холода, уйдут трескучие морозы, и мигом расцветёт земля, не будут больше мёрзнуть слёзы – детей уставших, без тепла.

Заботы, трудности и горе, уйдут на второй план, ведь вскоре – придёт с теплом к ним – доброта лучей его – с победой зла. И это – не фантазия.

На свете есть тепло и солнце! Есть Бог и Вера, к ним оконце – открыто людям – тем всегда, в ком есть святая доброта. И Новый год – счастья надежда: кому-то нужен хлеб и кров, кому-то – более, чем прежде, услышать хор из лстивых слов, подарки: золото, газ и нефть, лес.

Желают в этот праздник славный, что хочется тебе: здоровья, счастья, хлеба, правды, веселья, радости в душе!

И я хочу, чтобы проснулось быстрее – солнышко моё, лучом мне – нежно улыбнулось, сияя им в моём окне. Чтобы согрелись от тепла его – все, кто недавно замерзал, чтобы запели снова птицы, никто бы больше не страдал, чтобы всем сущностям на свете, всегда было тепло, светло, чтобы, проснувшись на рассвете, с улыбкой мог смотреть в окно.

– Это к тебе, память пришла, ты вспомнил – праздник Новой год, ответил Люций – грустно, улыбаясь.

– Она явилось, в результате – прочитанной о прошлом книги моей планеты.

– Здесь многое не так. И людям здесь живется, и жилось, намного лучше, чем у вас.... И зим холодных нет, и стужи. Никто из них не знал – в горах кто не был, за жизнь свою не видел снега.

– Заметил это – тихо ответил Люцию Никита.

– Тебе, наверно, будет лучше побыть немного – одному, потом пойти и справить праздник Рождества, с тебе подобными людьми и птицами. Тебе – в работе, поможет это, так же.

– Вы правильно всегда, всё говорите – Никита, отвечая, пытался улыбнуться.

Он понимал – намёк был неспроста, хотя, предосудительного ничего не видел в своём стихотворении о Родине.

Другое измерение.

– Ты знаешь, как бы напоследок добавил Люций, можно винить всех, вся, забыв о слове, мысли – материальности, а значит, и о страхе, и желании.

Когда запрячет страус голову в песок, он думает, что спрятался. Всё относительно и, в нашем измерении. Таких миров, может быть мало, а может быть – не счесть. Всё относительно, как смелость, лесть, вода, море и берег.

Глава 5. Собрание

К гроту огромному, со всех сторон слетались люди-птицы. Все стены облепили, – выступы, где разместились, скученно, словно огромные мыши летучие. Стекались, будто ручейки, группами люди.

Здесь проводилось собрание, в секретности от власть держащих – Законом недовольных.

Объединившись в крупное сообщество, они могли, даже сегодня – немалой силой быть, если не разобщённость с несогласием во взглядах, мнениях – в вопросах ключевых.

Кто-то считал, что нужно силой отстранить Мамону – губернатора, его семью и, распалёванных особ – от власти; снять привилегии и, уничтожить разделение на касты – всех сделать равными в сообществе.

Кто-то считает – держащих власть, с Мамоной вместе, нужно поставить в рамки главного Закона. Чтобы – Закон для всех был равным, назначить наблюдателя над соблюдением его – народом избранным, а не назначенным. И тот имел возможность – напрямую общаться с Властелином, правительством планеты.

Кто-то считает – можно с правительством и губернатором договориться, выставив жёсткие им требования – ультимативные, что будут править регионом по-другому, поняв – у существ простых есть сила, и лучше тех не обижать. Чтобы не пожалеть.

Собрание вёл седовласый – птица-человек. Его все знали, уважали, не понаслышке. Как только вышел на трибуну, все притихли.

– Все ваши предложения верны, имеют, под собой основу – начал оратор говорить, со слов – их понимания. Кто-то, прав больше, кто-то – меньше. Каким бы не пошли путём для достижения необходимых целей, в нём нет итога завершения, они нам не дадут, необходимый результат. Тот – не предусмотрели.

Мамона – небольшая часть но, часть правительства планеты и, если бы тот не устраивал его, то сняли бы давно и, этот пост, другой бы занял. Значит, правительство во всех его желаниях, тот удовлетворяет! Отсюда вывод, что политика того санкционирована – правительством. Значит, цель нашу, нужно ставить – выше и, изменить политику правительства. Чтобы мы все – живущие здесь, на планете, имели – одинаковое право, как у высокородных, так и неприкасаемых. И изменить её, возможно, одним лишь способом – правительство заставить нас понять, что мы не просто что-то значим – много.

Не просто – отстранить от власти губернатора или поставить в рамки, а сделать, одинаковым Закон для всех.

Не мы его поставили, без нашего согласия – руководит возможностями нашими и нашими потребностями. Недаром – выборы отменены и назначениями заменены, убран предел голосования и воздержавшихся.

Можно отчётливо было услышать, как зазвенел комар, случайно залетевший в грот, будто – принять собрался участие в собрании.

Но продолжалось так не долго. Через минуту пошёл ропот и, превратился в гул. И тот недолг был и, затих быстро.

Дежурные напомнили всем – знаками, что здесь не на базаре, а на собрании и, кто желает высказаться – выходи на подиум. Все кулуарные привычки – сбросьте, чтобы вам не мешали.

Вышла к народу Илия. Она, без разглагольствований, приветствий долгих, ко всем присутствующим обратилась:

– Всеми, здесь находящимися, движет недовольство. И вы правы. Сколько терпеть, возможно, когда правители, считают нас за быдло. Устраивая всевозможные нововведения, включая заказные конкурсы, аукционы, когда необходимо – пересмотры, кому-то предоставленных услуг, аренд, и далее. Они придумывают, под защитой Эго, что выполнять должны мы – преследуют лишь цель – лишить нас права голоса, загнать, как можно дальше, в угол – бедности и обнищания, все – средние и малообеспеченные касты на планете.

В оценке происшедшего, происходящего, наш выступающий был прав, ноги растут от головы.

Но, не согласна, с его предложением. Оно, довольно агрессивно и, как я вижу – безрезультатно. В конечном счете, приведет нас к отрицательным, обратным результатам, не тем, чего желаете. В итоге, пострадаем все мы, а не они. Подчеркиваю это – мы одни.

– Другие предложения, есть у тебя? – спросил оратор предыдущий – кроме лишь твоей трусости?

– Не трусости – разумности.

– Конкретнее!

– И да, и нет.

– Не очень, знаешь ли, понятно. Ни да, ни нет.

– Я лишь о вашем методе попробовала рассказать, как понимаю.

А предложений нет особых и, конкретных, вы правы.... К ним, не готовилась я, специально.

– Тогда зачем ты здесь? Ты говоришь, что предложение моё, по меньшей мере – агрессивно!

А как воспринимать себя, униженные и оскорбленные – ущербные должны?

Ты предлагаешь, получив удар, с готовностью и с благодарностью, подставить вновь себя – от радости рыдая? Или стать на колени и, сложить, пред ними голову на плахе?

– Пинок – под зад свой получить?! – раздалось из толпы. – И со всего, хорошего размаха?

Вновь шум большой поднялся, обсуждали, кто больше прав или совсем не прав. Пришлось дежурным снова успокаивать, толпу собравшихся здесь – недовольных граждан, не только в городе, и за его пределами.

Со стороны смотрело много глаз за всем – происходящим в гроте, для всех присутствующих, были незаметными. Как невидимки, из щелей, внимательно за всем следили, слушали, внимая, о чём здесь спор идёт, понять, пытаясь правильно, к чему тот приведёт. Вперёд или обратно, повернёт? В какую сторону.

– Не говорила, что нет предложений, – совсем. Я говорила, что – конкретных предложений, чётких нет. Их, нужно обсуждать совместно, вырабатывать. Уверена, у большинства здесь находящихся их, также – чётких, нет, но ведь не в этом главное!

Многие знают, насколько я ценю – свободу слова, действий личности любого существа, но слышать чуть ли не призыв стать на колени, с благодарностью – подставить щеку, удар по первой получив, считаю – слишком. Об этом, я не говорила.

Присвоив нам девятизначный номер, они общаться, могут с нами без имён, во всём нас, контролируя, вести по серверам своим, учёт, даже малейший – для каждого из нас – подъём благосостояния учитывать, чтобы устроить нам дефолт или в ответ – налоговое бремя, да прокурорский установить надзор. А все Мамоны, им подобные, от этого лишь буду наживаться и, дети их, среди избранных, в условиях прекрасных, всё также будут обучаться.

Также как вы, я вижу наперёд – чем дальше, тем становимся – бесправнее, и понимаю – это оставлять нельзя – так больше. Но, в тоже время говорю я вам, что никогда ещё насилие, к

чему фактически нас призывал оратор предыдущий, не приводило ни к чему другому, кроме такого же, или подобного тому, насилия.

Чем будем лучше их? Мы сделаем повтор. Всё повторится. И потом, всё станет также.

Я говорила лишь – о том, что путь – предложенный, не верен, и приведёт тот к тупику, если мы примем основным – курс несогласия с режимом существующим, тот не исправит ситуацию, лишь навредит нам всем..., довольно основательно.

– Достаточно! Опять вода, вода! Коль вышла, дело говори, но не страдай поносом! А нет, так лучше уходи сейчас и, сопли вытри у себя под носом. Немного повзрослей ещё и, как серьёзней станешь, к трибуне выходи, когда, нам будет, что сказать, пока язык свой не поранишь о зубки белокостные, красивые, молочные.

– Что же, Вы извините – господа меня, коли слова мои вам не пришлись по вкусу, я не хотела, не хочу вреда, щелчок по носу вытерплю, так как не ваша, в общем-то, сейчас вина, что вы не слышите меня, и голосуете – за предыдущего оратора....

Со стороны толпы поднялся снова шум, переходящий в гам, и даже появились свист и смех со звуками улюлюканья.

Илия с сожалением смотрела на – смеющихся над ней.

Спустившись с подиума, пошла – из грота.

Обида клокотала в ней, пытаясь вырваться наружу. Не позволяла ей она, добиться этого и, сдерживая силой воли – с усилием, пошла..., и с болью, к городу.

Немного успокоившись, назад взглянула – позади себя, услышав шум. От удивления, остановилась. Сзади неё парили люди-птицы в большом количестве. Почти все улетели с собрания, покинув существ свободолюбивых. И те, кто там ещё остался, не задержались – вылетали, примыкая к стае, и уходили в сторону от грота.

Оставшись в кабинете, когда «ушёл» Великий Люций, задумался Никита:

– Произошла, внезапно, перемена в том восприятии – красот планеты и почему, внезапно Люций изменился, непонятно, также.

Увидел, непредвиденную перемену во мне или из-за стихотворения?

Он не скрывая озабоченность свою, со мною говорил, иносказательно?

Он долго думал, и не смог понять – причину перемен. Хотя и чувствовал – ответ был рядом. Но даже приблизительно не мог найти, где он ошибся, как, ни старался.

Он помнил, что сегодня – праздник Рождества, но настроение, в связи с метаморфозами, не было праздничным, хотя любил он этот праздник, в прошлой жизни.

И, в кабинете оставаться не хотелось, – быть одному, хотя идти – особо некуда. Никто его, нигде не ждал, за исключением тех лиц, что появляются всегда, с любым руководителем вблизи....

Чтобы развеять попытаться свою тоску, вышел на крышу; взмыл оттуда, расправив крылья, высоко, но ниже облаков – парил, спускаясь вниз кругами по спирали. Потоки воздуха, используя, меняя направление, чтобы подули ему в грудь и в спину, с боков, а он умело, регулируя углами крыльев, скользил в них. Траекторию выдерживая.

Почти спустившись – на половину высоты заметил – за городом, невдалеке, как он, в таком же одиночестве, купается в потоках воздуха большая птица.

Он к ней приблизился на расстояние – довольно близкое. Махнув приветливо ей крыльями, он ожидал, ответных взмахов, но не последовало от неё ответа.

Тогда, расстроившись от явного пренебрежения, взмыв высоко, вновь в небо, ринулся, вниз, камнем падая и, выходя из пике, расправил крылья у земли.

Он, с грустью опустил на лужайку, присел вновь у ручья, где отдыхал вместе с кентаврами, пегасами в ночь перед праздником, их встречей в городе.

– Где-то отряд сейчас...? – спросил, сам у себя.

За время, проведённое в отряде, со многими он подружился – членами табуна, как пред-рекал ему вождь племени. Не ощущал себя там – в одиночестве. Сейчас, когда расстался с ними, вновь нападала на него тоска.

Когда ему показано – и в воздухе им не интересуются, он принял факт, как должный – судьбой отвергнутым, без радостей. От этого поник, в себе замкнулся, и в степени отчаяния, лёг, распластавшись на земле, интуитивно ища поддержки у неё и, сил подпитки.

Она была похожей на – родную, хотя он понимал, что ей он – не родной, но, некуда ему было податься, и не хотел уже. – Прекрасно понимал, – куда бы ни хотел попасть сейчас, то никуда бы не сумел. Нигде, не нужен.

– Но, почему, всё так сложилось? – задал себе он в сотый раз, вопрос. Являюсь я игрушкой в руках судьбы и, сделать не могу, чтобы хоть как-то повлиять на эту – судьбу долбанную?

И не пытался найти ответ на свой вопрос, прекрасно понимая, что для него, его нет попросту.

Закрыв глаза, и крылья, положив на голову, в отчаянии сжал кулаки. Что было сил, вонзил их в мягкий травяной покров, податливый, насколько смог.

– Обиделся, так сильно? – услышал, неожиданно вопрос – чьим-то приятным, нежным мягким голосом.

Он даже не поверил сам себе, вначале думая, что это показалось, но всё равно, на голос поднял голову. – Рядом сидела незнакомка с красивой головой, прекрасной юной девушки. Светлые волосы бездонные глаза её, ещё прекрасней делали, когда та, улыбаясь, смотрела на него.

– Где-то я видел их, – подумал он, в ответ, ей улыбнулся.

– Тебя зовут Икар? – спросила она весело.

– Да – он ответил ей. – А как тебя зовут?

– Меня называли – Таха.

От голоса Тахи повеяло, чем-то знакомым, больше чем родным.

– Таха? А что обозначает имя это? – спросил он тихо.

– Птаха – птица, по-домашнему.

– Красиво так, звучит.

– Находишь так? Как странно и, приятно.

– Мне кажется – так нежно, мягко.

– Мне тоже, кажется – ответила она и, засмеялась весело.

Не зная почему, и он смеялся весело. Подействовал, наверно, на него смех – заразительный, веселье шедшее потоком неудержимым – от неё.

– У нас есть о тебе легенды.

– Вот, как? Какие?

– Правда, что ты – не настоящий человек- птица? – спросила робко.

– Нет, человек я настоящий, а птицей стал искусственно.

– Ух, ты! У нас, нет никого из настоящих человек.

– А разве ты не настоящая?

– Я настоящая, но от простых людей ведь отличаюсь, это – другой подвид.

– Они намного хуже?

– Да нет – другие. У них законы, нравы не такие, как наши, отличаются.

– А разве, не один Закон – для всех?

– Наверное, один для всех, – нежданно, голосом притихшим, ответила она и, убрала с него взгляд – в сторону.

Ты извини, пожалуйста, что я тебя, так необдуманно, внезапно потревожила, словно забыв о чём-то, спохватилась – сказала громче.

Взмахнув крылами, резко – улетела.

Он еле-еле, крикнуть ей успел:

– Да, погоди. Пстой!

Но, то ли не услышала она его, то ли не захотела – слышать, улетела.

Никита, сразу же вскочив – взлетел за ней. Поднявшись выше, стал пытаться что-то говорить и, объяснять, раскрыв над нею крылья – широко. Хотелось задержать её, хотя бы на короткий миг, чтобы его она услышала и поняла.

Но, на слова его, внимания, не обращая, резким уходом вправо и назад, оставила его сзади себя и, что-то резкое сказала – обидное....

Взмахами отлетела от него – в сторону стаи небольшой, резвящейся невдалеке – подобных особей. Те, видно, обратили – на инцидент внимание, направились навстречу к ней, а он стал медленно спускаться вниз, глядя, с большей тоской, чем была у него до встречи с Тахой.

Они, все развернулись, и улетели – в другую сторону.

Он разобрал её слова, поэтому, оставил все попытки догнать и что-то, объяснять ещё. Эти слова – сравнение его и коршуна, нависшего над жертвой. Обидели его.

Вновь распластался на земле и вновь, с большим отчаянием, вонзить пытался кисти, в её густой покров, но в этот раз земля – ни приняла их..., что-то твёрдое, и он ушиб об это «что-то», кисти.

Не обратив внимания на боль, он вновь и вновь вонзал их, пока до крови не разбил их и, травяной покров, не разметал вокруг себя....

День подошёл к концу, и солнце, медленно спускаясь, упряталось за лес, где скрылась Таха со стайей птиц, что полетели к ней на выручку, считая, видимо – произошло, не самое благополучное меж ними..., а он лежал и думал....

– Как хорошо – меня никто не видит в таком виде..., – немного отойдя от боли и отчаяния.

Обмыв руки в ручье, он медленно пошёл, в сторону города, в другую сторону от леса. Лететь – желаний не было, хотя это, намного легче было. Он, словно мазохист, с остервенением – себя, вновь болью истязал.

Это, и помогало приводить в чувство себя. – Ведь, никому, не нужен. И, себе.

Солнце за лесом спряталось и сумерки, сгущаясь, переходили плавно, в поздний вечер, готовясь к длинной ночи.

Кисти рук ныли, дергаясь и, отзывались болью, периодически – Икар не обращал внимания. Идти было, непросто – тяжело, ведь он устал – словно себя пытал.

Нежданно, шум услышал, сзади от себя и, сразу – остановился. Сзади него, парили люди-птицы в воздухе, в огромном количестве. Они летели, примыкая к стае – таких, как и они; внизу шла Илия.

Со стороны, могло казаться – наваждением, но не было фантазией, ни миражом. Происходило всё – на самом деле.

Илия видела его.

Сказать, что рады были встрече – нельзя, ведь у обоих, не лучшим было настроение, пусть, и причины – разные.

И люди-птицы, не обрадовались – встрече их. Если учесть – Икар был представителем правительства планеты, хотя и им подобный – не выбранный, назначенный.

Непроизвольно, мысль навязывалась – о неслучайном выборе стратегии борьбы у Илии. Входила в созданный Совет противодействия коррупции и беззаконию.

Илия поняла..., как только люди-птицы, Икара видя, свернули в сторону.

Икару нужно было улететь, иначе Илия должна догнать его..., неминуемо. Тот, продвигался медленно.

Вдобавок, чтобы отойти немного от усталости, присел Икар, на скальный выступ небольшой, с края дороги – выглядывающий из-под земли, словно бычок двурогий. И получалось – будто тот поджидал её, идущую к нему – неторопливо.

Если Икар бы начал разговор, то Илия, сославшись – на что угодно, прошла мимо того.... Но видя окровавленные руки, кивок ей – молчаливый, дежурное приветствие, будто тот с ней – не хочет говорить....

Она остановилась – заинтригованная произошедшим.

– Что-то случилось? – спросила у Икара.

– Нет. Ничего – ответил тот, не глядя на неё.

– Тебе, чем-то помочь?

– Не надо! Я попросил бы, если было нужно.

– Вызвать «мотор», другую помощь?

– Илия! Не против был бы я сейчас, один остаться.

– И я, хотела бы, побыть одна.

– Тебе мешает, что-то?

– Но ведь вдвоём нельзя быть – одному. Частично я, сама себе мешаю. И, на душе – так гадко, отвратительно.

– Не одинока, в этом.

– Так хорошо, что ты не лезешь с глупыми расспросами, ко мне.

– Тебе бы также, не мешало это делать.

– Я и не лезу. Вижу, что тебе нехорошо. Случайно встретились.

– Ведь, больше было – негде.

– Наверное. Крылья, не в норме?

– Я не хочу летать, и говорить, делиться..., объясняться.

– А и не нужно. Мы посидим вдвоём, как будто, каждый, здесь – один. Прикольно?

– Сиди! Ведь места много.

А что, нужно со мною, рядом?!

– Тебе, я помешала?

– Немного.

– Извини! Пойду тогда. Мешать – не стану.

Поднявшись, Илия пошла вперёд, не оборачиваясь в сторону Икара.

Помимо ощущения отвратности – после собрания, осадок появился – кисло-горький, как будто виновата в чём-то – перед Икаром. В том, что остался...?

Дорога за мостом, сворачивала у реки. Идти домой ей, не хотелось. Присев на берегу, задумалась. Невдалеке горели «кобры» освещения проспектов, площади, а здесь – лишь месяц и луна, с подругами и слугами своими – звёздами. – Неярко освещали берег – ласково и бескорыстно, свет свой дарили – прохожим и влюблённым.

– Не помешал? – услышала нежданно, голос человека-птицы. – Я думал, что ты дома, ко сну готовишься.

– Не хочется. Всё вновь одно и то же.

– Всё, вновь одно и то же – вторил Икар, добавив, помолчав – права ты.

Он ковыльнул – шаг дальше, не став напрашиваться на соседство, ведь сам её прогнал недавно.

– Если желание присесть – есть, то присаживайся. Мне не мешаешь.

– Ты извини.

– Бывает.

– О том, что я прогнал тебя.

– И я об этом.

Он рядом с Илией присел и, так же, как она, свой взгляд направил к городу, где ей, ему, сейчас быть не хотелось.

Недавно, также – у ручья сидел в лаборатории. Как будто, всё приснилось и, были сны – предупреждения.

– Всё общество разделено на два отряда, по собственному выбору: одни трудом живут, другие ждут, жуют, что им достанется – внезапно, Илия произнесла.

– Что им останется? – Икар, невольно усмехнулся.

– Что им судьба подарит, и те, кто – всё распределяют, распоряжаются ресурсами и нами.

– Пусть, вообще, спасибо скажут, что общество для них находит – какие-то средства и время – для их обеспечения. Особенно – для тех, трудиться, кто не хочет – во благо главного Закона, из-за недооценки – своего достоинства.

– Что остаётся им ещё, как говорить – спасибо?

– А как же, пожилые и больные сущности – трудиться те не могут?

– Кто бесполезен обществу – ему не нужен. – Считает губернатор – каждый, должен был – заранее подумать о старости.

– Когда-то, в нашем измерении, одна из партий – справедливости потребовала у правительства – налог на роскошь подготовить и, беззаконие, народ с ней согласился.

Нужно и здесь – такое дополнение к Закону народу предложить, дав информацию для обсуждения. – Пусть «покупают» всё, что нравится тем «покупать». – Без угрызений совести – те, кто заплатит тот налог. Другие, пусть довольствуются, – что им останется от тех, кто о себе заботится – красиво может жить.

И, по одежке, не по желанию – протянут свои ножки.

– Я где-то слышал о таком. Больные также о себе – должны заботиться?

– Заранее, прежде чем заболеть.

– А если у того – болезнь врождённая, полученная с детства?

– Пусть позаботятся о них родители. Поделятся имеющими привилегиями, накоплениями – отчислениями. Ведь это справедливо.

И почему – должны страдать другие члены общества, если какой-то овощ, пьяница – «строгал» обузу, не думая о её будущем.

Разве должны страдать другие существа из-за беспечности – тех «активистов»?

– Но, не всегда, всё складывается, как тебе хочется?

– Всё, в большинстве своём, лишь оттого, что те не думают о будущем своём; или похеристы. Тем, с самого начала – было безразлично, что будет с ними.

Ведь есть пути стандартные – развития и становления, для каждой личности. И если, кто-то – ими пренебрёг, считая, что он не такой, а лучше всех, идёт по выбранному им – пути, отличном от стандартных. Приготовленных. Какие могут быть от тех претензии и недовольства?

Их, кто-то заставлял, пути те выбирать? Их выбирали они, самостоятельно.

– Но ведь должны быть, исключения из правил?

– Конечно, быть должны! И, есть они!

– Их исключают ежедневно, из правил и из общества. – Немного, – человек по двадцать за день.

– Как это? – Икар, словам её был удивлён. Ведь говорил он о другом.

– По-разному. Одних стерилизуют, других, небезнадёжных – обрабатывают, пытаюсь дать возможность им исправиться, а третьих, кто не подлежит: ни к первым, ни вторым, вычёркивают смело из членов общества. Тех, отправляя в путь последний, лапы клеить. Слишком уж много развелось, всех трудно прокормить и, убирать за ними. Сначала их, потом инакомыслящих.

– Но это же..., когда-то было, где-то! Неправильно..., всё это!

– Где? И, для кого неправильно? Для них? Кто виноват им? Общество? У нас был выбор, есть. Они, мы – не отверженные, до той поры – до времени. И если – сами выбирали путь, кто виноват им в этом? Дай волю им – начнут громить... подряд, устроят революцию!

– Ты, Илия, о чём? Не понимаю, – тебя сейчас. В твоих словах, цитат Мамоны много.

– Вообще-то, говорила я о них, и о себе, и о собрании.

– Каком собрании?

– Собрании – Законом недовольных.

Иронизирую я, просто – смеялась над собой, видя, что им самим это не нужно. Им бы галопом пронестись, всё отобрать и разделить. А лучше..., ты меня, не слушай. Я говорю полнейший бред. Так много, недовольства накопилось, что начинаешь думать – болею головой.

– Ну, слава Богу! Успокоила. Я помню – твоё недовольство Законом Эго. Нежели, всё зашло, так далеко? Вы и собрания устраиваете?

Пример заразен....

Ведь недовольные – были всегда, не прекратятся недовольства никогда.

Им нужно помогать понять Закон. Понять не, как трактуют его люди, люди-птицы. Им разъяснять – каков тот в деле. Право имеют все – самооценки.

– Правительство, не видит ничего? Не на пустом же месте – недовольства.

– Там знают всё о диссидентах, о вас и, принимают меры. Смотрел твоё досье – не экстремистка.

Как раз готовлю – доклад в правительство о мерах – приведения к порядку.

И знаешь – много есть виновных на местах. Я разобрался в том, пока немного. Увидел, многие Закон – трактуют правильно – власти имущие, но их не выполняют, считая, что Закон, лишь для народа.

– Икар, что сделал ты с собой?

Становишься сам – диссидентом? – Согласна я, Икар – идти с тобой. С утра начнём мы, завтра. Я верю, что в пути меня, ты не оставишь, коли не станет сил идти, поверю, тебя не зная, что хочешь лучшего, всем, в нашей жизни.

– Хочу, чтобы в твоей отчизне всё было правильно, законно.

Случайной ли была сегодня встреча?

Вдвоём – всегда сильней, разумнее, верней, прямее путь наш будет.

Верю, что это будет в этом измерении. Тот день настанет – день самосознания.

Пока путь – силою не будет прерван....

Глава 6. В Подземелье.

Иван Васильевич и Соня, сидели в нетерпении на лавках, при свете мягком – факелов горящих, в полном неведении, ожидая..., что будет с ним, вскоре – не представляя.

Казалось – вечность целая прошла после полученного предложения – присесть и отдыхать. Они присели, отдыхали....

Но не менялось ничего. Их ожидание, как им казалось – затянулось. Прошло немало времени. От неопределённости, волнения, в гортани пересохло. Создалось впечатление – о них забыли или проверяли....

Но понимая – у них нет выбора, они смиренно сидеть продолжали и, вспоминали – своё насущное, что было..., ещё рядом, хотя и уже в прошлом. Пытались таким способом удерживать душевное спокойствие.

Томительное ожидание, усилие съедало.

И наконец-то – от дальней залы, услышали шум нарастающий, и факелы, намного – ярче вспыхнули, всей залы осветив – пространство. В конце её стена виднелась. Та, к ним перемещающаяся.

– Ну, слава Богу, сдвинулось – шепнула Соня. Здесь, сущности разумные. Возможно, люди.

Когда стена приблизилась, увидели, что та из дыма состояла, струившегося из-под пола. Дым – поднимался вверх, не расползался. Затем, стал реже, истончался. Когда рассеялся – стена за нею разделилась и, разомкнувшись на две части – раскатились в стороны.

В открывшемся пространстве, в другой – огромной зале, трон на сверкающем высоком пьедестале. На том – величественно восседало существо – похожее на человека в преклонном возрасте, с седыми волосами.

Того увидев, подскочили, замерли. Издалека не разглядеть подробно.

К нему не звали, сами не решались – в ту сторону шаг сделать первыми, без приглашения.

Им показалось, это – иллюзия, после волнений и усталости.

В какой-то степени – были правы. Трон с восседающим на нём, человекообразным гигантом был, как узнали позже – памятником прародителю племён людей, живущих под землёй, неандертальцу, структурно изменившемуся – до гуманоида.

Он неожиданно исчез, будто того и не было – впоследствии, а в тот момент, стояли, как оловянные солдаты – с большим почтением, дышать боялись – громко.

– Приветствуем гостей мы, из другого измерения! – услышали со стороны, голос мужской. Откуда вы про нас узнали и, с какой целью, к нам – пожаловали? Нам расскажите.

– Про вас не знали мы, как и сейчас не знаем, кто вы – Иван Васильевич ответил. – Мы гости в вашем измерении – случайные. Здесь появились, убегая из пленения хозяином мотеля Деринкуйю.

– Точнее, можете сказать? Как именно – нашли сюда дорогу? Откуда знать могли вы путь сюда, в наш город? С поверхности.

– Мы не искали ничего, просто – бежали в темноте, пути – сюда не знали, попали к Вам мы, убегая.

– В плену, так было страшно, плохо, что предпочли вы – неизвестность под землёй? И, верный путь нашли, случайно?

– Хрен редьки не был слаще. Нам, не было там места. Держал, хозяин этого мотеля – нас, как рабов, запугивая, что в тюрьму посадит.

– Не понимаю. Сленг особенный?

- Пословица, сравнительная, когда и так, и по-другому – однобоко плохо.
- Для первого знакомства предостаточно – тот голос констатировал.

Вы дурно пахнете. Вас отведут для отдыха, где вы обмоетесь и отдохнёте. Мы завтра – снова встретимся. Готовьтесь к разговору, объяснениям. Лишь – честным.

Только сейчас Иван Васильевич и Соня, заметили, что не одни. У ног их находилось несколько ползучих особей – змей или, полозов огромных, похожих на червей. Они хвостами, будто бы руками, показывали, чтобы шли за ними.

– Вот почему в тоннелях, отшлифованный до блеска, гладкий пол – Иван Васильевич отметил, и первым сделал шаг по направлению, указанному им.

Соня шагнула следом, стараясь не отстать. Представилась им перспектива жизни в Подземелье – страшнее, чем в тюрьме. Жить им, с разумными червями, вместе?

Из залы выйдя, шли недолго. Преград не возникало на пути. За поворотом, видя лестницу широкую, ведущую вниз, в неизвестность – глубже; к ней повернули. Ползучие, скользили по ступеням ловко, извиваясь, Иван Васильевич и Соня – следом шли.

– Раз в лестнице ступени, значит – есть ноги у части существ? – Иван Васильевич спросил.

– Правы – ответ услышали. Здесь, под землёй есть много – видов жизни.

Навстречу вышло существо – похожее на человека, с бледного цвета кожей, тщедушного.

– Располагайтесь! Здесь, ваши апартаменты – он показал рукою на проём без двери, в стене тоннеля.

– Добро пожаловать в обитель нашу!

Когда вошли, проём, закрылась дверью, из ниоткуда. Они, одни остались. Из стен, был слышен голос.

– Не в замкнутом пространстве. У всех дверей есть – рычажок, нажав на тот, вы двери открывать, научитесь, когда пройти вам нужно. Не беспокойтесь.

Они вошли в цилиндр с округлым основанием и потолком. На стенах – очертания проёмов, с рычажком знакомым в каждой.

– По стрелке часовой – дверь первая в душ приведёт, вторая в туалет, третья ведёт в столовую, четвёртая в две спальни. Из каждой спальни, выход свой. На стенах комнат, видите – экраны с меню необходимых вам услуг. Для каждого из вас.

Одежда, в гардеробах – в спальнях, на ваше усмотрение. Цвет выбираете любой. Обычно, женщинам и девушкам по нраву – голубой. Мужчины, чаще выбирают – розовый и красный. Нейтральный – серый.

Если потребуется помощь, непредвиденно, нажмите на значок – тревога. Всего хорошего! Желаю отдохнуть, покоя!

Проинструктировав их об услугах, голос простился и, больше не появился.

Осматривая помещения, остались предовольными комфортом. И побежали в душ. За малым, не произошёл конфуз. Пришлось Ивану уступить, и подождать, пока Соня обмоется, наладится чистоте – их обоюдной большой мечте.

Иван Васильевич обследовал, за это время – помещения, подробнее.

Нашёл в столовой холодильник. В том: травы, фрукты, корни, и орехи, овощи, напитки. Попробовал взять в руки яблоко, не тут-то было. Наткнулся на преграду, а тубик – яблоко, в лоток упал. Он понял, всё, как будто – натуральное, на самом деле – образ на заказ. Нажмёшь на выбранный продукт и, тот появится, в лотке, в виде желе – фрукт, овощи, переработанные.

– Кому какую спальню выбирать? – спросила Соня, выйдя, испугавшись.

– Наверное, как в вагоне, в жизни. Мужская сверху, женская – внизу. Или желаешь, по-другому?

Спальни – цилиндры, в положении – горизонтальном. Со стороны стены – полупрозрачные. В верхнюю спальню – лесенка изящная, резная – из мрамора зеленоватого с прожилками.

Между собой соприкасались спальни, лишь тонкой линией, и было непонятно, как держится верхний цилиндр, не падает вниз с нижнего.

Душ, принимая, с радостью купались – в струях массажных, нежных, с запахом – цветов. Те ниспадали сверху, с потолка, с эффектом водопада в долине горной, сказочной, оставив впечатление от неги и, наслаждение – огромной радости.

Костюмы, им предложенные – невесомые, обоим – в пору оказались. Одев, не чувствовали их, будто срослись. Комбинезоны плотно облегали, словно покровом кожным и, если были они прозрачными – подумать можно – без одежды.

Есть не хотелось им совсем, хотя без пищи провели – часов шесть-восемь. Выпив немного жидкости прозрачной, напоминающий берёзовый напиток, отправились по спальням, усталость, чувствуя – для отдыха.

Их спальни тускло освещались голубоватым светом, из стен лилась мелодия спокойная. Ложась, подумали:

– Закончилось, всё – самое плохое? Что ждёт их в этом измерении?

Спали, словно младенцы, проспали много времени. Сколько – не знали. Впервые за большое время – забот, тревог не оказалось, да и устали.

– Не слишком ли – всё замечательно сейчас? – спросила у Васильевича Соня, за завтраком – в столовой-кухне.

– А что, должно быть – плохо или очень плохо?

– Примета. Когда – слишком хорошо, кончается обычно – плохо. По крайней мере – часто.

– А ты не делай выводы.

– В мотеле мы ложились на хорошую кровать, в хорошем номере, а оказались в погребе. Здесь мы – проснулись, Соня заметила, отхлёбывая с восхищением – прекрасный чай.

Пока что с нами, плохого не случилось.

– Сплюнь! Быть может, пронесёт.

Я вспомнил анекдот про Штирлица и его – «может, пронесёт».

– Давай, рассказывай!

– Штирлиц, из кабинета – отправлял радиogramму в «Центр». Заскакивает Мюллер, схватил шифровку, скомкал лист, растёр, затем порвал на части, выбежал из кабинета.

– Мне, кажется, что пронесло – вздыхает Штирлиц, облегчённо, могло быть хуже.

– Пронесло! Ещё как пронесло! – ответил Мюллер (читая мысли на расстоянии), готовясь вытираться.

Куда же хуже, так пронесло!

Им дали отдохнуть. Как только привели в себя порядок, в открывшемся дверном проёме появились: сопроводивший их в апартаменты – гуманоид, с гигантской чёрной крысой.

Приветствуя их, пригласили, последовать за ними.

Пройдя два поворота, остановились рядом с лестницей большой, широкой, и сразу, войдя в проём, в огромном лифте оказались.

– В нём разместиться могут просторно – не меньше двадцати людей, возможно, больше – Иван Васильевич подумал. – Выходит, это подземелье – многоэтажное.

Имеет много этажей! – воскликнул, с удивлением.

– Все идут вниз, – Соня добавила, поёжившись. Мне, страшно. Отсюда нам не выбраться.

Издаലെка слышны: гул и шумы – работающих механизмов, другие, не определяемые – скрип и визг.

– Нам, с самого начала, нужно было понимать, что в измерении другом, всё необычно. Возможно, лишь останется – мечтать о прошлой жизни, нам привычной. Не нам сейчас путь выбирать и, выбираться. – Куда? Не знаем ничего мы здесь – куда пойти, податься.

Спускались долго или так казалось. Сориентироваться не смогли – на сколько этажей спустились.

Плавнo остановились, мигнул диод в датчике лифтовой кабины, и вместе с гуманоидом и крысой, они из лифта вышли.

Пройдя вперёд немного по тоннелю, являющимся коридором – залы, вошли в неё и, растерялись. Они не представляли, сколько под землёй разумных существей.

У края озера или бассейна – стены обрамлены гранитом, стояли кресла – разных объёмов. В них существа – похожие на гуманоидов, людей, медведей, обезьян сидели. А рядом – аллигаторы и динозавры, черви огромные, пантеры и тритоны. Поодаль, василиски – игуаны, змеи, питоны – гордо возлежали. Выглядывали из воды – амфибии. У стены дальней – неандерталец с седыми волосами, как и у памятника, увиденного ими при первой встрече. С ним рядом волк и буйвол, крысы огромные, с хвостами золотыми – оскаленные.

По поведению присутствующих – видно, что их здесь ожидали. При появлении их замерли – внимательно рассматривали, будто – изучали, какие они существи, с другого измерения, ища отличия от населяющих людей – планету в этом измерении.

Сзади стояли кресла. Присесть им предложили, так как, они их не заметили.

– Беседовать мы будем – сидя. У нас стоять не принято на раундах переговоров – заметил гуманоид. – Надеюсь, – вы не против этого?

– Нисколько – Иван Васильевич ответил, присаживаясь в кресло. – Вы можете нас спрашивать, о чём угодно.

– Вы всё равно нам – не ответите, правдиво? – тот улыбнулся им, презрительно.

– Но, почему же? – спросил Иван Васильевич. – У вас есть опыт встреч подобных?

– Нет, это просто – шутка.

По видимости, этот – главный гуманоид, в беседе предстоящей, предположила Соня.

– Не вы к нам прибываете на Землю на тарелках? – спросила его тут же.

– Мы не летаем никуда, возможно, принцип есть – подобия.

– ??

– Раз на планете вашей – люди, такие – как и наши, наверное, подобные есть – нам. И всем, здесь находящимся.

– Другие – да. О вас я мало знаю. По слухам, что-то.

– О нас, вообще никто не знает наверху. По крайней мере, мы надеемся на это. Или, кто знает, раз вы здесь? Вы к нам пришли ведь, потому, что нас искали? Конкретно знать, хотелось нам, что вам засланцы рассказали?

– Мы объясняли, при первой же встрече – с вашим представителем, что оказались здесь – лишь потому, что убегая – нашли проход в тоннель, из погреба мотеля в деревне Деринкуйо, откуда и сбежали по нему.

– Хотите нас сказать, что вы сбежали по тоннелю из погреба, какого-то мотеля, ведущим к нам? Правильно, вас поняли?

– Так точно.

– Препятствия, вы на пути своём, преодолели сами, самостоятельно догадываясь – выполняли, без посторонней помощи?

– В отчаянии, уперся в стену и, сдвинул колесо, проход в тоннеле, закрывшее.

– Какие же догадливые вы, в отчаянии?

– У вас, имеются причины – недоверия?

– Пока что, нет. Но мы не можем знать о них, вот и пытаемся об этом догадаться, разобратся.

– Вас, так обманывали часто?

– Нет, никогда. Но, оставаясь осторожными, на протяжении тысячелетий, мы находились за пределами известности, особой мира на земле.

Хотелось, чтобы оставалось – так всегда. Поэтому признаюсь, подходим мы к таким вопросам – осторожно, что с верхним миром – связаны. Нам не нужна цивилизация со своим жизненным укладом, другой формации. Мы не хотим иметь врагов, как и друзей.

– Всё дело в том, что особой мира надземного, практически не знаем. До Деринкуйо, провели там несколько часов, и наши встречи с ними не были масштабными, тем более что при перемещении из нашего в другое измерение, мы оказались без одежды. Нам, в эти сутки довелось – не сладко.

– А как попали в Деринкуйо?

– Нас задержала служба безопасности в том клубе, куда попали, переместившись. Руководитель службы отправил нас – в деревню эту.

– Но почему? Так быстро обработали?

– Когда к нему, нас привели, при «разговоре», я сравнил и, показал перемещение, как будто провалились мы в колодец. ...

Колодец по-турецки – деринкуйо, как я понял. Он нас тогда переспросил, назвав то слово много раз. Кивали головою, когда не понимали. При слове – деринкуйо, он уважительно отнёсся к нам. Туда он нас отправил, одежду дал. Там в рабство мы попали. Оттуда, сбежали по тоннелю. Теперь у Вас. Не знаем, что нам делать, как дальше поступать. У нас нет документов, денег и, негде жить! – протараторила им Соня. И вы, не доверяете! Куда податься?! Кого искать?

– Ну, если всё, что вы сказали, за уши притянуть – с большой натяжкой это объяснение – может правдивым быть, хотя поверьте – очень, с большой натяжкой. ...

– Не зная ничего о нас, они – за несколько часов, могли завербовать нас так, что бы полезли, сломя голову под землю, в неизвестность?

Мне, кажется, сравнение такое, притянута за уши – точно!

– Смотря, что вам могли пообещать! К примеру, помощь вам – отправиться назад.

– Если бы были мы помладше, быть может, но мы большие (взрослые), и в сказки не поверим больше.

– Но, почему?

– Не верим, почему?

– Нет. Почему должно быть это – сказкой? Вы, что, за несколько часов узнали – их уровень, всех достижений?

– Конечно, нет.

– Вот видите, совсем не вяжется. Если развитие науки в вашем измерении – позволило переместить сюда вас, через «расстояние», то почему у них – людей этого измерения, не может быть – подобных знаний, вашим?

– Да нам туда, обратно возвращаться – не желательно! – грустно ответив, Соня, взгляд опустила.

– Другая версия! – смеяться начал гуманоид и смех его, присутствующие, вмиг подхватили.

Давайте и её рассмотрим. С вами, нам говорить, становится, всё интереснее. Вам обещали вид на жительство, гражданство?

– Не каждый раз таких продвинутых шпионов встретишь в Подземелье – шипя, питон смеялся.

– Услышишь новые их версии – шипели змеи, возбуждённо.

– Это не версия. Действительность – причина.

Из-за неё мы согласились на опыт по перемещению, на расстояние – определённое, от места, где работали. Кстати, к вам – в ваше измерение, не собирались вообще, не думали об этом. Мы убегали из лаборатории, надеялись – переместиться на безопасное от неё место, чтобы оттуда совсем исчезнуть, за её пределы.

– То есть, попали в наше измерение, бежали от кого-то?

– Да, так это.

– И к нам, попали – не желая этого?! И там, и тут бежали! – с иронией добавил гуманоид.

– Слова можно перевернуть, как выгодно кому-то, если задаться определённой целью.

– То есть, вы утверждаете что наша цель, всем доказать, что вы лазутчики?

– Но если, наверху, о вас никто не знает, то почему, должны нас были вербовать, чтобы сюда отправить?

– А это, мы пытаемся узнать. Зачем, вы появились в нашем измерении, здесь – под землёй, чтобы найти нас, с нами встретиться...?

– Тогда какими, можем быть – лазутчиками, если от вас мы не скрывались?

– Тогда бы нам вы не рассказывали, что здесь случайно оказались.

– Зачем нам нужно было – сюда попасть, чтобы, не зная ничего о вас, искать вас?

– Это попытка увести нас в сторону и, наши мысли!

– Но, для чего! И почему так думаете?

– Ваша подруга, у меня спросила: «Не прилетали мы, к вам на тарелках?».

Быть может: первое – вы появились по заданию подобных нам, второе – мало знаете, и способом таким, пытаетесь, с другого боку подойти, нас изучить.

– Но, мы бы знать должны были о вас!

– Возможно, знали? Не зря же, о тарелках спрашивала.

– Тогда бы тех искали мы, не здесь, а у себя!

– Всё! Я добился – полного признания! Они признались сами, что если знали – где искать нас и, нам подобных, везде искали, где бы были! – отметил гуманоид, обратившись – ко всем присутствующим в зале.

– Опять игра словами! – Иван Васильевич, с обидой произнёс. – Меня никто не захотел услышать, почему-то или..., так было и задумано?

Его слова действительно никто, почти не слышал и, не слушал, тонули в шуме одобрения оратора, допрашивавшего Иван Васильевича, Соню.

Глава 7. Нет комментариев..., допрос окончен

Шум одобрения после расследования прибытия «гостей» из параллельного им измерения – не прекратился, когда один из серпентоидов, поднявшись с постамента, переместив, часть туловища на лапы задние, раскачиваясь, словно маятник, направился к «гостям». Соня, перепугавшись его вида, мощи, дрожа – прижалась к Васильевичу в страхе.

Стехонихозавр, напоминал немного крокодила Гену в мультфильме – о старушке Шапокляк и Чебурашке, но этот был страшнее.

К ним подойдя, он, поклонившись, представился им вежливо – Грызтьков Онешка. И повернувшись к представителям планеты, им помаhal приветливо чешуйчатым хвостом и мощной лапой.

– Я всех приветствую, присутствующих здесь на встрече с прибывшими к нам – людьми, из параллельно существующего измерения! – Хочу предупредить наше сообщество, в вашем лице – о приближающейся к нам опасности, какая может исходить от них в ближайшем времени.

Давний Закон, всех наших предков говорит: чтобы прожили мы и дальше – в безопасности в мире добра – много веков, должны жить без контактов с грешным миром, что расположен на поверхности. У нас проблем, до этого и не было, лишь потому, что избегали встреч с «гостями».

Я думаю – никто из вас в дальнейшем разрушить не желает мир наш благодатный, от глаз враждебных, спрятанный.

Могут меня спросить: – Чем же они для нас, опасны?

Отвечу: – могут быть шпионами, тех сущностей – с поверхности Земли и, этим навредить дальнейшей нашей жизни, с собою принеся проблемы. Но это – в меньшей мере! Хотя и этого достаточно, вполне – нам всем, так как возможны беды – много худшие, чем те, о чём сказал я вам.

– Шпионы, информацию должны передавать, а как мы это можем делать? – спросил Иван Васильевич, не понимая обвинения.

Как понимаю – о вас не знают на поверхности? Да и у нас нет ничего с собой, чем мы могли бы здесь, шпионить.

– Возможно, что о нас ещё не знают, или пока не знали – до сегодняшнего дня, ответил стехонихозавр.

Раз вы пришли сюда, то появиться могут и другие, возможно, полчища – разбойников – лихих с поверхности.

Передавать вы можете тем информацию – телепатически.

– Мы не умеем.

– Можно, так нам думать?

– Я слышала об этом, но, не умею делать это, призналась Соня. Мало, об этой – технологии слышана.

– А так ли это, господа, что вы не знали никогда, что телепатия такое?

Ведь дело небольшое, отправить мысли адресату. А мы, не сможем никаких преград создать для этого, никак. Тех не придумали. Где, как остановить слова и мысли ваши – всегда, нам будет поздно, после отправки адресату.

Слова, как мысли – материальны! Быть может, хватит нас дурить!

Признайтесь честно, нечем крыть вам и, придумывать такое, чтобы поверили вам в слово! Не думал я, что можно врать – безбожно. Хотя, оказывается – всё просто. – Если видим врага, то это – враг, и по-другому невозможно..., нельзя назвать друга врагом. Это – неоспоримо! Моё доказательство!

– Мне нечего ответить вам, коли вы всем нашим словам – заранее ответ нашли, трактуете, как вам захочется – будто ложь слышите, Иван Васильевич ответил – осудительно.

Чем доказать? Кто здесь способен, меня услышать, ведь рассказали Вам, как очутились здесь, кто мы..., на самом деле.

Но вы твердите бред, что мы хотим жизнь вашу рушить.

В ответ, стехонихозавр лишь усмехнулся, и с выражением, что всё ему понятно, похлопал лапами в ладоши. Поклонившись, отправился уверенно, на задних лапах, как маятник, покачиваясь – на место, где раньше находился. До обвинения.

Иван Васильевич, бледнея, в морды, лица – всем не верящим смотря, спросил: – Если не верите вы нам – считаете шпионами, то для чего тогда концерт устроили? Уничтожайте нас, чтобы не стало беспокойства, что можем чем-то навредить и, более – проблем не будет! Вы поступаете с гостями так, всегда?

– Нет. Никогда – ему ответил аллигатор, у нас гостей не было раньше, хотя, была бы воля, и были – вы неразумными, я бы не мучил вас, а съел, прямо сейчас. – Признался, смачно облизнувшись языком, размером с половину головы. – Жалко, конечно, что разумные вы существа! Не повезло, мне соболезнайте....

– Он шутит так – прервал его, один из гуманоидов. – Не беспокойтесь о себе, пожалуйста. Он шутит так всегда, как будто, что-то помнит – о первобытных временах.

Вы, наши гости – первые, и именно поэтому – мы в замешательстве, не знаем, как нам быть и, с вами поступить. Ведь, прецедентов, раньше не было.

Вы, расскажите, как попали, в наше измерение?

– Быть может, с этого и нужно начинать, так будет проще всем, возможно....

– Быть может – так.

Тогда давайте с места этого – подробно продолжим, с мелочами, чтобы потом, вопросов было меньше. И извините..., если что-то будет непонятно, то будем спрашивать, чтобы нам поясняли, пусть и, повторно.

– Всё началось с конфликта у меня, с моим начальником – руководителем лаборатории секретного подразделения нашей страны, которая и занималась – экспериментами – телепортацией.

Соня, попала также, с ним в конфликт, немного раньше она – его сожительница.

Мы согласились на участие в экспериментах, с одной лишь целью – попытаться убежать оттуда.

– А что, уехать просто, нельзя было – оттуда, раз между вами назрел конфликт? Ведь иногда, бывает, и такое.

– С другого места, может и, возможно, но только не оттуда.

Из той лаборатории, такого ведомства, уйти, мало кому, удастся.

– Но если расстояние, было для всех известно, то, как надеялись оттуда убежать и, оказались в другом месте?

– В том-то и дело. Первый опыт показал, что расстояние определённое – не верно. Кстати, пред нами, незадолго был проведён такой же эксперимент – с исходом неудачным, с птицей-человеком.

И начались конфликты на этой почве.

– Так. Продолжай. Пока понятно.

– А это всё, пожалуй, объяснение.

Эксперимент, как понимали – с нами не мог произойти удачно. Переместились мы, не на заранее определённую площадку – в другое измерение, и были без одежды.

Попали оба в один клуб турецкий – отдыхающих людей. Решили – переместило в Турцию. Затем, увидели – человекообразные сущности в мотеле (о том, что в вашем измерении есть и другие сущности разумные, тогда не знали) Что было после, всё рассказали.

Нежданно наступила тишина.

– Что с человеком-птицей? – переспросил один из небольших червей.

– Час от часу не легче! – воскликнул третий гуманоид. – И это, не случайность! Ведь на планете, в нашем измерении, совсем недавно появилась – искусственная птица-человек, внезапно. Не тот ли это? Ваша?

– Всё может быть – Иван Васильевич ответил. Возможно, что не он..., хотелось, чтобы оказался тот живым. Сможем того увидеть? Определить.

Не знал, обрадоваться или нет, так как заметил озабоченность присутствующих в зале, после того, когда узнали – о человеке-птице

– Как птица, он – искусственная, выведенная из человека.

– Генная инженерия?

– Что-то подобное тому.

– И где он? – их спросил Иван Васильевич.

– Не очень далеко отсюда.

– Имя его Икар?

– Имя его Икар.

– Скорее всего, что это он и есть. Так много совпадений – обрадовалась Соня, что есть здесь экземпляр из их лаборатории. Что может подтвердить правдивость слов и подтверждение перемещения, без цели – в мир внедрения подземный. И тот, знаком с Иваном Васильевичем. Осталось – только встретиться, и все проблемы улетучатся.

– Вы убедились, что мы – не лазутчики!

– Ты же не знаешь, кем является тот, в нашем измерении.

– Кем бы тот ни был..., главное – может подтвердить, что мы – вне ваших подозрений!

– Ну, не скажи. Он представитель от правительства при губернаторе.

– Кто? Наш Икар?

– Возможно, ваш Икар!

– Но, может, это совпадение, не он? Случайность?

– Не знаю, но слишком много совпадений. И не похоже, на случайность....

Сквозь тишину были слышны сопения сидящих, и были видны хорошо – внимательные взгляды – смотрящих на них существ и сущностей.

Не знаем обстоятельств получения, такого положения Икаром. Возможно, что ему поверили и оценили – потенциал его или, что-то другое, о чём мы догадаться, сейчас не сможем.

Мне почему-то кажется, что вы не знаете и сами, причины – им занятия поста большого. А результат его работы виден? Что главное, чего он добивается?

– Следит за соблюдением Закона.

– А это плохо?

– Смотри, как, на кого работает!

– Кто именно работает и, на кого? Закон? Или Икар? Можно, яснее?

– Да. В данном случае – Закон.

– Нигде ведь не приветствуют, Закона нарушение.

– Но, не об этом речь.

– Я понимаю. И спрашивая о его работе, результатах, хотела бы узнать об отношении его ко всем, кто под Законом ходит.

У нас бывало, и такое на планете, во времени было: – Закон, как дышло, куда тот повернули, так и вышло. Законы были – не для исполнения имущих. Сейчас, как говорят, всё изменилось. Законы стали – правильно готовить. Теперь, их поворачивать не нужно.

– Возможно, рано вам судить и говорить, о нём? Не знаете Вы, как он занял эту должность?

– А вы?

– Вопрос, для провокации? Услышали – от вас о нём. С тех пор, как он исчез, не слышали о том, ни разу. Вы нас обрадовали, что он жив. Мы рады.

Поэт наш – Маяковский, сказал однажды: – Коль звёзды зажигаются, кому-то это нужно.

Мелькнули у меня сейчас две мысли: и он, и мы – вместо того, чтобы преодолеть определённые нам расстояния в эксперименте, на те переместиться не смогли, попали, в ваше измерение! Возможно, как у Маяковского, кому-то нужно было, чтобы так именно и получилось! Или всё же случайность? Возможно, заключается отгадка в этом – и все проблемы решатся сразу?

– Возможно, и маловероятно. Для мироздания важна – пылинка малой значимости, и, чтобы чья-то воля, была на это – те много должны значить.

– Мы не большого мнения о личностях своих, тем более – для вас, просто лазутчики. ...

– Вам послащу. Должности этой – не существовало до вашего Икара, её правительство, недавно учредило для него – специально.

– Для Икара??

Поднялся, неандерталец, и все притихли сразу.

– Я думаю – достаточно, сегодня. Детекторы лжи показали, что говорили правду они, всё время.

– Тогда зачем нас столько времени держали и, как лазутчиков – подозревали?

– У вас большие есть претензии?

– Не очень.

– И хорошо. Нам этого – достаточно.

Спасибо всем – за помощь, – присутствующим существам и сущностям! Всегда готов я к встрече – с любым из вас и, буду рад, если в дальнейшем согласитесь помогать. Ведь Ваша помощь для меня – бесценна.

Он преклонил пред всеми – в зале голову, в знак их почтения и благодарности, за помощь тех, при проведении опроса – прибывших из другого измерения.

– Нет комментариев, ко многому и, чтобы больше, что-то понимать, продолжим мы беседу – в других условиях, если не станете – об этом возражать.

– Опрос наш не окончен?

– Опрос ваш, не окончен.

Прямо из зала, где делали отчёт – о том, что не лазутчики, рассказывали, как сюда попали, пошли по ответвлению тоннеля – похожему на лабиринт, с обилием внезапных поворотов. Казалось – по нему, не заблудившись, нельзя пройти, не зная принципы его строения. Привёл неандерталец Ант их в келью скромную.

– Это мой кабинет – сказал, и жестом пригласил присесть – на скамьи из резного камня.

Напротив входа ниша – иконостас, в виде креста, икон резных в стене.

Убранство кельи – бесхитростное. – Стол, лавка, сбоку – доска с изображением цветных букв, цифр, да ваза с жидкостью.

Высокий ростом – за два метра, широкоплечий, с массивной челюстью. Возраста – среднего, как вскользь сказал, ему – чуть больше двести лет. Ещё – не стар, но и не юноша.

– Присаживайтесь! – предложил повторно, видя стеснение гостей. – Я вас, немного ознакомлю с нашим городом. Что непонятным будет, спрашивай. Отвечу на все вопросы.

Наш город – тридцатизэтажный и, простирается в длину и ширину на тридцать три километра. Все этажи для жизни и работы приспособлены – отдельных видов существ и сущностей. Подходы к городу имеют заграждения чрез три километра, в чём сами убедились – он кратко описал поземный город. ...

Выходов – три есть, на поверхность, в разных частях планеты. На каждом выходе и входе – охранный пост, втайне расположили.

– С таможенниками?

– Кто есть – таможенники? – спросил его Ант, удивлённо.

– Границу охраняющие лица – от контрабанды грузов, без пошлины – людьми.

– Потом мы с этим разберёмся, может, иначе называем. Продолжу свой рассказ о городе.

Он озабоченно вздохнул, о чём-то, прежде чем говорить продолжил:

– Чуть больше миллиарда лет назад – создан мир на планете. За это время развивались существа и сущности по всей планете. Стали разумными – за малым исключением почти все – эволюционировали....

Долгое время к нашей планете, посылались искры – нейтрально. Они давали стимулы – развития сознания, для восхождения существ и сущностей, на более высокий уровень.

Потом случилось наложение. Создав – мир виртуальный, затем – параллельный, внезапно появился – Люций на поверхности.

Из обезьян, с богами лунными, людей создали, поставив во главе развития их – Закон «Эго».

Фактически – там все живые персонажи – игры, в реальности. Они живут и умирают, не понимая, что играют, в компьютерной системе – роли, созданной симуляцией – Люцием или кем-то выше.

Хаос, добавил разум – людям-птицам.

Почти все существа и сущности сюда переместились – в Подземелье, не пожелав принять систему «Эго». Люций решил, что – вымерли, со временем. Так, даже лучше.

Но в принципе, речь о системе, и восприятии реальности.

Произошла здесь – на поверхности планеты, эксплуатация Законом «Эго» человека. И в результате, человеком – человека. За малым исключением, там власть имущие не знают, что есть Надежда, Совесть, понятия – Честь, Вера. Не говорю я о любви ко всем – живущим, и отрицании – плохого.

Племя людей-птиц с ними не согласилось. По-сути, от людей те отделились.

Мы бережём наши народы, от беспринципного Закона Люция, боимся, обозначившись – уничтожения народов Подземелья.

– Не знаем ничего о жизни на поверхности, о чём нам рассказали – Иван Васильевич заметил.

Тот, первый день, когда мы появились в клубе, да несколько дней рабства – у хозяина мотеля, о них нам знания не дали. И если, мы бы и хотели, на что-то повлиять, то лишь на – возвращение в родное измерение.

– Я бы хотела..., смысл понять – перемещения.

Скорей всего, Икар отправлен был к вам – специально, а мы – руководителем – избавиться.

Не зря, Икар на должности в правительстве. Возможно, что поможет это, нам смысл найти – разоблачения системы Люция. И, может быть – вернуться нам поможет....

Необходимо, нам с Икаром встретиться. Что он на это скажет?

– Я также люблю сказки – признался Ант и, с удовольствием их слушаю.

– Правда? – чему-то, вдруг обрадовалась Соня. И вновь, потом насупилась, словно была обманута, поверила во что-то – большее, несбыточное, сказочное.

Часть 2

Глава 1. Илия

В первый рабочий день, Илия познакомилась с Мамоной и того свитой.

Икар в свой офис пригласил, где и представил.

Для губернатора и его свиты – встреча была шокирующей и неожиданной. Вопросов не было, ведь справки наводить о ней – согласно общих правил, не нужно было. Прекрасно знали – придётся с кем работать. Осталось лишь, смириться с фактом и, хорошо подумать, чем принимать теперь решения. Икар был, не в их власти.

С огромным интересом, Икар-Никита наблюдал, как бы со стороны – за встречей. Открылось многое пред ним – сначала, в другом свете, начав с фасадов разукрашенных – домов, центральных улиц города, и клумбами, с посаженными в них, цветочками с нектаром. Как было в его измерении немного раньше (без нектара). Хотя, нектар – не пропадал. Клумбы те быстро объедали. Подсаживали в них цветы – тогда, когда лишь «гости» приезжали.

Он, словно заглянул за клумбы и фасады, вовнутрь дворов «потёмкинских» при разговоре. Ремонт центральных улиц, и моста – с проспекта «За Закон», дворцов и офисов, других сооружений – ради отмывки средств, их направлений – в набитый кошелек Мамоны, Прамонстрова и депутатов распальцованных. И, в то же время, все разбитые дороги – через квартал. Тысячи сущностей за гранью бедности, не в состоянии есть трижды в сутки – мясо, изредка сладости. Нектар спасал от голода, а значит – нищеты и бедности.

Илия, сразу предложила – Мамоне и того свите – оставить все противоречия, между простыми существами – с теми, кто всё распределяет, и начать всё сначала – с белого листа, с того, что тем для жизни не хватает.

В сумятице, ушла из офиса, от власти представителя правительства – вся свита губернатора, с ним вместе. Они могли, всего другого ожидать – попыток вывести на обсуждение неравные права между слоями сущностей в имущественных интересах, случаи нецелевых расходов – средств государственных, но, не такого предложения.

– Илия, что тебя подвергло, на это предложение? – спросил её Икар, когда вдвоём остались. – Не только губернатор вся свита – не ожидали такого предложения, и я – естественно.

Вначале – стала говорить – всё правильно, потом....

– Ты знаешь, конфронтацией – плохого не исправишь, есть большая задача – попробовать всё сделать справедливым, и равноправным – по всей планете.

– Ты, можешь, в это верить?!

Ведь, если губернатор с приближёнными – от превосходства над другими существами отказались и, отменили разделение по кастам, это бы стало в обществе – началом преобразований, без выступлений революционных.

– Ты думаешь, они пойдут на это? Стать равным, как и другие – все? Как те, кого всегда считали быдлом.

– Если не глупые, должны на это согласиться. Им, разве мало, что имеют..., получили?

Ведь в это время – сотни, тысячи других существ, равняясь на примеры тех – себе подобных унижают, и обделяют – тысячи. – Стоящих – на общественных ступенях – ниже их.

По их примеру – идут «по костям», безо всякой на это необходимости.

Ты понимаешь? – Мы можем одним выстрелом, сбить две мишени сразу, если получится задуманное – те примут предложение. Увидишь – праздник Эго. И настоящее спасибо – заполнит ум, сердца, всех жителей.

Правда, появится необходимость в моменте перехода, так как – нарушится порядок – многовековой. Они сейчас имеют всё – возможность назначения по принадлежности к той касте, к какой относятся, а значит, к привилегиям.

– Сын, внук генерала не станет маршалом, есть у того, свой внук и сыновья?

– Возле того. Универсальным служащим и, высшим офицером, служба простой, не станет никогда, для этого есть рядом существа из семей номенклатурных, стоящих выше их по статусу.

– По-настоящему, тебя я, видно не узнал – признался Илии Икар. – Сейчас, не кажется, а понимаю многое – иначе.

– Права пословица, что «голова одна – неплохо, а две – намного лучше» – обрадовалась Илия. – Но есть, ещё одна – «больная» тема, её не принято открыто обсуждать в нашем прекрасном обществе. Это – поставка органов, намеченных к стерилизации....

За ними наблюдали десятки глаз. И понимая, что в любой момент, быть могут – обнаружены, разведчики – мира подземного были предельно осторожными.

У них – за многие века, немало отработано – различных методов и способов, для получения с поверхности планеты – информации, необходимой для существования в мире своём, без видимых проблем. Всё сопрягалось с огромнейшей ответственностью – в случае провала, могли существование своё – мгновенно рассекретить. Поэтому в разведчики шли – существа и сущности, лишь волей сильные, готовые в любой момент – пожертвовать собой и многим во блага мира своего – подземного.

Сегодня наблюдали за Икаром – во все глаза и уши, боясь, случайно упустить – подробности.

С ним, появление, как заместителя – девушки человека Илии, их удивило – не меньше губернатора и свиты.

Но так как их задачей было – лишь факты собирать, не обсуждать происходящее – они старались те, подробнее фиксировать.

СБ мира подземного планеты, задание сегодня дали – не только наблюдать за человеком-птицей с другого измерения, а, по возможности – дать знать Икару, что здесь он – не единственный переместившийся.

Произошедшие события – Икаром назначения Илии заместителем и, предложение её Мамоне, поставили их в замешательство. Они решили подождать немного с уведомлением – о земляках его с другого измерения и, посоветоваться с руководством мира подземного. В связи с открывшимися новыми проблемами и обстоятельствами.

При конспирации, разведчики не пользовались связью, кроме лишь, вынужденно – телепатии, в особо редких случаях. Считали, этот случай – не самой большой важности и, сможет подождать решения – обдуманного руководством.

– Он, в тот момент был – ненормальным! – жаловалась стае людей-птиц, девушка-птица. – Возможно, и до этого, как встретились мы с ним, тот был таким.

И, очень странные глаза, как будто тот, себя стеснялся, или боялся – за себя.

Он, в сторону их отводил во время разговора, но я заметила, что в них, ни грамма не было – достоинства и, нам присущей гордости – честолюбивой, как у людей-птиц наших – высоконравственных.

Стая людей-птиц собралась вокруг неё – плотным кольцом её прикрыв, сочувственно, внимательно рассказ выслушивая.

У них Икар и раньше вызывал – огромный, неподдельный интерес, как им – подобный экземпляр, преобразованный из человека.

В человека-птицу в их измерении – явившегося здесь, при странных обстоятельствах. О нём они, раньше не слышали.

– Тот, словно коршун – распластался надо мной, когда я улетела от разговоров странных – продолжила рассказывать она, как испугалась, когда её догнал тот в воздухе, скромно потупив взгляд свой в землю.

– Ишь ты, какой – негодник! – злобно и гневно возмущались люди-птицы. Обидел, невинную – красавицу! Как он посмел, так поступить! Он – беспредельщик! Кто он такой, вообще, чтобы себе позволить, себя вести так, здесь?!

Мало, что он примазывается к нам, как будто настоящий, и пристаёт к девушкам нашим! Мигрант ужасный, с правами – больше наших!

– Он, видно, с самого начала пытался меня напугать, догнав меня в полёте, закричал: «Постой!».

– Бесстыжий-то, какой!

– А я, не побоялась! Сказала – нет тому, что он ведёт себя, как коршун. И, сколько сил осталось, рванула к вам и, улетела от того. Он, не догнал меня.

– Правильно сделала! Ты – умница! – хвалили соплеменники её. Нам нечего водиться с ним, искусственным!

Лишь прилетел мигрант, и сразу же попал в правительство. Ведь это, неспроста! Быть может, принцип его жизни – доносительство?!

К ним подлетела, группа людей-птиц, с собрания вернувшихся. Они внимательно прослушали – всё откровение, напуганной Икаром девушки.

С сомнением, старейшина добавил.

– Сам о Законе говорит....

– И, так – с подвохом провоцирует меня, рассказывала девушка, мол, разве не равны все – пред Законом?

– Ты что? Какой же он подлец!

– Мы только что его увидели – сказал один из прилетевших с собрания – Законом недовольных.

И, есть ещё новость одна – мне непонятная и, вам....

Все настороженно затихли, ожидая, какая новость появилась, интересная.

– Вы знаете все – Илию.

– Конечно, знаем! – раздались голоса, со всех сторон.

– Она порядочный, хороший человек. Не в пример многим, ей подобным особям. Живущих здесь. Да и в окрестностях ближайших.

– Приличная! Её мы знаем! Доверяем!

– Так вот! После собрания, Илия встретила с Икаром!

– Вот это да! Вот это – новость! – летели возгласы от удивления. Они, что? Вместе? Не может быть так. Неужели?

– Мы сразу повернули от неё, увидели лишь это. Сами удивлены – настолько были, что и не знали, как поступать. Представить – такого не могли.

– И, что же дальше?

– Может быть, с ним... Илия....

– Вот и дела? Как же она позволила себе – встречаться с управленцем. По сути – предала всех нас, порядочных существ и сущностей.

– Ладно, друзья, пока – на некоторое время приостановим обсуждение. Ведь утро, вечера мудрее – остановил их домыслы старейшина.

На следующий день, все были – ещё сильнее удивлены, точнее сказать – поражены. Узнав, что Илия, с сегодняшнего дня – пошла, работать заместителем Икара. И первым делом, провели те – встречу совместную с Мамоной, того свитой.

Люций задумался, немного растерявшись. Не знал, как поступить. Вызвал к себе, он Санастасса. Лишь, перед ним тот появился, с ним поделился мыслями – о нонсенсе вчерашнем, произошедшем в представительстве правительства.

– Вместо того чтобы в контакт войти быстрее – с людьми-птицами, без нашего согласования – взял в заместители себе одну из не довольных «Эго» – человека, Илию. Как поступить мне в этом случае?

– Можно бы было наказать, для всех – мало заметно, чтобы заботу Вашу оценил – властитель наш, Великолепный.

– Чтобы никто об этом не узнал?

Узнают – обязательно, через систему бюрократов, что создали мы специально – обыгрывать пространство временное для решений – заметил Люций, недовольно.

И будет, нам это ударом – престиж правительства уроним, мол – не всегда бывают – правильными действия его. Так не исправишь ситуацию.

– Но пожурить его – немного нужно, тогда не будет повода – для вседозволенности, и он почувствует..., что в своих действиях ошибся.

– Согласен. Оставлять нельзя, тем более что можем так создать – от прецедента – многое подобное.

– Может, поговорить мне с ним?

Была причина, этого, поступка?

– Я говорить с ним не хочу, так как – я сильно разозлился, ведь говорил с ним пару раз, на темы многие. Тогда – понравился.

Хотя, при встрече в День Рождения, он показался мне упёртым, своенравным. Возможно, ошибался.

Считал – он, понимающая птица-человек, и совершить такое! – Не посоветовался с нами! Ведь, ты его назначил! ...Такая, вседозволенность!

– С Икаром, честно – не знаю, как нам быть. Быть может, надо бы его распять, в землю зарыть, убить, и стерилизовать, расправу – с бесами шальными немедленно учинить, чтобы не смог он больше злить вас никогда, чтобы не портил Ваше настроение. Какое будет ваше мнение: чтобы унял на веки прыть того?

И пусть забвением покроется, что он вообще когда-то был, раз так себя повёл, такое – заслужил.

Как окончательно, с ним быть? – Если наказывать, то....

...Может быть – действительно, предупредить на первый раз? Нельзя простить....

– Когда узнаем – причину истинную его проступка, тогда поймём. Не перешёл же в лагерь недовольных «Эго».

– Навряд ли, то произойдёт. Он же не идиот, не слишком глуп, как говорил я, только что.

– Но и не слишком умный, видно.

– Для человека, этого достаточно, и даже более.

– Тогда прослушаем все сканеры – вчерашнего дня и вечера, о чём с ней – говорил, в первый же день работы Илии.

– Уже прослушал.

– И?

– В большей растерянности.

Илия предложила, неожиданно – Мамоне, отставить в сторону противоречия, возникшие – между простыми существами и с теми, кто при власти. И начать отношения сначала – с белого листа.

– Это, игра?

– Но, для чего? Если игра, какого уровня? Она ведь, просто человек.

– Да и могла разве она сама придумать – такое предложение? Вряд ли – вовек....

Что-то за этим кроется, я чувствую.

– И хорошо, что чувствуешь.

– Простите, Люций.

– Пока, прощаю.

– Я лишь хотел сказать...

– Не надо.

– Но, я хотел...

– Вот это лишнее.

– Наверное, но...

– Про «но», не нужно.

– Конечно! Вам виднее, господин.

– Тебе виднее также, друг мой.

Предупреждать меня ты должен – обо всём. Не мне тебе об этом говорить, что, где случается у нас. Ты, сразу должен знать..., не я – тебе рассказывать.

Советуешь как быть сейчас, а завтра что тот выкинет?

Как быть с ним?

Знал бы, то не спрашивал тебя. И без него, немало дел. Могу запутаться....

И понимая, что, возможно, сказал немного лишнего, на недочёты показал, что совершил он сам, и обвинил его лишь в том, что сам устроил, готовил сам..., простил он Санастасса, на миг короткий. Даже неловко стало. Нужно им разобраться.

Слуга примерный.

Но оттого, что был слугой примерным – Снастасс, тот с чувством откровения, с понурой главой, вину свою признал, и приготовился к ответу. И на Икара злым стал сразу – на свете, таких нет больше упырей в Законе.

– Простите, господин, я голову ему сверну, если Вы пожелаете, и с представителей правительства турну.

– Эх ты – служака, друг мой верный, ты мне, как добрый пёс. Я не об этом весть принёс.

Дух серный свой – не раздувай, не совершил плохого он – настолько, чтобы турнуть его с поста.

Пока посмотрим, на ближайшие дела его, прежде чем голову свернуть тому.

Немного подожду.

А ты, служака – продолжай работать, как и прежде.

Но, больше не мечтай, что буду я за всех и между.... Сам действуй. Но, не перебарщивай.

Когда поймёшь, что мысли наспех, не приводят – к разумным следствиям, а ложь должна быть очень сладкой, чтобы понравилась, ведь не прикрыть дешёвой латкой её огрех, мой Сана-стасс.

Тебя поставил я держать контроль – за этим, а ты сейчас советуешь, как быть с перемещённым.

Ты подготовил уловители искр Божьих? И, где ещё одна?

– Я понадеялся на Вас – мой всемогущий господин. От этого я, успокоился сверх меры пущей. – Да! Согласен, что инициативу, с ним потерял, в общении.

Исправлюсь.

Ещё двоих, нашёл в мотеле Деренкуйю, а дальше – след пропал. Исчезли, словно испарились, как будто провалились.

Готов служить, как прежде, и радуясь всегда – в надежде, любую просьбу ожидать, всё, что вам нужно исполнять.

– Тех было двое, а не одна?

Глава 2. Саргон-Люций

Эксперименты над Саргоном, Энлиля воодушевили. Он создал личность – неординарную, превосходящую его желания, мечты, надежды. Возможно – знания. И понимая – без новых знаний, ему не обойтись, решил он к Энки на поклон идти. – Открыть тому, что сотворил, в своей лаборатории.

Конечно, брата этим удивил. Саргон стал идеальной сущностью, и воплощением – задуманного, почти полностью. – Великим достижением науки, медицины. – Сотворением, чуть ли не ангельским, с недоработкой небольшой – не мог последовательным остаться и, в настроении менялся – непредсказуемо.

– И, что с ним будем делать, спросил Энлиля Энки.

– За этим и пришёл

– Пусть Пабилсаг поможет – в настройках его разума, откалибрует уровни принятия нейтрино.

– Здесь – заключается проблема. Он те, не получает больше. Такое впечатление, что тех стало – ничтожно мало. На всех – одновременно не хватает.

Все ощущали озарение, пусть – редко, но были те у каждого. К Саргону не доходят вообще, как будто избегают. Возможно – это связано....

– Со мною. Из-за убийства друга.

Отсюда – перепады настроения. Возможно, Пабилсаг помочь сумеет. Но не откроет доступа к нейтрино.

И, что – на обозрение народа – выставим Саргона?

Завтра – такая очередь, желающих стать эталоном – под стенами дворца появится. Что делать будем – с ним и с теми?

Да и куда, его мы спрячем? Ты, в этом достижении – переборщил, до беспредела.

– Речь шла об улучшении здоровья, разума....

Такого, я не ожидал.

– Я не могу сказать – расхлёбывай всё сам. Ведь ты мой брат. Да и задание, я согласовывал... Не стану – тебе врать.

– Об этом я не думал, соврал Энлиль. Теперь – подумаю, немного. Когда найду решение, тогда я вновь, к тебе приду. Думать буду – недолго.

Уйдя от брата, разочарованно, продолжил думать о Саргоне – полуфабрикате.

– Сейчас тот, совершеннее любого ануннака. Если бы эти – недоработки исключить, я сам бы изменился – себя усовершенствовал, как и Саргона.

Возможно, из того – создам помощника себе и Санастассу? Тот, пусть мне помогает – недоработки и огрехи исключает в моей работе. Я назову его – несущий свет и, имя дам – Великолепный Люций, в Аду перерождённый.

Отправлю в Ад Саргона. – Казню того при всех, как жуткого злодея, убившего Великого жреца СССР – Думузи.

Его там встретит Персефона. Пусть демоны чистилища того – прочистят, «очищенным» ко мне отправят.

... Не загуляет, там?

Не думаю. Аид если узнает..., не только голову свернёт, меня замучает – вопросами.

А заодно, и Энки успокою, что уничтожил экземпляр экспериментальный, нужды не будет беспокоиться – об исключительности эталона – ануннака. Убью – два зайца, сразу.

Саргон был в тренажёрном зале, качал грудные мышцы.

– Пред зеркалами крутишься, становишься позёром, надеешься – помогут бицепсы, очаровать Инанну.

– Ты знаешь, повелитель – всю нашу правду. Её мне очаровывать ненужно.

– Ладно, шучу. Давай, в мой кабинет, есть разговор особо важный. Для общих стен – неподходящий.

Он, развернувшись, направился в свой офис. Саргон, поплёлся следом, качаться бросив.

– Прибыл, Саргон? Присаживайся, ближе. Услышишь, не пугайся сценария – твоей ничёмной жизни окончания.

Энлиль старался подготовить эталон, при разговоре – к предстоящей гибели, путём прилюдной казни.

– За Вас, я хоть в петлю! Как скажите, куда – везде пойду.

– Придётся умереть?

– Мы, через это проходили – неоднократно на волосок от смерти был, если припомните.

– Этого – не забыл.

Ты – не пугайся. Смерть будет у тебя – не страшная.

Саргон понурил голову. Слова совами; – одно дело говорить и обещать, другое дело – сказанное исполнять. Смерть – остаётся смертью, даже красивая.

– Саргон умрёт, но ты, в живых останешься, Энлиль смеялся, добавил.

– Другой Саргон? Его я знаю?

– Ну, не совсем другой. Другого, я не знаю.

– Тогда, как выживу, если умру? Прости Энлиль, я не пойму.

– Я изготовлю клона. На это нужно время. Параметры все есть.

Пока, ты мне не нужен. Отправляю я тебя в тюрьму, для приговора – исполнения. Тебя ждёт казнь на площади. Когда в Эриду из тюрьмы, для обозрения – ужасного преступника, тебя будут везти, я по дороге – тебя подменю.

Потерпишь – временно. Недолго.

– А если не получится?

– Может, не получится.

В Эриду, может – всё случиться. Казнить тебя в Ниппуре будут. Ещё одна попытка.

– Переживаю – сущности из-за меня, придётся мучиться.

– За это ты не беспокойся. Решу я с Энки – эвтаназией, прилюдно, заменят – лазером убийство.

– Спасибо, успокоил.

– Я добрый и, отходчивый. Жалею не тебя – Саргона, свой труд. Если получится – другое имя носить будешь.

– Так будет правильной, ведь я – не тот Саргон, что был, а стал умнее, привлекательнее. Я это осознал – давно. Теперь, учтивый я – внимательный.

– Судьба другая приготовлена.

Тебе, так в жизни повезло!

– Тебе Энлиль, я благодарен, за всё, что сделал для меня.

– И энкиновцам всем назло, спасу я вновь тебя.

– Но, если не получится, замена клоном?

– Продумал я, и это. Вместо флакона с ядом, дадут врачу – снотворное, особое. Умрёшь, как будто, будешь – не дышать почти. Всё! Хватит, этих – если.

Коль не судьба – заслуживаешь смерти! Прекрасно знаешь – прегрешения свои. Там встретят тебя – бесы.

– И, снова скажешь – повезло!

– И не иначе! Узнаешь многих там – в лицо. Знаком с их подлой ратью ты, давно.

Весть, молнией по Междуречью пролетела, через СССР и, полетела дальше. – Саргона – подлого убийцу Верховного Жреца СССР – Думузи, «взяли». Поймал того Энлиль, как обещал Инанне.

Инанна разрыдалась. Её, прекрасно понимая, все сослуживцы, домочадцы, – утешали. Ведь, наконец, убийцу мужа её – поймали. Судом того приговорили к смерти – заочно.

Всё удивлялись – отчего, так долго не ловили? Знали, что тот на плато.

Она рыдала безутешно, Думузи вспоминая, Энлиля проклиная, тихо.

– Слухи ходили – разные. – Будто простили; на плато – на цепи держали; по-прежнему, служил Энлилю. Но слухи те, не оправдались – его Энлиль поймал, в тюрьме держал, пытал, чтобы узнать – зачем убил Думузи.

Когда прошёл – допросам отведённый срок, он палачу того отдал – для исполнения судебного решения.

Энки был поражен и восхищён Энлилем. – Что значит брат! Всё понимает. Не дурак.

– Послушался тревоги – души моей. Решил труд уничтожить, лишь потому, что тот мне не по нраву. – Ради порядка.

Народ потребовал – Саргона провезти по городам, чтобы увидел каждый – бездушного преступника, убившего собрата-соплеменника, Великого Жреца СССР Думузи.

Увидев, в глаза плюнули и, всё тому сказали, что о нём думали.

Энки, с народом согласился, лишь частично.

– Продержат сутки в клетке того в Эриду, затем везут в Ниппур, где всенародно, на площади казнят, заслуженно – у храма, по приговору.

Энлиль просил – труд многомесячный не мучить, болью ожидания – убийства лазером – вколоть укол смертельный. Сделать, гуманно – эвтаназию. На это Энки согласился, с трудом. – Жива была месть в сердце, за смерть Думузи – друга, но «слышал» брата верного.

Коль воля, не имела разума, того бы в чистом поле, шакалам и гиенам – сворам, отдал сегодня, чтобы на части разорвали. Было – душе от этого, пользы намного больше, и успокоения, что гада уничтожили.

Народ, не должен знать жестокости – примеры заразительны... и, он издал Указ. – В целях гуманности, казнь смертную преступника, исполнить эвтаназией, при всех.

Не ожидал Саргон – такого ликования, народов Междуречья, что пойман он. Желали его смерти – все существа, казалось, даже – пресмыкающиеся и звери, и те хотели его умерщвления. Везде он слышал – удовлетворение, что пойман и, прилюдно – казнят его в Ниппуре, на площади центральной.

– Ну, наконец-то! Смерть Саргону! – Убийце сопланетника – кричали разъярённо, по поводу поимки.

В клетку летели камни и плевки, стучали кулаками, рвались через охрану.

Если, не сетка, заплевали и, закидали бы камнями. А так – в живых остался, в клетке заплёванной и погнутой – плевками и ударами.

Хотел сказать, что он не тот – убийца, что мозг его и тело – изменены, усовершенствованы. Но голос потерялся – в криках толпы неугомонных, дикарских. Не был услышан – растворился.

– Не думал я, Саргон признался, что дорог так был – жрец народу. Я помню второсортных – всех, на плато. Из тех, не выделялся тот – особо. Жена его Инанна, всем брала – за душу, другое место. Не понимали многие её, что в том нашла она – красавица. Одной лишь Нинти уступала, но к той, на зебре не подъедешь и, не пытались – себе дороже. Хотя, и к этой, раньше, никто не пробовал – по этой части. Могло, не обломиться... Пример – с ним случки, получился.

Тогда её, и нужно было трахнуть! Всё бы на плато изменилось! – Она осталась, с Энки не ушли, и не надоумила – баулы заменить Думузи. Не стал бы сильным сегодня Энки, и не было бы Междуречья....

Да! Я мудака! Не знал, что можно, сделать «так»!

Народ не успокаивался. В Эриду прибывали многие, желая дань отдать своим позывам к чести, справедливости. Подчеркивали – гада ненавидели! Своими бы руками разорвали!

– Сейчас убить Саргона! – кричали хомо, гомо. За нашего Верховного Жреца Думузи, в Аду гнить будет тот – паску.... Зачем оттягивать?! Его распять – здесь нужно или порвать на части, тупо!

Смотрел он глупо – на беснующихся хомо, гомо, ануннаков, злых, как бродячие собаки. Устал, не реагировал на крики.

Единственно, желал – скорейшей эвтаназии.

Он понимал – не выдержит дальнейшей экзекуции. Прошло лишь пять часов, а должен быть на площади – долгие сутки. Затем Ниппур. И там, убьют не сразу. Сначала, также устанут клетку – для обозрения, будто – диковинной заморской обезьяны.

– Энлил, замену обещал – не выполнил и, вряд ли сможет. Он охраняем Утом, с большим отрядом хомо. Такого тот не ожидал и, не поможет, если рискнуть захочет.

Кто для него Саргон? Лишь экземпляр подопытный – Саргон, в упадке мыслей сокрушался; дурак доверчивый.

От наступившей на него, со всех сторон – действительности чёрной, духом совсем упал – на помощь не надеялся. Отчаялся.

Со стороны – похож на овощ вялый. Закрыв глаза, лёг на пол в клетке, заткнув руками уши, что ещё больше злило ануннаков, хомо, гомо.

Злились и, рвались к клетке, как собаки, чтобы попасть – не камнем, так плевком, в морду заплёванную – метко.

– Не нравится – нас слушать?! – они в ответ, на действия его – кричали. Убийца он, мокрушник! Зря, всё-таки – не разорвали! Вы, почему – не дали?!

Надеялся, что к ночи стихнут крики и, перестанут оскорблять, устраивать нападки. Но ночь пришла, и стало хуже. Кидали из толпы огнями, факелами.

Охранники его спасали, хотя защиту исполняли – по долгу службы, не по желанию и, было, что возможно – пропускали, кидающих и негодующих – не часто замечали.

Под утро, он молил о смерти, жить больше – минуты не хотел. Кричал:

– Убейте меня – скорее, ведь я виновен и желаю смерти! Исполните предназначение и приговор судебный!

Он чувствовал – сходит с ума.

Всё замелькало – ужасы, со всех сторон, словно в девятом круге Ада его заполнили и убивали..., не до конца. Желая – дальше издеваться, над жертвой, этого – достойной.

Когда, внезапно наступила тишина, он содрогнулся, понимая, что это, может быть, лишь в случае, когда он умирает.

Благодарил, все силы Ада, успокоился.

– Лучше гореть в Аду, чем в клетке быть на площади – оплётанным, обгаженным, закиданным камнями, мусором, в сопровождении стрел оскорблений – по голове, во множестве, обстрелянным.

Слыша спокойный голос рядом, дошло – недолгий отдых. Везут в Ниппур, где он убил Думузи.

– Там будет, ещё хуже, он зарыдал, как девка....

– Что, сука – осознал, что натворил, паску...? – охранник пожалел или, по простоте душевной констатировал.

Он, осмотревшись, видел – конвой большой. Часть – спереди, часть – сзади, четыре конвоира – сбоку, по два.

– Покой мой берегут, так я им дорог? – пытался удивиться, но понял – тем безразлично, что, как с ним будет. Доставить нужно в целости – их служба.

Дорога оказалась, не очень-то и долгой.

– Могли бы и помедленнее – кони! Несётесь! Чрезмерно быстро привезли меня им – клоуна.

Начнётся вскоре, всё сначала! Неудивительно, что я вас презираю. – Вы шавки и шакалы! Без благородства!

Действительно, ещё не въехали в ворота городские, а камни с грязью оскорблений в клетку полетели. Услышал крики.

– Осталось жить – недолго! Ответишь за убийство – сволочь!

А дальше – больше. Как, и в Эриду. Быть может – хуже.

От въезда в город и, до площади у храма, его толпа сопровождала. Жалел он, что охранники, толпе его не отдали. Всё повторялось и в Ниппуре, такое же бесчинство, что в Эриду.

– Быстрей бы всё закончилось, не мучиться мне долго, он, сожалея, молча – ждал участи, прискорбно.

Где ты, Энлиль? Ушла одна попытка. Быстрее бы, любой конец. Как долго тянет тот – владелец времени. Со всеми вместе, издевается. Мстит за Думузи. Или радуется – развлечению народа.

Внезапно, мысль мелькнула. – Инанна приходила? Простила ли со мной? Её не видел я.

Согласен, положение – двусмысленное у неё. – Любить убийцу мужа....

А может, не любила? Врала, использовала? Простая хитрость женская и похоть? А он, губы распыл. Хотя, сейчас ведь всё равно..., но хочется припомнить, что счастье было. Пусть не такое, как у всех, но не ворованное – завоёванное....

– Где, как? Насилием? – услышал в голове вопрос и, снова сник. И, с умилением он, тело вспоминал её – прекрасное.

В него летели камни и отбросы. Большие, сетка отбивала, а маленькие – пролетали, не всё, немного – попадали в цели.

Увидев храм, как въехали на площадь, вновь вспомнил, как убил Думузи.

– Как жаль, что повторить нельзя произошедшее. Начал бы с плато....

– Вновь я мусолю, сам себя одёрнул. Скоро, за всё будет расплата. Вот и вторая – ушла, попытка. Осталась смерть или ...?

А вдруг, не сможет подменить Энлиль, яд на снотворное?

– Быть может, тот схитрил – его так успокаивал, чтобы, не супротивясь, должное воспринял, как нужно – Энки и..., Энлилю?

– Кому?

– Ему – Энлилю.

– Может.

Сейчас, мне ничего не изменить. Как странно.

Почти не слышу крики и, не бросают камни.

Заканчивается, весь ужас. Начнётся эвтаназия?! Вот, врач несёт флакон и шприц. Я в замешательстве. Сопротивляться бесполезно.

О! Ужас! Больно..., тот не попал мне в вену..., сразу.

Энлиль, Саргона не бросал, он клона изготовил. Но Ут, как будто, понял замысел, к Саргону не подпускал. Почти всё время – лично следил за клеткой и, уходя, вместо себя, проверенных соратников оставил.

Ут понимал, что здесь, что-то не так. Он знал, что жив Саргон, находится у брата Энки. И тот – об этом, также знал.

– Не наше дело это, решил он, и смолчал. Служил он Энки верой, правдой. Считал, тот знал, что делал.

И, вдруг, метаморфоза!! Энлиль Саргона сдал! Произошло такое, после разговора Энлиля с Энки.

О чём?

Конечно, этого не знал.

– Знать, так и нужно! – снова решил. Время пришло. Верёвочка довилась. Сколько не виться ей, конец приблизился.

Душа молилась, безостановочно.

И, зная хитрости Энлиля, устроил он охрану. Нельзя попасть – впросак, воспользуется враг и, дело чёрное обтяпает, мгновенно.

Ему докладывали о попытках, причём неоднократных – приблизиться Энлилем к узнику – Саргону, когда ушёл Ут отдохнуть. Тот на вопросы отвечал – мол, руки чешутся....

Указ был Энки – «казнь смертную Саргона – исполнить эвтаназией».

Хочу, чтобы тот перед смертью, весь ужас Ада испытал – при жизни.

– Нет. Будет так, как Энки указал. Ему, ответственный охранник отвечал. К Саргону – не подпуская.

И заподозрив, что-то не так, стал строже охранять Саргона. Ут лично – яд в Эриду получил, в Ниппур доставил. Вручил врачу из своих рук и, проследил, как шприц – тем ядом был заправлен.

После укола лишь – вздохнул, когда того отправил – в дорогу, всем известную – под землю, в крошечный Ад. – Энки с Энлилем созданным.

Падение было недолгим. Он пролетал через болота, топи, пламя – смолы и нефти. Остановился в пекле. Его позвал Титан огромный.

– Ты смертный. Твои грехи огромной тяжести – безмерной. Должны определить мы, где гореть тебе с мучениями, сожалением, раскаяниями, без надежды, зная, что будешь здесь ты – вечность.

– Пусть подойдёт, позвала Эвридика.

Такой красавец, как и мой Орфей, только – того мощней. Ты петь, играть, умеешь?

Хотя, я вижу – нет. Играть, ты точно не способен. Пальцы – не утончённые.

– Но, и не грубые.

– Понравился? – спросила Персефона. Тебе он нужен для утех?

– А почему и нет? Есть грех. Всего полгода разрешаешь, в объятиях Аида пребывать, любовью наслаждаться, а как спускаешься обратно, приходится мне отдаляться.

Орфей, не смог меня забрать из Ада, хотя, ему ты помогла сбежать.

– Кто виноват Орфею, в том, что обернулся....

– Никто не виноват. Расслабился и..., я вернулась в объятия Аида – властелина.

– Зря он надеялся, что вырветесь из Ада.

– Бери его, пока я добрая. Ведь ты, подруга моя – лучшая в Аду. Его, тебе даю – для наслаждения. Того судьба решается – бери.

Титан, отдай нам грешника, пусть ублажает нас.

– Нас? – прошептала Эвридика....

Ну..., значит – нас.

Саргон обрадовался – пекла, по воле Персефоны – избежал. Не так и страшен Ад, как им пугают. Только, здесь жарко, смрад.

Придётся привыкать.

Время летело незаметно. Прошло, около полгода в этом измерении, а сколько наверху – неведомо.

Однажды, Эвридика говорит тому. Скоро уйдёт вверх Персефона и, призовет меня к себе Аид. Как сохранить тебя не знаю. Вдруг, преисподнюю проверит? – Ты в пекле не сгоришь?!

Нужно найти мне повод, чтобы не тронул тот тебя, не потеряла никогда героя пекла.

Не тут-то было, Энлиль не обманул, бесы Аида, узнав Саргона, с тем «поработали» и, хорошо прожарили.

– Я беспокоилась, жалела Персефона. Но, всё равно..., раз был в руках у них, в котёл тебя не бросили, а просто чистили. Так не о ком они, здесь не заботились.

– Наверное, узнал Аид, что прибыл от Энлиля, его команду исполнял. Меня, Энлиль об этом, ранее предупреждал.

Энлиль переживал – не смог спасти Саргона. Его план не удался, Ут, вездесущим оказался. Предусмотрел все меры охранения преступника, до казни. И казнью, сам руководил. Как будто знал, что хочет тот спасти – от смерти увести Саргона.

Пришлось, послать к Аиду весть и, подождать немного, пока всё не уляжется, потом забрать того из ада.

Имя своё – Саргон забудь, на долгие века. Тебя звать буду Люцием, а клон твой – ипостась, чтобы не спутать – Луцем. Уйдёте навсегда – из мира этого, здесь нет вам, больше места. Другое будет домом, для вас – пространство.

Лишь бы, там не было – так жарко, как в Аду, Люций-Саргон благодарил Энлиля.

– Прекрасно «отдыхал» ты, и в жару. Мне Персефона рассказала.

– Ты знаешь, обо всём?

– Тебе ведь обещал. Я за тобою наблюдал. Мне бесы всё передавали. Я помогал, точнее – не мешал. Особенно, когда дев ублажал. Теперь, в другой мир отсылаю. Дам в помощь ипостась твою, и назову его я Санастассом.

Пусть будут два помощника, на всякий случай, ведь случаи, бывают разными.

– Твой ставленник на плато – Санастасс.

– Похож тот с Люцием, но не с Саргоном. Хотя, тот, что на плато, слабее этого, намного. Это – естественно, ведь он – двойник. Другая технология создания. У этого – усовершенствованная. Не зря учился я у Пабилсага.

Во многих отраслях, умней меня – учёный Пабилсаг, но он, не я – Энлиль могущественный – бог планеты. Жаль, не единственный.

Но, что поделаешь. Не скинешь Энки....

Глава 3. Нависшее несчастье.

Первый блин комом.

Особо Люций не переживал, когда между собою сталкивались – народы в войнах.

Оттачивал Законы «Эго», ошибки выявлял. Их было много. Нюансы выделял, учился на ошибках. К ним относился строго. Себенс их исправлял и обучил его, немало.

Тот от него узнал принципы мироздания.

Со временем, стал ученик, не меньше понимать – учителя, тем более, Энлиль усовершенствовал его мозги, внедрив в те – нейростимуляторы. Стал ближе к биороботу, чем к ануннаку.

Заметил – искорек нейтрино, нет больше, на планете.

Раньше, о них не думал, ему хватало знаний от Себенса, но, тот с ним отношения ухудшил, практически общаться перестал и, он, пытаясь обновить программу, для восприятия из космоса – необходимых знаний, те не нашёл.

От этого, не мог он, не страдать. Ему их не хватало. Программа знаний, у него – не обновлялась. Стала преследовать усталость.

Потом был Ад, в чистилище очистка, возвращение.

Люций-Саргон, жалел о прошлом времени, когда был умственно не развитым по отношению к сегодняшнему дню и состоянию, но мог с хозяином – Властителем коммуны общаться чаще. Энлиля он боготворил.

Того, давно не видел.

Каждый жил в собственных мирах. С одной лишь разницей. Его мирок, один из многих, входил – в огромный мир Энлиля, словно – в матрёшке, вкладыш – кукла.

Однажды, видя – отношения прохладные, им недовольные Себенса, он выступил против того, лишь защищаясь, и получилось – против Энлиля....

Хотел всё объяснить, но не сумел. Встретаться – тот не захотел.

Ждал, что наказан, будет вскоре, но время шло, а наказания большого, не произошло.

Не понял сразу, что наказан – сильнее, чем предполагал. Был «отчуждён» он от Властителя. Без объяснения.... В своих мирках – «один» остался.

От безысходности, проникал в другие измерения. Выбрав – один из них, непостоянно там обосновался. Тем управлять поставил Санастасса, и дал задание лаборатории секретной Луца – телепортацией, телегенезом заниматься. Хотел от экземпляров новых, вход получить к имеющейся информации. – Сейчас он это, вспоминал, анализировал. Как ставку сделал на Икара – ошибочно, ведь тот, с пути сворачивал – прямо указанному....

Не понимал он – почему?

– Ох, эти гомо! Тянутся к чему-то непонятному – самими. А мне – тем более.

Луц – там, здесь – Санастасс, – в двух измерениях стараются, его команды выполнять.

– Если – здесь, где-то бродят двое перемещённых, тем нужно сразу показать, что может быть с тем, кто стал своевольным.

Икара мы возвысили, ввели в наше правительство. Тот, своенравничая – не помогать стал, а мешать.

Решил я – можешь его убрать.

– Совсем? спросил обрадовано Санастасс.

– Как считаешь нужным.

А тех двоих – нашли?

Пока что нет. Но думаю....
Поменьше думай, и ищи!

Увидели глаза, уши слышали часть разговора Люция и Санастасса, и с этой новостью спешили на Совет, чтобы быстрее рассказать, как Люций рассердился, а Санастасс добавил красок. И в результате, Люций дал согласие – Икара проучить, организовав встречу с Иолантой.

С Илией и, недовольными Законом – расправится Мамона с Леприконом и зятем Парамонстровым.

– Не понимаю их, им удивился Волод, неандерталец, возрастом, чуть старше Анта – у них возможность появилась – объединить под знаменем Закона всех существ и сущностей разумных на поверхности – то, что они будто желают – как сами говорят, на всех углах – везде. И в прессе, и на телевидении.

– И вновь слова расходятся их с делом – заметил аллигатор, – всем говорят одно, а делают другое. Как, иногда – макаки.

– Поэтому и верить им нельзя! – подметил стехонихозавр.

– Да им никто, не собирался верить, как и не верили им – никогда, добавил гуманоид, начальник пятого отдела прослушивания – СБ мира подземного планеты.

– Конечно, верно – сороконожке, ответственной за выявление возможностей – проникновения, в любые щели помещений, авторитетно подтвердила уховёртка.

– Я думаю – нужна им помощь. Над ними собирается ненастье – внёс предложение для обсуждения Советом – Волод, что не противоречит правилу: «Сам погибай, другого выручай».

– Я буду против – питон огромный, не согласился. – Я не хочу из-за перемещённого, губить народ подземный.

– И я, не очень – за, добавил червь гигантский.

– Помочь, не значит, выйти нам наружу и дать – себя им обнаружить. Мы видим – позитив. Возможно – без войны наступит мир.

Совет решил помочь – Икару, Илию спастись. Без помощи им – невозможно обойтись.

Набралось, как и ожидалось, количество желающих – большое, для оказания спасения Икара, Илию.

Племя кентавров и пегасов, незыблемый маршрут свой, изменив, впервые за века, несло с негодованием и рвением, что было сил исполнить – данный им наказ правительством. – Закон от несогласных защитить и, наказать всех, его злостных нарушителей. Незыблемо и явно, чтобы знали, что нарушителей Закона не потерпят. – Суд – показательный устроят, обязательно – если поймают.

Икар и Илия, ждали ответа от Мамоны, мечтая – на планете, к лучшему изменится, закончатся противоречия, не станет несогласных больше.

Сегодня подготовили три предложения правительству планеты и ряд поправок для Закона. Отправили Мамоне, для изучения и одобрения.

Люций, от этого сильнее разозлился.

– Немного сомневался, что поступаю с ним сурово, теперь – я убедился, что правым оказался! – сказал он Санастассу, хваля того за дальновидность, своевременную в определении «личности» человека-птицы.

Ты посмотри, куда они пошли! Уже готовят предложение с поправками к Закону. А завтра, в голову взбрёт поставить мой Закон на голову или на четверть изменить!

– Нам, демократии здесь не хватало, на планете! Кого, потом будем винить, коль не сумеем упредить заразу. Нельзя, чтобы та расползалась везде. Ту – сразу нужно уничтожить.

– Не говори!

– Ещё одна проблема беспокоит, где же, оставшиеся – двое перемещённых вслед за ним людей? Куда могли исчезнуть? Непонятно. Имеют связь ли, с ним?

– Не сильно, Вы, переживайте. Появятся, дадут знать о себе, где бы, не оказались. А там лишь дело техники для Лита. И сын того, подросток – того достойный.

Если понадобится, то увеличим мы табун, если нам, будет нужно – устрашать врагов народа. А нет, мы террористов создадим, и сеть Алькаиды набросим на неверных. На днях – у Луца Афган очистили, ИГИЛ создали – (в России запрещённое).

– Жестоко это будет. И, много крови – я не сторонник жёсткого террора.

– Те, сами – этого хотят. Себе, как воду, хлеб – желают. Мы, их наказывать не станем – до поры..., пока от тех мы не устанем.

– Когда Икара – перемещать собрался, думал – приближусь к искрам разума, а он такую пакость мне создал, что я теперь и выхода не вижу, как наказать по строгости твоей. Какой он негодяй и как посмел пойти против меня?!

– Тот – явный маргинал.

Наверное, не все такие люди. Есть глупые, есть дураки, есть те, которым наплевать на всё добро, что получили от тебя Великолепного. Во зло все отношения пустили.

– Согласен. Ума – небольшого!

– Я думаю, что есть среди них – те, кто ценит правильно тебя – как губернатор наш Мамона, зять Парамомонстров – у того, да и других немало, с ними..., депутаты.

– Наверно – депутаты...? Справедливые апле, великобоссы.

Как в цирке – оп ле!

– Какая разница!

– Они не знают, что есть искорка благая, поэтому молчи! Тебя создали, чтобы мне был нужен. Но ты, не сможешь искорку достать, хоть будет у тебя во лбу десятков пять остроко-
нечных звёзд.

От них, твой ум острее не станет. С тобой не стану говорить об этом. О, бедная головушка моя! От дел, распухла! Как трудно, мыслить, иногда, когда, рядом с тобой...?

С ним согласился Санастасс. И произнёс в ответ:

– Вы, господин – правы. Как и всегда!

Ума, как Вашего, нигде я не встречал. Ох, эти люди! Эти нравы! Но, господин, ты сам – порядок в этом мире создал. И сделать с ними можешь, что захочешь, нейронные сигналы изменить, замедлить скорость их, сосредоточить на себе, чтобы им – не по силам было, что-то изменить..., детьми остались навсегда, по уровню развития.

– И, в сказки верили, всегда.

– Можно внедрить – «точки прикосновения» между нейронами – синапсами. И будет камень преткновения, для их мозгов, пока мы не увидим, не поймём, что детство станет им непоправимо вредно.

Тогда, возможно, пожалею их, нальём им ниелина на волокна мозга – немного..., или как пожелаешь, мой господин. На всё – есть твоя воля.

Люций не зря советовал руководителю земной лаборатории секретной, телепортацию произвести, как ему нужно – разумное любое существо. Первым пошёл Никита – человек-птица.

Зная – в том измерение, доходят искры Божьи к её жителям, те их не замечают, надеялся использовать тех, как приёмник, чтобы, сканировав мозги тех, их изучить подробно, возможность получить для исполнения заветного желания и, получения необходимой силы информации.

– Надежда умирает, всегда последней – решил он, согласившись с Санастассом – убрать Икара, Илию и, начать всё сначала.

Хотя, был очень не доволен, своим согласиём....

– Моё решение – уничтожения Икара с Илией, созрело у меня в порыве недовольства – поступок себе Люций объяснял. – И было продиктовано – стремлением убрать «заразу», уничтожающую уважение к Закону, и к охраняющим его чиновникам – оправдывался сам перед собой, Великолепный Люций.

Хотя... он признавал – преобладало чувство недовольства в тот момент.

– И принял я решение – на фоне успехов незначительных в других планетных измерениях, где существует жизнь разумная, от гуманоидов до сущностей – чистой энергии, что населяли измерения – мембран.

– Выслушивая Санастасса – о результатах, на других планетах, потребовал я у того, чтобы пошёл тот дальше. И, что-то получалось у него. Но, слишком мало....

Первостепенная задача, объяснил тому – перед тобой поставлена – не просто узнавать, какие мысли – главные у тех, а внутренний их мир познать, чтобы понять – осознано используют – нейтрино.

Синапсы им установить недолго. Но это лишь затормозит развитие их мозга. Возможно, к тридцати годам их нервные волокна – мозга, покрыть слоями ниелиновыми, что и улучшит прохождение всех импульсов – для концентрации внимания на память, реакцию – на стимулы привычные.

Но, вместе с этим ниелиновая оболочка ухудшит – способность клеток мозга – к их перестройке, и снизит познавательности функции.

Пойдём пока по старому пути. Внедрение их в образ жизни Эго, поможет гуманоидам твоим – найти контакт с их чувствами: стремлением к обогащению и превосходству над другими, алчностью. Используем, как стимул – «Эго».

Внеплановые хлопоты, из-за проступка человека-птицы – мозг оживили, и настроение у Люция, что привело к активности и восприятию происходящих изменений в фактической действительности, что тот обзирал вокруг и, к обновлению частичному нейронов мозга приготавлился.

Даже подумал, радуясь однажды, что чувствовал нейтрино.

За это время, изменений в космосе – произошло немало из-за нововведений Хрона – времени.

Он не привык к его размеренности и постоянству.

Не обращая – зачастую, на него внимания, внезапно для себя заметил – оно замедлило свой ход. Чуть ли не стало.

– Окончена моя опала? – обрадовался он. – И, вновь вернутся – вечность и спокойствие. Исчезнет негатив, как сон? Я помирюсь с Себенсом и, удосужусь вновь – похвал Энлиля?

Но радость длилась у того – не долго. Смотря вокруг, увидел неожиданно – скопления туманностей в галактиках, создание – одновременно новых. Везде, где создавались очаги – для зарождения Закона «Эго».

Там, где Закон работал – чёрные дыры, в размерах увеличились.

Если они были единой частью раньше – общей системы, в мирах – передвижения, сейчас они, как санитары – те очищали от моих воздействий.

В Созвездии Псов Гончих, туманность приняла – форму спирали, а в середине – облака из газов скопились плотно, выбрасывая импульсами – сигналы бедствия, как пред уничтожением и преобразованием – согласно сохранения энергии.

При этом облака вращались – «невозмутимо», в сверхтяжёлой точке – массой сорок миллионов солнц, со скоростью – пять миллионов километров в час, образовав гигантскую воронку – от основания той сверхтяжёлой точки.

У Андромеды, также оказались – туманности большие, при схожести с чёрной дырой из Гончих Псов. – Во всём.

Невдалеке от Солнечной системы, на задворках галактики – Большого Млечного Пути, увидел уплотнённое скопление туманностей – в три миллиона солнц, и чёрная дыра – их массу поглощая, подтягивается к Земле.

Везде, по мере приближения к чёрной дыре, время не только замедлялось – а исчезало вообще, преобразовывалось. – Пространство искривлялось. Свет изменял спектра, терял часть них и, становился – больше красным, истратив часть энергии в борьбе – с инерцией и гравитацией.

Тела, и всё, что находилось в них, по искривлённой траектории, одновременно – двигались и удлинялись. Вначале в прутья, проволоку, нити, превращаясь в волосинки – пока не распадались на атомы и на элементарные частицы, входя в дыру огромную, невидимую глазу – чёрную энергию в чёрной материи, желая выйти с другой стороны, при изменённом состоянии.

То, что увидел, вновь заставило, с огромным беспокойством – оглянуться.

И понял, это – не спасительный возврат к его прекрасной молодости, вечности. А путь, ведущий к гибели – всего, что создал, за пребывание – в этих мирах.

Он, оказался, им отвергнутым?!

– Нет! Не простил меня! – вскричал Люций-Саргон, души и тела раздирающим, ужасной силы, боли – криком, что было сил.

– Используя – все принципы создания великой жизни, Он, изменяя эволюцию, уничтожает все мои труды, свои, – всё существующее в этом мире..., – в Его мире! Внутри него.

Взор, отведя от ирреальности, увидел перед собою посланника. Тот улыбался:

Нет, тот – над ним смеялся!

– Микроресчинка, возомнившая себя, пупом вселенной. Ведь, ты – слепец!

Куда гордыня привела тебя, ты видишь?!

– И как исправить это? Есть путь ли у меня – другой? Не тот, что вижу. Мне подскажешь?

Какой тот для меня?

Если имеется?

– Путь есть всегда у всех, даже, когда ты не являешься – ни путником, ни странником.

– Каков он, подскажи? Где начинается и как его найти – мне, чтобы вновь не ошибиться – перед Энлилем?

Готов я преклониться и признаться – во многом был не прав, чтобы вернуть обратно – всё былое и, сделать вновь себя счастливейшим в мирах, как было прежде, до разрыва....

Простит ли он меня сейчас, и что для этого, мне нужно сделать?

Посланник громко засмеялся, словно в трубу – как гром небесный и, не ответив ничего ему, исчез внезапно, как появился.

– Ну, так, так – так... Я должен себя в руки взять! Возможно, это мне приснилось?

Любой ведь результат, есть результат, и значит это, что потеряно не всё, раз путь мне не закрыт – подумал он.

Не зря посланник появился предо мной и говорил со мной, ведь это значит, что я есть, не только – был.

Куда вот только, путь ведёт? Да и откуда?

И как его найти мне самому, чтобы поверили – вновь я хороший?

Взяв себя в руки, он с холодным разумом и чувствами. Стал успокаивать себя, хотя ему сейчас, довольно трудно было сделать это, видя – галактика с его планетой, меняет форму – вытянулась..., будто готовилась – стрелой лететь в пространстве. К чёрной дыре ближайшей, на скорости огромной, меняя время, замедляя ход.

И, это – не галлюцинации.

– Есть время у меня подумать, выходит – решает Люций. – И если даже – уничтожатся галактики, где труд мой, должен дать плоды – останусь!

Меня на гравитоне перебросит к другой мембране, где будет – всё сначала.

Погибнут пусть – творения мои – все люди, звери, существа и сущности, я навсегда останусь в этом – микроизмерении! Я – вечный!

И если всё почти исчезнет, то стану от хлопот свободным, бездумно взваленных на плечи, желая нужным стать мирам Себенса и Энлиля.

Значит – останусь навсегда!

Пусть, на другой мембране.

Выскочив в космос, лихорадочно, как тень, носился по его просторам, пока холодный разум – над чувствами не встал, он понял – крест на нём не ставили, пока. Возможно, не поставят...?

Никогда?

Глава 4. Ордер на уничтожение

Малыш успел негромко пискнуть – негромко, но приятно, когда сворачивала шею и, рацион свой обновляла – ассортимент, в питании однообразном. Не верила своим ушам, в них звук ещё стоял, его хотела слушать – вечно! Сегодня было ей позволено – боль утолить страдальческой души, стереть все унижения из памяти – от понимания беспомощности из-за глаза, вплоть до принятия, как должного – судьбы удара, не предвзятого(?).

– Я не смирилась! Я жива, и буду жить, пока мой дух живой. Я не отчаялась, не приготовилась, как многие – к увядшей старости, я просто ждала-ожидала!

Теперь – тот, точно будет мой!

Его я – медленно и бережно на мелкие кус...сочки разорву и, наслаждаться буду – вкусной плотью, кровью! Крики его – истошные, просящие пощады – будут мне самой сладкой музыкой, что слушала за длительную жизнь! Мой аппетит усиливая.

Как я з о нём мечтала!

Клешнями двигала, представив – Икара разрывает, и у неё от возбуждения тряслось всё тело; содрогалось – всё, что было рядом.

После того, как глаз единственный стал плохо видеть, перенесла – горечь утраты на себе. Не позавидовала и врагу, в случае – тот бы оказался на пути.

В первое время – ненавидела всех, всё. – Того, особенно. Заснуть – от злости, ненависти не могла.

Со временем, немного приспособилась, в условиях тех выживать. Ориентируясь по звуку, запаху, училась пищу – вслепую добывать.

Вначале было трудно, не сразу получалось, да и сейчас не всё проходит гладко, голодной оставалась часто, но это – в прошлом.

– Эти мартышки – глупые, сами ко мне просились, чтобы ими насытилась! – ловя тех, радовалась, мясу. Играясь, относилась тех в пещеру, где – поворотом клешни, заботливо прокручивала голову – у каждой, вокруг её оси. Со скоростью, что ойкнуть, те не успевали. – И, боль почувствовать.

Как только отрывала голову – словно нектар, кровь выпивала, с огромным наслаждением. Когда – та иссякала, высасывать из вен, ту продолжала, те – пережёвывала. Съедала внутренности, до конечностей, сдирая с тушки – кожу с противными иголками.

Руки и ноги оставляла – практически всегда на ужин – про запас, ленясь, иной раз выходить, охотиться. Особенно, когда мартышка предыдущая была упитанной, больших размеров.

Вдоволь насытившись, ложилась спать на брюхо, нежилась, мечтая сладостно о дне, когда её обидчик – главный в жизни, к ней попадётся – в её клешни....

Не проходило – дня, чтобы она об этом не мечтала, и часа своего не ожидала – после их памятного расставания, веря, что встреча с ним наступит, когда-нибудь – дожждётся праздника. За глаз свой – отомстит.

– Ведь если не надеяться, не верить в справедливость, зачем вообще мне жить! – подумала она, зевая.

Вышел сегодня на работу, как обычно.

Икару показалось, что в тот момент, когда он в кабинет входил, кто-то присутствовал. Он явно чувствовал, что – не один.

Позвав Илию, у неё спросил:

– Какая думаешь – какая может быть причина, что до сих пор – от губернатора реакций нет – на предложение твоё? Ведь, как я знаю, скоро выборы у вас по спискам. Мне кажется – приняв это решение, мог бы значительно повысить шансы – партии правительства.

– Ты знаешь, что идут отчёты вверх о выборах – как партии относятся к народу.

– Интересуются ли мнением того?

Могу, и ошибиться.

– Очень заметно – «поддерживаются» народом выборы всегда, от власти представителей в стране – с иронией ответила Икару Илия. Особенно, когда народ узнает, что те – руководители Советов по добыче богатств народных, миллиардеры члены семьи, ими – достойно будут выбраны.

На большинстве участков выборных, зашкаливают результаты, всегда в два-три, и больше раз. И ропота из масс народных, не слышно никогда. Тем более, сейчас. Ведь голосуют, больше ста процентов.

—?

Самое главное, как те считают – политика их основная – направлена на благосостояние выбранных ими членов партии – по справедливости.

Икар задумался и..., неожиданно увидел на столе записку— предупреждение о предстоящем их уничтожении.

Первой реакцией сработало, что это – провокация.

– Подставка – он подумал. Кому-то это нужно?

Не губернатору и окружению его?

Только, понять я не могу – кому.

Он тут же показал текст Илии, на что та усмехнулась:

– Других последствий, я не ожидала, понять, дав жестом – говорить об этом прямо – не нужно.

– Быть может, всё же, провокация? Кто-то разыгрывает или....

– Всё может быть, конечно – ответила она и, подождав немного, молвила:

– Но думаю – навряд ли. Впрочем, ведь он всё видит, когда нужно.... Хоть говори – не говори, и так всё ясно.

Вот шансы и поднимутся для выборов. И главное, что вовремя! В народе – не имеешь популярности. Не заработал её, пока.

– Как-то не вяжется всё это с сущностью прекрасной, если – об этом намекаешь.

– Наоборот. После того, как пригласил меня ты заместителем к себе, это вполне возможно, ведь я для них – из не согласных с Законом «Эго» – диссидентка. Рассказывала я тебе – о нравах их, стерилизации, исчезновении – из несогласных. Кстати, руководит процессом служба губернатора.

– Странно всё это. Двуличность, как у нашего Андропова?

– У вас герой?

– Ага. Еврей, который «русским стал», чтобы пробиться к власти, и стать руководителем в стране. Бросил двух жён с детьми, поочерёдно, по разным городам страны; раздул госбезопасность, прославился – поимкой по кинотеатрам – на дневных сеансах студентов и рабочих, в кафе и ресторанах в перерывах с дисциплинарной целью на производствах. Дешевле сделал водку.

– Только за это стал героем?

– Копнул в коррупцию милиции, да водки стало больше, как говорили старшие. Я много не знаю, но мне и это хватит. Был у меня, недавно – разговор с Великолепным Люцием....

Икар, рассматривал внимательно записку – со всех сторон, будто ища следы на той, перевернул её. Увидел на обратной стороне листа, текст:

– Вас приветствует знакомый Ваш, с другого измерения, бывший руководитель лаборатории – Иван Васильевич. Желает встретиться с тобой, если желание твоё имеется.

Сегодня к вечеру, к реке идите. Вас встретят – за рекой. Будьте – внимательными, обязательно и, осторожными – всё время. Есть вероятность нападения. Выдали ордер на уничтожение – тебя и Илии.

Эту записку никому показывать нельзя, необходимо сжечь её после прочтения.

Икар, словно язык, мгновенно проглотил и потерял, на миг – дар речи.

Второе сообщение – было подобное, удару грома с неба. Об этом, он не мог подумать, не то что, ожидать.

Да и Иван Васильевича никто не мог здесь знать....

Илия, видя перемену – значительную в нём, спросила, тут же:

– Что-то ещё в записке есть, не самое хорошее?

– Не знаю. А точнее, да! Но, верится с трудом.

– Дай посмотрю!

– Не надо! Я расскажу тебе, потом. Ты сразу, не поймёшь, и мне осмыслить надо. Всё неожиданно, пока не верится.

– Здесь личное?

– Да. Личное, дружище – Икар ответил и, лист, скомкав, порвал на мелкие кусочки. Съел, как и в детстве – испугавшись, что может, кто-то – прочитать секреты.

Илия засмеялась, но промолчала, не сказав тому, ни слова. И, показав на дверь, услугу предложила – экскурсовода мест особых, и заодно – немного прогуляться.

– Давай устроим выходной, я покажу тебе наш город. Не весь, конечно, он большой – для дня, ... недели обозрения.

Увидишь то, что никогда, другие не покажут.

Другие наши города – поменьше....

И не расскажут – о жизни на планете нашей. Пошли быстрее со мной!

Там, за мостом, много котов, всегда готова стая вступить в бой. – Сражаться за жизнь свою, врагами каждого, считая, кто подойдёт туда....

Кусочков не оставит стая от смельчака.

Коты те строго стерегут подходы к карстовым пещерам, где многие из горожан бесправных – бывших интеллигентов живут.

А под мостом течёт ручей, зовётся он в народе – Белым. Вода в нём белая, как мел, бурлит и дымку сверху стелет. Чуть ниже – пруд большой, и в том – ручей отстаивает воды.

Туда отправимся сейчас – вдвоём. Оттуда – сможем добраться до людей, мимо воинственно настроенных котов. Иначе – невозможно туда попасть.

Увидишь сам, услышишь, как те – такими стали. За что их выжили, узнаешь – как будто бы ушли из града сами, чтобы жить там – рядом с этими котами.

Квартплату в городе подняли..., как их оттуда выживали и те... не выдержав, ушли. Узнаешь, и о низших кастах, о бедности, бесправии и подлости....

В пруду – дно белое, на нём лежат останки многих несогласных, кто исчезал и стал ничем, из бывших значимыми граждан – кто изменить хотел Закон.

Туда, и нам дорога уготована, чтобы другим урок создать – навек.

За городом – ручей впадает в реку, на изгибе, где встретились, когда ты предложил, с тобой быть вместе – по работе.

– Похоже, на упрёк.

– Нет, констатация проблемы.

Собрался? Ну, тогда пошли, назад не сможем возвратиться чрез эти двери. А недруги, пусть радуются.

Знала заранее – скорей всего, так и случится с нами. Но, где-то верила, была надежда – может сбыться, о чём всегда мечтала – что есть другая у нас судьба, кроме сегодняшней бездоли – жить, по чужой лишь воле.

Словно гуляя, вышли из представительства правительства, направились в сторону «гетто», так назвала то место Илия. И, показав Икару жестом, за нею следовать. Тут же бегом пустилась – вглубь трущоб, виляющих по склонам, улочек кривых. Икар не мог последовать за ней бегом, и ничего не оставалось делать, как взмыть на крыльях вверх и, следовать, кружась за ней, над улочками города.

На пустыре, переводя дыхание, остановилась Илия. Икар спустился тут же и, спросил:

– Ты вроде говорила про отверженных людей, котов, но это, в другом месте?

Илия – отошла в сторонку от него и, посмотрела странно, будто с удивлением, ответила:

– Что говорила тебе, помню. Ещё одна дорога есть. Здесь выросла, тебе напомним.

Шесть годиков мне было, когда случайно заблудилась, ища дорогу, оступилась, и в том же месте, вниз упала....

Затем, открыв глаза, узнала, кого не видела я раньше – никогда. – Склонился нежно надо мной, окутав дымкой – сатана, водя рукой над головой. Он очень страшным был, и в то же время, очень мил.

Повёл меня по верху свода и, красотою удивив, на землю, тут же опустив, сказал:

– Сегодня ты дошла – до неба, а завтра – отведу в иное измерение. Если желаешь.

Со мной пройдёшь путь – неизведанный многими сущностями, существами с планеты этой. Ты здесь однажды будешь предана, и вспомнишь обо мне. Если захочешь, навсегда прикнёшь ко мне, если согласишься, словно, самой себе.

И, знаешь? Я к нему хочу!

Приди за мной быстрее, прошу! Я вспомнила, совсем недавно, со мною было – это всё. Всё это было! Было! Помню....

Раздался непонятный шум над головою – в небесах, напоминающий раскаты грома, и резкий порыв ветра, чуть не свалил на землю их. Затем, настала тишина такая, что зазвенело в голове.

– Наверное – не истинное вырвалось желание, а всплеск сознания происходящего, как этот порыв ветра, предупреждающий гром в небесах, что никогда нельзя воспринимать, как миг действительности жизни.

– Кто знает боль потери друзей, родных? Когда вранья стрела – без жалости не ранит, а убивает, как змея, вокруг. Кто – руку тебе даст, поддержит?

Икар участливо на руку её, положил свою и еле слышно, прошептал:

– Кому-то честь нужна для поругания, кому-то совесть для показа сострадания, кому-то – показное благодушие, кому-то слово – для бездушия, кому-то деньги, а кому – судьба, всегда оставят след на том, на ком лежит вина(?).

– И сколько тех, кто знает – это больно стать ненужным?! – ответила она, вновь продолжая тему, скользя глазами по небу, ещё – частично хмурому.

Искать судьбы причины, и зачем? Чтобы затем банально и спокойно, не становясь ни перед кем, ни перед чем, вина прекрасного бокал, без сожаления, не разбираясь в тонкостях того, без грамма истинного наслаждения – испить, с водкой смешав...? Чтобы сказать затем, что лучше нет на свете, плюя высокомерно всем и вся, с тех – «честных» кресел в

Показывают нам, как нужно жить – любя себя и близких, не всем в ответе быть за воровство, используя всех тех, кто ниже их по касте, смотря с высот верховной власти – с пренебрежением от избранных.

– Я раньше удивлялась: «Как может – розы куст расти в тени, без солнца?» – Не знала, что подлец, под розу может замаскироваться и, когда нужно – в шиповник превращаться.

Поверив в чистоту – мыслей и слов твоих, с тобой работать согласилась – с надеждой, что моя мечта о равноправии, чудесным образом, через тебя – свершилась. Начнутся изменения. И жизнь грядёт счастливая.

– Ты так обижена, за отношение к себе, что стала той, какая есть. – Такая не нужна?

В какой-то степени – права. Но выбор – делала сама. Никто не заставлял тебя – уйти из их анклава.

– Вначале, так и было, пока не поняла, кем стать и, чем могла. Сейчас я благодарна им за это, хотя в душе осталась чернота.

Время прошло и стало много проще, обиды нет на тех, кто предавал, такие они есть, и вряд ли, что-то сможет, тех изменить. Да и, зачем?

Нужны им в жизни лесть, лжеслова, лжепочёт и восхваленья лиры, игра в награды, в честность и, в добро.

У них своя судьба, без чести и сомнений, и путь у них один – уйти в ничто, когда пройдёт их время – безвозвратно и, вспоминать их будут – лишь отвратно, затем, забудут, навсегда....

У всех своя судьба: кому подстилка, кому – муж, кому – жена.

– Тебе забыть всё это – давно нужно, нельзя обидам путь в жизни давать, смогла ведь ты сама собою стать, вот это важно.

О чистом, светлом – не устав, должна мечтать.

И оттого, что жизнь нас всех рассудит, – станем умней. Очистимся от грязи, улыбнёмся, и будем выше, лучше и сильнее.

Не будем – им подобно, наслаждаться – горем, несчастьем людей. Ведь не об этом – в юности мечтали, когда-то. Да и сейчас, когда «взрослее» стали – узнали лучше «друзей» своих. – Чужих. Главное – мы не изменились. Стали умней.

– Эта наука – дорого нам обошлась.

Коты, пещеры, были в разговоре, чтобы тех с толку сбить. Искать не будут – те, там нас. Туда они не сунутся, боятся.

И будто не было упадка настроения, за город сразу поспешила, словно здесь было, что-то не так, как будто чувствовала, что уходить отсюда нужно.

С ней спорить было – глупо и безуспешно. Икар не стал её расспрашивать. Видя, что происходит – необъяснимое, последовал за ней, взлетая изредка, снимая способом таким усталость с ног.

Пруд тот, остался в стороне, и город – позади. А впереди была река, где ждало их спасение. – Итог побега.

Икар ей улыбнулся, осмотрелся. Всё говорило, что находятся, почти в том месте, где следовало появиться, согласно указанию в записке.

Нужно, на берег другой перебраться.

Прошла секунда, может быть... минута. Но там – никто не появился. Илия сникла, отрешилась, замолчала, и было видно, что устала – морально, не физически.

И изменилась – кардинально....

– Странно – подумал он. – Илия ничего не знала, что было в той записке. Я ей, ещё не рассказал.

И, словно, та его услышала, остановилась, сама себе – сказала тихо:

– Нам нужно перебраться через реку, я не умею плавать.

– Давай, тебе перенесу! – ей предложил Икар.

– Тяжёлая я слишком. Не получится, – не согласилась Илия. Мы не удержимся и, рухнем в реку. Будет, для всех – посмешище!

Они остановились и, заспорили, перебирая варианты всевозможные – совместного преодоления реки, не соглашаясь с чем-то, пока не выбрали – плыть вместе, по касательной течению, а Илия держаться будет за него, стараясь в лёгких удержать, как можно больше воздуха.

Что было силы, в воду ринулись, не зная, что им уготовано судьбой, навстречу неизвестности

Записку прочитали – до него.

Обрадовала информация – сегодня вечером он будет у реки и, не один, а с человечком женского подвида. И на неё, ей дали разрешение – на полное уничтожение. Ей разрешили – делать с ними – что захочет, ведь оба оказались не желанными ..., в истории планеты.

Ей никакого дела нет, из-за чего решили – их ей отдать. Ведь главное, среди тех будет – её обидчик человечек-птица, что повредил жестоко и безжалостно – её единственный любимый глаз и, насмеявшись, убежал бесстыдно – весёлым праздником не стал – пищеварения.

И вот судьба, всё возвращает на свои места. Сегодня вечером он будет – в её клешнях и, капли крови не прольёт на землю.

Тот, слишком дорого ей обошёлся, и упустить возможность эту, глупо – такую премию, за – собственную верность.

Оставшееся время провела она, в огромном нетерпении. Сегодня даже, не обедала, от возбуждения. Ждала, готовилась, день в мыслях провела, надеялась и верила. Была уверена – не зря судьба подарок сделала, ей дали разрешение – уничтожения, неблагоприятных государству элементов – диссидентов.

И наступил тот вечер – долгожданный, когда затихли птицы, а сверчки, ещё трель не включили – однообразную, всем надоедливую.

Это безвременье, сегодня отличалось – своей напряженной тишиной. В той слышен – шорох пресмыкающихся, шуршащих, ползающих, пробегающих в траве и, исчезающих, при шуме постороннем – в норках.

Она на память помнила – прекрасно, берег излучины реки, его все очертания.

В дни молодости – жаркие, особенно – после охоты, любила охлаждаться. В истоме сладкой – в реке вначале, потом – немного поваляться на мягком, нежном травяном ковре, одновременно наслаждаться процессом переваривания – в желудке пищи.

Там, познакомилась она с удавом. Давно того не видела....

Стараясь не шуметь, ступая осторожно, приблизилась к выбранному ей месту и, затаилась в ожидании и нетерпении – встречи предполагаемой. Она, почти что, не дышала.

Ждать их пришлось, не очень долго. Этому радовалась. Всё рассчитала правильно

Чувства внутри, вмиг всколыхнулись, рвались наружу – потоком мощным, энергичным, как только их шаги услышала и разговор негромкий – человеческий.

Так была радость – велика её, что невозможно описать словами. Она ждала – их встречу предвкушала.

И вот они подходят ближе!

Слышны негромкие шаги. Сердце забило – сильно, быстро, когда вдохнула полной грудью воздух..., стало стихать, пока не замерло.

Когда остался один миг и, небольшое расстояние, что отделяло от броска её в их сторону, они остановились и, о чём-то, неожиданно заспорили.

– С такого расстояния, хотя и небольшого, могу я промахнуться – пытаюсь трезво мыслить, без лишней возбуждённости, нахлынувшей в неё, решила – так у них появится возможность из её клешней ускользнуть.

Я подпущу их ближе – невроз свой успокаивала. – Наверняка, успею. Нужно быть очень осторожной. – Нашли, придурки место – остановиться и заспорить!

Стараясь не пошевелиться и, затаив дыхание, чтобы тех не спугнуть, сжалась в комок, готовый выпрямиться вмиг, чтобы настигнуть жертвы, как тетива от лука, для выстрела в наметенную цель – наверняка.

Подул в их сторону со стороны реки, несильный ветерок.

– Вот, этого мне не хватало для полного несчастья!» – в сердцах ругалась Иоланта. Звуки мои идут в их сторону.

Её изматывало ожидание, но сил для этого, было достаточно. И понимая – не поймать без этого – наметенных для жертвы, была готова ожидать и дольше, чем прождала сейчас – по времени.

Те, наконец-то перестали спорить.

Она вновь напряглась и, собралась..., прекрасно понимая – есть у неё только сейчас..., и всё потом, после него, не будет значить ничего.

Вскоре пришёл момент – незабываемый.

Она почувствовала – фибрами, как спорить перестали, и пошли.

Почувствовав, как – с места тронулись, интуитивно рассчитав – всю траекторию, для встречи с ними – неминуемой, всей массой выстрелила, сколько было сил. – Взметнувшись в воздух, пронеслась как вихрь – навстречу обречённым жертвам.

Доля секунды – в обычном восприятии, была коротким мигом. Она ускорила ход мыслей – настолько, что успела вспомнить – отчётливо все боли, унижения – принёсшие тем человеком-птицей.

Глава 5. Ушла надежда

Со стороны, невольно наблюдала за собой, своим полётом. И то, что глаз почти не видел, не мешало – чётко, стремительно нестись на шорох, к точке встречи – по прямой, без отклонений.

В прыжке – всей массой падает, и понимает – не дотянулась до него, на несколько десятков сантиметров, явно почувствовав – колеблющийся воздух ушедших в сторону реки – тел, от неё.

В отчаянии, из последних сил, бросается вслед – уходящим шорохам и, дотянуться получается до жертвы, в последней степени отчаяния – успела захватить его крыло. Он дико закричал нечеловеческими вскриками, в отчаянии стал барахтаться, пытаясь освободиться от неё, к её огромной радости. Как курица огромная – за одну ногу пойманная, хлопал крыльями, ногой второй, с когтями острыми, стараясь, боль ей причинить, и вырваться из клешней.

– Раз когти и, мне больно, значит Икар, а не его подружка! – мелькает в голове её мысль – радостно. Пусть больно мне сейчас, но как сладка – боль, эта!

Тот изо всех сил попытался вырваться. Не тут-то было! Клешня, как крюк. Она его держала крепко за ногу, лёжа сама. Ещё, не в состоянии подняться, от неожиданной усталости, пронзившей всю – от клешней до макушки. Лишившей её сил, – расслабилась, после победы, удовлетворения надежды. – Не каждый день, случается такая радость.

Она дождалась и, поймала счастье – человека-птицу.

Огромный панцирь, впервые в жизни ей мешал, она с трудом заглатывала воздух, не в силах шевелиться.

Ей было трудно, но она – впервые была счастлива, за столько времени, ведь знала и, была уверена, с начала операции, что никакое ей противодействие не помешает, поймать – сбежавшего.

– Никто и никогда не помешает, его сейчас сожрать, не подавившись! – шептала, словно заклинание, свои слова, соединяя с мысленными образами.

Это была наипрекраснейшая музыка, из слышанных ей композиций, ранее, в последние – лет сто! Ей овладела эйфория и, наслаждаясь криками, вспомнив блаженство молодости, счастья – молодела.

Чтобы он меньше трепыхался, сломала ему ногу, одним движением клешни. Он больше не сопротивлялся, тем более – перехватившись выше от места перелома, замкнула клешню, как наручники. Видя итог, тот – сдался.

Сколько она так пролежала – не помнила, да и не нужен был отсчёт ей – времени, главное, что сбылась мечта: он был в клешнях!

И вот, набравшись сил, с огромным удовольствием, Икара подтянула к челюстям, готовая в того вцепиться ими..., и насладиться его кровью – вволю.

Его большие крылья воняли тинной, от длительного нахождения в сырой траве. Не нравилось ей это, но по сравнению с деликатесным пиршеством это – не в счёт: во время поглощения превкусной крови, внутренностей, кусков мяса, она тот запах, не заметит....

Приподнялась и, сразу же стала ощипывать, заметив, с сожалением – тот исхудал, не как был раньше – массивней, аппетитней.

Пленник уже, не громко клекотал, видно, из сил последних – просил пощады, безрезультатность мольбы понимая.

Дойдя до тонкой шеи, она заметила, что шея – нечеловеческая, не говоря о слишком малой голове.

Ощупав полностью, издала громкий крик – отчаяния горького..., почувствовав в сердце боль – неимоверно острую.

Казалось, от крушения надежды, радости и счастья, земля разверзлась. Рёв ужасный, вперемежку с воем жутким, пронёсся смерчем по реке, вдоль берега, несясь в бескрайнее пространство, вверх и во все стороны.

Это не он был, а журавль, – птица гигантская, обычная – живущая в болотах, с цаплями – Да что же это происходит, в конце концов! – завопила она, отбросив жертву прочь.

И, почему, со мной, такая ты жестокая?! – она ответа требовала, от судьбы своей.

Сколько же времени ещё, ты будешь издеваться надо мной?! И есть ли счастье, у меня?

Да помоги же, боже, мой!

Рыдая горько, рухнула на землю, в конвульсиях забившись тут же. – В большой истерике.

Казалось, что весь мир заполнился – звуками горя, слёз.

Лишь месяц пожалел её.... – Светил участливо. Старался принести успокоение.

Обидно было ей, что так заканчивается – надежда её жизни.

Совсем недавно у неё был в жизни смысл, она жила всё это время, ожиданием – мечта её в ближайшем будущем свершится.

Сейчас, за миг короткий, всё исчезло....

– Это ведь было!

Снова, как и недавно, когда потерял глаз единственный. Хотя, сейчас всё было много хуже, она теряла – больше смысла жизни..., дала поймать себя – страху пред будущим и, неопределённостью.

Ушла надежда от неё и, вера в справедливость – это страшнее, чем потеря глаза.

Ветер, заботливо кружась над ней, её легонько обдувал, стараясь высушить все слёзы, Она его не замечала. Совсем недавно, она пылала, полна была энергии..., сейчас, силы покинули и, не могла, и не хотела, с земли подняться.

Недалеко, она прекрасно помнила – крутой обрыв. Могла с него свалиться, но ей, то было безразлично, возможно даже и, хотела этого.

Судьба – синица, улетела, журавль ей не был нужен. Она, не этого хотела. Судьба – не услужила, кинула, оставила, презрела.

Глава 6. Предложение

– Но разница, довольно очевидна, при сходстве сущностей.

Вы объясните – почему у нас лишь пять конечностей, у вас по шесть? – спросил Иван Васильевич.

У некоторых – больше разнообразий.

Когда вы говорите о подобии миров – конечности не главное отличие!

Я не сказал о том, что мы без солнца, жить не сможем долго, а вы под солнцем.

Вполне возможно, что и крови состав разный. У нас – воде морской он идентичен, так как развитие – начало жизни на планете в морях и океанах начиналось. Развившись, существа – на сушу вышли.

Соня, в душе смеялась, понимая, Иван Васильевич сознательно – в тупик пытается ввести сторонников стехонизавра, доказывавшим тем, что развитие на их планете жизни, развитию подобно – на любой планете, согласно законам космоса.

– И главное различие у наших измерений – в нашем, разумных сущностей немного.

Возможно, были – высокоразвитые цивилизации, и в тех, что-то подобное имелось раньше. Но это лишь – неподтверждённые догадки. Да, артефакты – указывают на возможность. Хотя, наши учёные, их зачастую – «видеть» не желают.

Гадюка появившаяся, прошипела – Икар и девушка у входа к лабиринту.

Вскоре, Ант подтвердил, что их товарища и девушку забрали пограничники, спускаются в подземный город – в сопровождении конвоя и, несмотря на трудности – движения Икара, придут через три минуты.

Сердце тревожно, радостно забило у обоих, когда о нём узнали. Были уверены, что это он – Икар-Никита, прибывший первым в это измерение, из их лаборатории, хотя, одновременно, шестой голос – им усмехался говоря:

– И что? Теперь вас будет трое с другого измерения! И, что от этого изменится?

Время тянулось медленно – на удивление, как будто ход его был, кем-то приторможен, секунды превращал в минуты – те растянув..., чтобы – томительнее было ожидание.

На мониторе видели – издали конвой змеиный, сопровождал гостей, растерянных. Дошли до лифта, вниз спустились....

Горя от нетерпения, Иван Васильевич и Соня, вскочили с мест своих и, бросились навстречу, как только появились те, в приёмной зале.

Обнявшись радостно, как родственники близкие, после разлуки долгой.

Они – друг друга не узнавали, события их изменили. Стояли рядом, молча, Икар с Иван Васильевичем, в глаза друг другу смотрели – долго.

– Я очень беспокоился, когда исчез – промолвил еле слышно Иван Васильевич. Произошло, всё так внезапно. Я против был поспешности и, возражал, но, Александр Васильевич меня «не слышал».

Потом её – на Соню показал, затем, меня послал, чтобы ему мы не мешали.

– У нас и не было другой возможности, его лабораторию покинуть – Иван Васильевич добавил.

– Лабораторию? – переспросил Икар, и, повторил: – Лабораторию....

– Ты ничего ведь не забыл? – с тревогой спросил Иван Васильевич.

– Да нет, конечно! Такое невозможно позабыть, если захочешь, даже. Хотел бы я увидеть её руководителя, что доверительно лез в душу.

Вы появились там недавно – позже, он Соне, улыбнувшись, прошептал. Там Вас не видел я, иначе бы запомнил. Вы девушка красивая, всем – видная.

...Помню, всё помню. Не беспокойтесь, со мной в порядке в этом смысле – всё.

– А это друг мой – Илия – представил девушку. – Знакомьтесь.

Соня, Иван Васильевич, – представились ей.

В это время – свет сзади загорелся.

Икар и Илия увидели – всех представителей мира подземного, глядящих с неподдельным интересом..., видя существ с поверхности.

Многие, не были там никогда. Для тех, были они – особо интересными.

– В общем-то, встреча ваша, вопросы многие сняла – с улыбкой Ант ответил на вопрос – ему не заданный.

Тем более, у вас поддержка есть, всё споры перевешивающая – Илия, подвига – человек, из несогласных с Законом «Эго».

– Знакомы с вами разве? – спросила удивлённо Анта Илия.

– Заочно – ответил Ант. – Мы многих из вас знаем, это – естественно.

– Для вас, быть может – да, а для меня всё это удивительно. Я и на йоту не подозревала, что под землёй, кто-то живёт. Хотя догадывалась, но старалась – особо не задумываться о некоторых неслучайных, необычных проявлениях, считая отчего-то, что это, лишь желаемые мной фантазии.

В принципе, если честно вам признаться, то и в фантазии свои, настолько я не уходила, как мне преподнесла – действительность, сегодня.

Поражена, тем, что увидела!

Тоннели, переходы, исполнить невозможно – орудиями, механизмами простыми. Их выполнить, лишь может – высокоразвитая цивилизация.

Не удивляюсь я, поэтому – о нас, так много знаете, а мы о вас – догадываемся, лишь только. И, не настолько, чтобы задуматься серьёзно.

– Спасибо за оценку. Хотя вы – ничего не видели. И вы, скорей всего – устали, да и друзей замучили вопросами.

Представится возможность – вам отдохнуть сейчас. А после отдыха, мы сможем – пообщаться, вдоволь. Поговорить.

Мы с вами встретимся, лишь завтра.

Благодаря Анта за деликатность и, за возможность отдыха, отправились, за гуманоидом – по номерам, чтобы вновь встретиться, после большого отдыха. Им было поговорить о чём, что обсудить. Так много было – непонятного.

На следующее утро почувствовали гости, что отношение к ним изменилось.

Нельзя – сказать, что относились плохо – до этого.

К ним стало отношение – приятное и, уважительное – более.

Проснулись с настроением, словно предчувствовали, – с ними произойдёт, – хорошее и знаменательное.

Чего нельзя сказать – об Илии. Ей, было грустно.

Возможно, потому, что здесь себя почувствовала оторванной от Родины, какая сложная она бы не была... и, от своих родителей – невероятно далеко.

Она их видела урывками лишь иногда, но – они были рядом. Стоило руку протянуть им, образно, сейчас же ..., далеко они и, нет обратно ей возврата.

Она, теперь – под ордером уничтожения.

– Скорее всего, был виноват друг губернатора, главнейший – прокурор. Он посоветовал тому – в правительство, наклеузничать на Икара— подумала она. – Иначе, не с чего, такая – скороспешная и, неожиданная метаморфоза.

С таких высот, она не помнила за жизнь свою короткую, чтобы так резко сбрасывали....

– Хотя, ведь он не свой, не из «семьи». Скорее всего, не оправдал надежд, что возлагали на него, и поняли – не будет тех оправдывать в дальнейшем.

Ей вспомнилось одно стихотворение о прокуроре с прокуроршей, имевшее в народе популярность:

«Прокуратура – глас народа. Что прокурор тот – передаст суду, волю, будто от Бога, тем, кто стоит за словом, – факт. И прокурорша – не угроза. За лычку, звёздочку, всем даст – такие показания, что вздрогнешь и, сразу скажешь, она – великолепный асс, и исполняет роль – настолько, насколько дан ей был наказ, когда на суд собралась, —показательный.

С судьёй всё слажено у них, твой факт – будет похожим на статью суровую, ты – явный лох, захлопнут жизнь твою на долгие года. Улю...!

Указ превыше чести, людских мнений – упрячут «дело» с глаз долой! Что значит – глас народа! Ведь берегут его покой.

Стерилизация народа, для них, как стимул чистоты, есть повод – значит, есть угроза, у каждого свои мечты, ведь служат – и они Закону, как губернатор, Санастасс. Для чести прокурору – чин, и Указ.

Несправедливость, это – лишь пример, для вас.

Она, внезапно вздрогнула, как будто испугалась, читая стих. Написан, словно бы, о них. Такое совпадение! – Ордер на уничтожение.

Икар, повёл крылом, как веером, тревожась, направив воздуха поток – большой, сверх головы.

Илия нравилась – мыслями правильными, взглядами, мечтаний чистоты и, и чем-то большим, в чём он себе не мог признаться.

– Она ведь человек, а я, хоть человек, но – птица... – подумав и, отбросил мысли вредные, к хорошему не приводящие.

– Ты за своих переживаешь, там оставшихся? – спросил Икар участливо – у Илии.

– Да, та ответила чуть слышно, прикрыв глаза, стеснительно.

Икар не стал её тревожить более, вопросами и разговорами, видя – не хочет разговоров, озабочена.

В этот момент, услышал приглашение – на завтрак для гостей. Возле дверей стоял, всё тот же гуманоид; он проводил – недалеко от номеров, к общей столовой.

Ант, во главе стола сидел – один; они – за стол к нему присели – молча. Обслуживал сидящих – робот. Тот – мягко, деликатно, выбор уточнял, объёмы порций. Перед десертом, подал вино, в больших бокалах, трюфели, под нежно-кисловатым соусом, с едва заметным привкусом от пряностей.

Десерт – мороженное, с круглыми орешками, по-видимому – земляными, очаровал гостей. Давно никто из них не ел так вкусно.

Они полны были восторга, предвкушения, что далее, последует, значительное – нечто.

Но так как Ант молчал во время завтрака, другие – молчали также, и если бы не отвечали роботу, то можно было бы подумать, что в рот воды набрали.

И, сразу после завтрака, Ант предложил – последовать за ним, чтобы поговорить и посоветоваться, вместе.

Как кролики послушные, последовали в залу, где благодушно и гостеприимно – хозяин, улыбаясь – присесть им предложил.

Было заметно, по всему – всё предоставлено заранее для них, не только обстановка. Среди обычных мягких кресел, стояло кресло – для Икара, большое и широкое.

– Наш разговор серьёзен очень, и думаю, для вас, довольно интересен будет, – начал без подготовки разговор Ант с ними, лишь только все уселись в кресла.

Сегодня утром, мне поручено, как представителю – цивилизации подземной, поговорить и посоветоваться с вами.

Должны, вы будете – самостоятельно принять решение по нашей просьбе.

Мы, по эволюционному развитию, находимся намного выше – ваших цивилизаций и, можем многое, в сравнении с другими.

Никто, ни в чём – не будет заставлять....

Илии, сможем предложить, чуть больше вариантов, в зависимости – результата, событий предстоящих.

– Хочу внести ясность, Илия, пожелала уточнить, о своих взглядах.

«Соотнесли меня Вы, к несогласным, законом Эго». Это, не так. С Законом, полностью согласна, а не согласна с извращением его, теми, кто – зиждется у власти, коверкает его.

Ант, посмотрел внимательно и, улыбнулся.

– Вам расскажу о ваших перспективах

Вы – посмотрел он на землян, уже сегодня можете – вновь быть дома, в измерении своём, в лаборатории у Прасковееки.

Причём, тебя Икар, мы можем сделать – обычным человеком, как ты давно мечтал. Если не передумал, не будешь против.

Мгновенно, воцарилась тишина, такая, что слышны были звуки сердец – у каждого. Сердца готовы были выпрыгнуть из клеток; если не сделали так – потому, что сдерживала – недополученная информация.

Хотели, всё услышать, что не сказано.

– Выдохните воздух хорошенько – им посоветовал Ант, улыбнувшись – дышите глубоко, нормально. Всё происходит – на самом деле, и всё зависит лишь от вас.

– Какую цену, мы должны платить, за это? – спросил Иван Васильевич. – Мы, в состоянии, исполнить это?

– На выбор ваш. Вы, можете, и не платить, как говорите – образно.

– Но всё же? Что нам нужно сделать? – спросил, через усилие Икар.

– Неправильно поставленный вопрос, ответил – холоднее, Ант. – Вам изложу сейчас я, нашу просьбу. Обдумайте всё хорошо. И взвесьте, посоветуйтесь – друг с другом, тогда, и примете – решение. Оно должно быть, без малейшего – не только принуждения, но и сомнения.

Предупреждаю сразу – в случае отказа, вам ничего не будет, страшного. Мы выполним обещанное – в любом случае.

– Если не выполним мы вашу просьбу, вы, всё равно исполните наши желания? Мы правильно вас поняли? – спросил Иван Васильевич неандертальца.

– Так точно, правильно.

– Нам это, непривычно. У нас, за всё нужно платить, бесплатный сыр, лишь в мышеловке – Иван Васильевич ответил. Не предстоит ли это нам? Как будет выглядеть, всё это?

– Я вам сказал – цивилизация, несколько выше, от уровня развития у вас. И, не составит нам – труда большого, отправить в вашу мышеловку вас. – Обратно, в ваше измерение.

Для нас нет образа мышления – такого: как – ты мне, а я тебе. Попали вы в беду, и мы считаем – долгом, помочь вам, вот и всё.

И обижаться, не имеем права, если откажитесь нам помогать, значит для этого, вы не готовы. Не «доросли», зачем же вас, ругать?

– Как-то – нехорошо получится, не по-людски, если вам не поможем. – Не выполним или не попытаемся, хотя бы часть исполнить просьбы.... Если не всю – произнесла растерянно, неловко – Соня.

– Это – не чудеса, – простая физика молекулярная, а во втором, мысль – биоинженерная.

– Когда, нам просьбу свою, изложите? – спросил Икар у Анта.

– Сейчас. Для этого мы здесь, послушайте меня....

Мы понимаем, что так долго, не сможет продолжаться.

Сегодня, завтра, Люций, Санастасс, Мамона и зять того – начнут везде искать Икара, Илию. Пока ещё не ищут.

Но, как докладывают нам, они встревожены, – Икар не вышел на работу, не пойман Иолантой. Пока что – думают, тот загулял.... Красивая девчонка Илия, а он начальник, право ночи – первоочередное.

– Выходит – из-за нас, вы можете попасть в принеприятнейшую ситуацию? – как бы, вопросом подытожил – его слова Икар.

– Да, и не в вас, здесь дело. Тут много накопилось....

Соня с Иван Васильевичем, исчезли в Деренькуйо, как будто – сквозь землю провалились.

Не в этой, по другой причине, найдут зацепку..., нас могут обнаружить.

Мы не желаем их уничтожения и, неприятности для мира своего, как и другому. Это – является ответом, из-за чего, Ивана Васильевича, Соню мы долго проверяли. Не за горами время, когда цивилизация вверху, узнать захочет, что же – под ногами.

Когда мир создавал Энлиль, рассказывал я Соне и Иван Васильевичу, накладка вышла – их мир явился – в нашем.

Люций не понял, что не вымерли, «аборигены» здесь жившие до них – все существа и сущности, а просто, ушли вниз.

Сейчас, негласно собираются в пещерах несогласные. Идёт раздор. Мамоны, Леприконы, будут стараться, уничтожить всех несогласных, с тем, что они есть, Как Илия предположила – стерилизовать их всех.

Те, прятаться станут под землю и, встретят нас. Узнают наверху об этом – Люций, Сана-стасс и, всё разрушить захотят.

Люций пошлёт отряды, война начнётся, хорошим – это не закончится.

Мы не хотим жертв, смерти, но, что останется нам, делать, в ущербной ситуации? При-дётся – защищаться.

У нас построено на интуиции – немало. Она подсказывает нам, что в этом случае, – не будет хорошо, как раньше.

Вы понимаете, что не бывает ничего – случайного.

Вы – есть предупреждение о том, что в скором времени – большие изменения произой-дут на всей планете. Мы к ним готовимся, схемы защиты – всевозможные шлифуем, и отраба-тываем, в случае обнаружения – страны нашей любимой – Подземелье.

– А чем мы сможем вам помочь? – Иван Васильевич спросил, не понимая. – Кто вы, и мы – в сравнении? Мы, словно – вирусы по отношению к развитию, в сравнении со знаниями вашими.

– Где-то и так, но ведь не всё прямолинейно, как видим мы в действительности. Ответ простой, вы можете – то сделать, что мы не сможем, хотя бы по причине, что вы с поверхности, ведь мы не можем там свободно появляться, рассказывать тем сущностям, что – не враги, и ими не были, что жили под землёй мы миллионы лет, больше намного, чем те жили на поверхности.

Стоит нам только появиться, поднимется со всех сторон – вой против, неизведанного, и значит – страшного.

– Что сделать мы должны? – спросил Икар. Нас могут, снова не «услышать».

– Но, главное сумеете – весть донести, что не враги мы, а друзья, что информация, пошла от вас – правдивая и честная.

А там, пусть будет, как получится.

Готовые к войне мы – в принципе, и более того – уверены в безоговорочной победе, если война произойдёт, так как почти все сущности с поверхности – подверженные Эго и, из-за этого разобщены. Они бороться будут – сами за себя, и малая лишь часть, бороться будет – за общую победу. Тем более, победу над собой?

Вы видели – мы сплочены. И, трудно им убить всех, под землёй.

– Готова лично сделать – всё для вас, что будет в моих силах..., тем более – меня домой отправят. – Соня была согласной, безо всякого сомнения. Любое выполнить желание неандертальца.

– Неправильно, ошибочно, ты вывод сделала – поправил её Ант. – Готовы вас домой отправить – не за это, а потому, что можем сделать это.

Я попрошу не совмещать – два действия предполагаемых. Они находятся – лишь рядом, но совершенно не зависимы. Две параллельных линии, что не сомкнутся никогда. Прошу вас – их не совмещать, пожалуйста.

– По сути, эта разница – значение имеет лишь для вас, в данном моменте, Икар заметил. – В первую очередь, нас правильно поймите. Для большинства землян, как и для вас, главным по жизни, есть – порядочность. И помощь – нам принять от вас, не проявив ответной благодарности, будет, по меньшей мере – неестественно. Неправильно.

– Это, наверное – естественно для любой развитой цивилизации, но всё-таки настаиваю я, на том, чтобы серьёзно обсудили вы между собой, все действия свои – предполагаемые. Сейчас вы говорите голосом – Чести, плюс – благодарности и Совести. Опасность не учитывая.

А здесь, её есть элементы. Поэтому, прервать нашу беседу – я предлагаю нам, до ужина. Подумать, обсудить, ещё....

– Вы зря пытаетесь заставить нас – советоваться меж собой. Это навряд ли может, хоть, что-то изменить, но, пусть будет по-вашему, коли вы так желаете. Мы посоветуемся, между собой – Иван Васильевич с ним согласился.

Можно идти?

– Конечно. Вас проводят.

Мы встретимся за ужином.

Обедать – сами будете, я не смогу быть рядом, у нас немало дел.

До вечера!

Немного отдохните, после завтрака. Вам, через два часа предложат отдых – активный более – бассейн, парные, фитнес. Затем, отправитесь на шоу.

Из ниоткуда появившийся, всё тот же гуманоид – их проводил по номерам, а через два часа, их пригласил к бассейнам и парным. Расслабиться.

Глава 7. Операция

– Полный комплект для релаксации – Иван Васильевич подметил, после осмотра комплекса, разделся.

– Раз нам предложена возможность, то почему, не пользоваться ей! – воскликнула обрадовано Соня. Она любила плавать в бассейне, в реке, в море.

Не отказался и Икар от плавания. Ему приятно, в воду было окунуться и, отрешиться от всего поверхностного. Не ощущая полной тяжести в воде, он отдыхал в ней и, расслабился. Мысли о том, что может стать, нормальным человеком – его обрадовали, окрыляли. Он ненавидел свои когти, мешавшие ему ходить – нормально по поверхности...

Почувствовав усталость, немного просушившись, ушёл в свой номер. Вскоре, пришёл к нему неандерталец.

– Ты, удивлён? – спросил Ант у него.

– Не очень.

– Не догадался, почему я здесь?

– Не смею верить, в то, о чём подумал, только что.

– Догадлив очень – Ант пошутил скабрёзно.

– После слов ваших – обещания, меня всего колотит. Я верю, и боюсь надеяться, а вдруг, вновь не получится?

– Поэтому я здесь. Если решишься нам помочь, то, как там объяснишь – вверху, что это ты – всё тот же, что и был, пройдя, сквозь перевоплощение, стал снова человеком?

Но если, как и говорил, откажешься от помощи, сразу – тебя начнём мы возвращать – в первоначальный вид твой – человека. Как ты решишь, так будет.

– Но это – провокация. Я ведь могу – не выдержать. Мне, добровольно отказаться от возвращения желаемого..., когда всё рядом! Лучше бы, ничего не говорили мне – до исполнения!

– Не знаю. Трудно ответить мне тебе, лишь потому, что я действительно – не знаю, что – лучше или хуже, что сказал об этом или мне нужно было промолчать. Хотим – вам всем добра, не можем лгать, и плохо делать – без причины. Никому. Поэтому, не мог, тебе об этом, не сказать.

Я здесь, чтобы предупредить тебя и Илию, что это не прогулка по бульвару. Мы будем вас оберегать стараться, но, должны знать, что наверху, с вами случиться может – многое и, в том числе, недопустимое. Точнее – непредвиденное, маловероятное, если вы даже будете – всё делать правильно.

– А если ошибёмся, и сделаем неправильно?

– Тем более..., ты понимаешь, зачем я так сказал. Нельзя предугадать – всё, даже Люция. Руководят тем миром – фактически Себенс, Энлиль. Станут ли вмешиваться те, во внутренние отношения? Не знаю этого и, не могу тебе соврать. Если вмешаются, можем погибнуть – все.

– Конечно, понимаю. Извините.

– Придёт, возможно, время, и я тебе немало расскажу – то, что сейчас представить, не сможешь.

– Хочу быстрее выполнить задание, как можно лучше.

– Испортить можно в спешке.

– Вот, снова Вы правы. Мне нужно успокоиться, чтобы опять стать прежним. Всего так много, и всё сразу.

– Теперь, немного лучше! Тебе – не нужен до вечера, Икар! До новой встречи.

Ант приподнялся и покинул номер, оставив одного Икара, чтобы тот полностью пришёл в себя – до вечера.

В обед, не захотел он подниматься, хотя за ним пришли друзья.

– Я кушать не хочу, вы извините. Не голоден, идите без меня, просил он их.

Те беспокоились..., поверили.

Вновь – многое прошло перед глазами....

Глаза, вновь приоткрыв, увидел Илию.

– Ты заболел, Икар?

– Да нет, Илия. Просто, я устал, поэтому – срыв нервный был. Сейчас, немного отдохнул, и стало вновь, всё на места. Теперь, всё – снова хорошо. Как и почти всегда.

– На ужин, ты пойдёшь?

– Конечно. Там будет Ант.

Расстанемся мы скоро.

– Но, почему?

– Я это чувствую.

– Надолго?

– Не знаю. Может, навсегда

– Сегодня слышала эти слова – негромко Илия произнесла.

– Ты понимаешь, что случиться с нами может, если мы ошибёмся?

– Конечно. У меня, есть предложение к тем властелизам. Я не совсем готов ещё тебе – всё рассказать, но смысл сформировал.

Сказать короче – там будешь мне мешать.

– Вот, даже так? Я лишняя?

– Нет, Илия. Схема простая. Мне нужно будет им, хозяевам поверхности планеты вашей, сказать, что я с тобой расстался – вообще. Мне не подходят твои мысли, взгляды на события, сложившиеся в вашем мире – «Эго», тогда они поверят.

А как нам вместе к ним придти?

Ты упадёшь к ним в ноги, скажешь им – Простите!

– Конечно, нет!

– Вот видишь. Теперь ты понимаешь.

Она смотрела на него и, молча, ожидала, когда пойдёт тот первым, и сразу же пошла, сзади него.

Вскоре они, в полном составе, сидели за столом и ужинали – молча, лишь отвечая роботу, на предложения того.

Во время ужина, Ант объяснил, – все обсуждения, после десерта.

С трудом удерживались, и молчали. Они, решение – все приняли и, ждали, когда им выделится время. Волнуясь, торопились.

Быстро насытились.

Илия понимала – время работает, события опережая, скоро расстанется с Икаром. Как только это поняла и, приняла действительность, под сердцем – так кольнуло..., словно внутри – в ней опустилось, что-то. БЫЛО БОЛЬНО.

Ведь знала – расставание навечно, что более не будет встречи – на работе, не говоря о личных, не наступивших. Скоро расстанется с Икаром и, не увидит его больше. От этого ей было грустно, понимала – будет скучать по человеку-птице.

Пужинав, отправились все в залу, где Ант о просьбе – утром говорил. Пообещав – плохого ничего не будет, если им не помогут. И всех отправят – однозначно, в лабораторию обратно. Икара – превратят вновь в человека.

– Не стану вас просить сейчас, о перевоплощении, из человека-птицы в человека, – стал первым говорить Икар. Я понимаю – на поверхности, ко мне появятся вопросы, подозрения. Хотя не скрою – не терпится мне оказаться в прежней шкуре вновь – оказаться человеком.

Согласен я – помочь народу Подземелья, задуманное выполнить, по принципам —Чести и благодетства.

– О принципах не беспокоимся. Закончил говорить?

В первые дни похода, любой руководитель – лидер настоящий, не станет лгать, за то, что не смогли, не справились с заданием – наказывать своих сограждан. Но, при обнаружении внештатных ситуаций, приходится – невольно нарушать, не только принципы открытости, но и карать – за слабость, нерешительность, что может привести, к потерям других жизней.

Если не справитесь и не уверены, не нужно браться!

– Можно – желать, стараться, но у тебя – не будет получаться. С той стороны, противоборство – не детская игра.

– Поэтому, ты должен понимать, зачем вас отговариваю. Мне жертвы не нужны, ненужные.

Всё, мне успел сказать?

– Нет. Должен я вернуться на поверхность – один, без Илии. Скажу им, что расстался, из-за воззрений на события, действительность и, расхождения во взглядах. Тем более – будут искать её после «разрыва нашего». Из-за желания – слова мои проверить, и думаю – боязни, вдруг – разузнала, что не положено ей знать – со мной работая.

– Ты прав. В этом была – причина основная, решения по устранению. При обсуждении всех вариантов действий, быть Илия должна – в полнейшей от Икара – изоляции.

– Меня, и, за меня, вы замуж выдали? – Илия, грустно встала.

– Ну, не совсем так. Тебя мы выслушаем, потом лишь будем «замуж выдавать».

– Что же, спасибо и на этом! Должна – цель истинную знать всей операции. Чего хотите вы добиться, в результате – успешного её исхода? Какие камни преткновения есть – нашему народу?

– Победы нашей, уточнил Ант – в случае вашего согласия участвовать. – Наша, совместная победа в операции.

– Пусть это – наша операция, совместная.

– И хорошо. Всё замечательно! Вернёмся к твоему вопросу, немного позже. Хочу знать мнение, прибывшей пары в подземелье.

Свои решения и мнения, не нужно связывать, с решением Икара, Илии. Оно, – отлично, может быть от них, с ними не связано. Вы, в ваше измерение – отправитесь обратно, однозначно.

– Мы помним это, Иван Васильевич ответил.

– Вы говорили нам об этом, – Соня добавила, решительно.

Быть может, здесь понравится?

– Я помню, – Ант с ней согласился. Я повторился, для уверенности полной, чтобы об этом помнили. – На ваше возвращение домой – решение влиять не может, каким бы оно ни было.

– Это прекрасно! – Соня восхитилась. Как говорили раньше – не правильно ведь, с нашей стороны вам не помочь, когда вы – бескорыстно, исполнить предложили – заветное желание. Я говорю вам – да, уверенно!

– И я добавлю – да! – Иван Васильевич, согласие, мгновенно подтвердил, прощаясь мысленно, возможно – с Родиной.

– Ну, раз решение вы приняли, то можно констатировать, что выбор сделали. Не зря вас, как бы отговаривал от помощи. По ходу операции назад не повернёшь – создаться может, ситуация – наисложнейшая, и если, кто-то передумает во время проведения её..., как говорил – создаст для нас проблемы.

Вы понимаете – серьёзность предостережения. И если – обсуждая свои роли, вдруг кто-то передумает, предосудительного – ничего в этом не будет. Намного лучше, если примете решение такое – своевременно, когда нетрудно исправить, что-то.

– Давайте перейдём, сейчас же к обсуждению всех действий. В том числе, и наших, – Икар всем предложил. – В процессе обсуждения, каждый из нас и подтвердит – решение.

Сейчас в нас, говорит желание и чувство благодарности, за то, что предлагаете нам сделать. Необходимо каждому спросить себя – справлюсь ли я с обязанностями, в той операции. Тогда, ответ вам будет – окончательным.

– Меня ты, успокоил. Тебе, Икар, спасибо. Так и поступим.

Я расскажу, вначале, один из вариантов операции, намеченный организаторами нашими.

– Икар, как будто бы не зная, что разрешили их убрать, вернулся на поверхность, в город, и сразу же, визит нанёс к Мамоне. Его, естественно – не ждут, считают, что сбежал. Будет обескуражен тот, не будет знать, как быть, растерян, не понимая, как с Икаром поступить, и за советом обратится к Санастассу.

Икар, как говорили только что, Мамоне сообщит, что с Илией расстался, уволив с должности – помощника. Об этом, информация уйдёт в правительство. Произойдёт заминка.

Чтобы усилить интерес к Икару, появятся, Иван Васильевич и Соня, недалеко от города, как заблудившиеся – из стен лаборатории переместившиеся.

Ни у Икара, ни у Сони, Ивана Васильевича – не было, в момент их появления, понятия – попали в измерение чужое. Они считали, что находятся вблизи лаборатории, где проводились эти опыты.

Ведь так и было?

– Конечно, так и было – мгновенно подтвердили, перемещённые.

– Их появление – продолжил Ант, смотря на Соню и Ивана Васильевича, на них – с Икара акцент разбавит.

Иван Васильевич знаком с Икаром.

Люций и Санастасс, отбросят негатив к тому, и в результате, с Икара будет снята опала – полностью.

Это, лишь первая часть операции.

Вторая. – Вас будут опрашивать о нас. Главное, чтобы – не раскрыли информацию о нас – несвоевременно. Для этого, на всякий случай, гипнозу подвергнут вас. Затем, начнётся подготовка к операции.

Как подойдёт момент, вы всем расскажете, посредством телевидения, информацию – всю, без утайки, что видели и, как всё есть.

– Да, неувязка вышла – Икар нежданно произнёс. – Мы ничего не знаем, о вашей жизни. Со стороны – похоже будет наше сообщение на фейковую новость. И вызовет та – раздражение и злость.

Что можно было нам узнать за те два дня неполных, что находились в номере, в парных, в бассейне, в зале? И как рассказывать, всё без утайки о том, о чём, не знаем сами.

Вмиг наступила тишина, и натянулась, словно тетива, начав вибрировать, от постороннего прикосновения к ней, элемента – слова.

Первым нарушил тишину Ант, озабоченно.

– Не знаю, как ответить так, чтобы верили. Любая клятва, если вру, здесь будет ложью.

Да, вы действительно, – о жизни нашей, ничего не знаете, но видели, что в обществе, всё равноправны. Особенно, отметить это могут Соня, Иван Васильевич, когда авторитеты общества, опрос их проводили.

Нам смысла врать и добиваться – ложью и обманом, нет. Вы им расскажите лишь то, что знаете. Если желание у вас осталось, то предоставим вам возможность, поближе познакомиться – с подземной жизнью вечером сегодня.

Если хотели бы, вас провести, не стали договариваться, поставили условие – взамен возврата в ваше измерение.

– И, в этом случае, не исключён обман был, с вашей стороны – Иван Васильевич заметил. Могли сыграть бы на порядочности нашей, и заодно, пообещать, что не умеете.

– И так, не так?!

– Если отправили бы одного из нас, для убедительности нашей, – Соня отметила – то где гарантия, что отправляемый, попал в родное измерение, а не в проблемы?

– И в этом вы правы. Вы видите, что если бы хотели лгать, то действовали бы так, что мысль не появилась – вам приготовили иллюзии. Не отговаривал бы вас, от операции....

Они вновь замолчали и, задумались.

Молчание немного затянулось. Смотрели друг на друга, одновременно разговаривая, молча – с собой и Антом. Они, то спорили, то соглашались с ним..., в момент, какой-то – наступила тишина.

Со стороны было прекрасно видно, как считывает мысли Ант, смотря на них, анализируя.

Затем, поднялся с кресла – тем самым, мысли их, остановив, направил всех внимание к себе. И, подойдя вплотную к ним, пытался улыбнуться.

– Я должен извиниться перед вами и сообщить вам – операции не будет, с вашим участием.

Вмиг у его гостей – переменялись лица.

– Мы виновны в этом? – спросила Соня, удивлённо.

– Вы виноваты в том, что есть? И в том, что в ситуацию попали, не знаете, как в той найти себя?

– Я думаю – в какой-то степени – мы виноваты, пусть не прямо, ответила она, прекрасно понимая – вопрос серьёзнее, чем кажется – на первый взгляд.

– Значит, вина лишь – в этой степени, а не прямая, заложена в вас, в каждом, от рождения. От вас, сегодняшних, зависит мало. И, стало прошлым, то, к чему, не в состоянии, сейчас вы прикоснуться.

– Вы отказались, в основном, из-за моих сомнений и вопросов? – Икар спросил – угрюмо. Он чувствовал, что повлияло это – на изменение решения.

Насколько?

– Но, не настолько, какие у тебя сомнения, ответил Ант на мысленный вопрос.

– Тогда позвольте, узнать причину – решения такого, спросил Иван Васильевич.

– Причину истинную, говорите? А разве я назвал – другую вам причину?

– Нет, извините. Я, неверно выразился. «Играем» ведь, вслепую.

Ант не ответив, улыбнулся.

– Тот разговор мог не произойти. Я говорил вам, перед просьбой нашей, что есть другие варианты операции. У каждого, свои критерии.

В момент, какой-то, в результате – всех сомнений ваших, вопросов внутренних, критерии превысили другие варианты. Поэтому, я изменил решение, другое принял.

– И, что теперь? – спросил Икар. – Не выдержали испытание.... Будем отправлены домой, с глубоким пониманием – ущербности своей?

– У каждого, свои возможности и, в этом случае – не стоит обижаться.

– А разве мы, имеем – права на это?

– Каждая сущность, вольна – на проявления свои, любые – совершенно, если они – без лжи «игры».

– Тогда, спрошу ещё раз, почему?

– Отвечу. Ты, Икар, по сути – прав, у вас нет информации о нас, и в результате этого, вопросы могут появляться, у всех – подобные, какие появились у тебя. Для вас, это нормально.

Вас уверять нам, каждый раз, что честные, хорошие – не выход. И, чем мы будем больше говорить, тем убедительней нам нужно вновь, всё это делать, вновь и вновь.

Об этом не подумали, когда вам предлагали совместное участие в той операции. Мы не учли, ваш уровень цивилизации на несколько ступеней ниже нашей, и что для вас не может быть отдельно, добро от зла.

Не семь пядей во лбу у нас. Вы, извините.

Имея, и другие варианты для выполнения задуманного, мы принимаем – другой путь, без вас.

Прошу понять нас правильно, что не является – моё решение, пренебрежением, вашей готовностью – в помощи нам, а наиболее приемлемым для нас – решением.

Как говорил, приступим к выполнению, всех наших обещаний.

Вначале мы – Икара перевоплотим, из человека-птицы в человека. Это, по времени займёт – не меньше трёх часов. Нам регенерировать придётся – кожный покров, суставы ног. Это – непросто, но – возможно.

Вы, если пожелаете, поближе ознакомиться с текущей нашей жизнью, отправьтесь на экскурсию, пока мы будем заниматься, с человеком-птицей, – он Соне и Иван Васильевичу, Илии, – использовать возможность предложил, на что ответили, согласием они. Им было интересно видеть жизнь, другой цивилизации.

Икар последовал за Антом. А остальные гости, ушли за гуманоидом – в обратном направлении.

Забилось сердце от волнения.

Икар, стал мысленно – Никитой.

После того, как вымыли и обсушили феном – обеззараживающим, с довольно сильным – ультрафиолетовым свечением, ему было предложено испить состав кисельный – жидкости коричневой, схожей по вкусу – с подсолненным томатным соком.

Затем, врач ввёл два тонких зонда в ноздри. На миг почувствовал он дискомфорт и, сразу же заснул.

Словно во сне, себя увидел во время операции, как бы со стороны, на самом деле – сверху. Увиденное, в состоянии нормальном – повергло сразу в шок....

Вначале – сняли кожу с оперением с него, безжалостно отрезав ткани, кости крыльев. Кровь собирали в ванну, стоящую ниже стола, и тут же подавали, в венозные артерии. Потом суставы голеней ног расчленили, часть вырезали, заменив другими – размеров меньших. Два робота расслаивали кожу, и обрабатывали в жидкости прозрачной, с запахами: йода, бора, будто с морской водой.

Верхнюю часть – покрова, отбросили в контейнер с мусором, а остальную часть, вновь натянули на него, закончив обработку кожи. В виде таком, как показалось – он выглядел, намного лучше.

– Похожим стал на человека, хотя, пропорций – не моих, Никита радовался, поражаясь, работе роботов. В дальнейшем, стала обработка – неинтересной, похожей на уход за кожей. Он ничего не ощущал, не понимал, пока глаза не приоткрыл и, не увидел....

С кушетки встал и, видя отражение своё, как на экране – в полный рост, себя не узнавал. Руки, по толщине – не меньше ног, грудная клетка – шире, минимум в два раза, чем до того, как превратился в птицу. Кроме того, на нём – ни волоса.

– Ни дать, ни взять, какой-то лысый культурист, подумал он и испугался, боясь, что всё это кажется ему, что это сон, проекция сознания – его огромного желания.

Он сделал пробный шаг, боль ожидая в суставах ног – труднотерпимую, но не почувствовал её.

От радости, подпрыгнул, не удержавшись – рухнул на кушетку, смеясь над неуклюжестью.

В этот момент, внезапно – захотелось спать, и он заснул – мгновенно, не пытаясь встать с кушетки.

Проснувшись, испугался – открыть глаза, боясь, как будто снился, перед пробуждением – прекрасный сон. И с ним – так ничего не сделали. – Не операбелен.

Собрав всю силу воли, с трудом открыл глаза и, медленно, их опустил на ноги.

Вскочил, от радости с кровати и, заплясал по комнате.

Слёзы душили, счастье заполняло – больше пространства комнаты – хотел взлететь....

Здесь было негде – мало места, и был без крыльев. Он вспомнил – их отрезали. Не сможет больше он летать.

Немного грусть пришла, но не надолго. – Быть человеком, лучше! – себе признался. Летать буду на дельтаплане или куплю вингсьют – костюм-крыло. Мне этого, вполне достаточно.

Часть 3

Глава 1. Подготовка к мщению

Гости невольно ставшие – нежданно недовольными, себя почувствовали – не только скованно, но и паршиво. Создалось ощущение у каждого, что не прошли экзамены на вшивость, и жители – мира подземного решили обойтись без тех, не оказать им милость – быть благодарными в ответ на доброту их и порядочность.

Если, не говорили бы, перед отказом, об их необходимости, всё было по-другому.

После перевоплощения Икара в человека, сомнений не было – в великой бескорыстности мира подземного, ни у кого из прибывших гостей.

Когда им объявили о готовности их возвращения домой, в родное измерение, они вздохнули с горечью, не в состоянии быть радостными по-настоящему – хорошей вести.

– Закончится всё это, для нас – прекрасно, Иван Васильевич ответил – на молчаливый вопрос Сони, в глаза той не смотря.

– Останется осадок горький, что с нашей стороны – всё сделано неправильно, как получилось в результате, – продолжила слова, вместо него, чуть ли, не плача, Соня.

– Не мучайте себя, – им возразила Илия, – это не ваш мир, не должны вы, чем-то жертвовать – здесь, даже временем. Тем более – не всё вы сможете понять, как понимаем мы, из-за различий восприятия – происходящего. И мы были бы в вашем измерении – чужими, не всё в том понимали правильно. Но я уверена, если случайно – попал, кто-то с планеты нашей к вам, и вы бы поступили так же. – Если могли, тем помогли – обратно возвратиться.

Гости потупили свой взор – сильнее и, Соня прошептала – вряд ли. Другие – люди. Обследовали, затаскали – по ведомствам, лабораториям, устраивали – множество экспериментов, замучили беднягу. – Разные уровни цивилизации.

В момент, какой-то, Икар-Никита, силы собрав, поднял глаза и посмотрел – в глаза помощнице.

– Не думаю, что так бы поступил – каждый живущий в нашем измерении, если мог это сделать.

– И на поверхности, не каждый это делает. Ты не забыл о губернаторе Мамоне и его своре, тех – от кого сбежали?

Те, ради личных интересов, не только земли с реками, лесами, могилами героев, и мать свою продали – тем, кто приблизился к высокой власти, на них воздействует.

Скучать я буду, по тебе Икар.

– Я также – сильно, Илия.

– У нас, не всё так просто на планете, можно сказать, что у вас проще. Я бы хотел тебя позвать с собой.

– Не объясняй. Беседовал со мною Ант, рассказал.

– Он отговаривал? – спросил Икар.

– Нет, он не отговаривал. Просто, о многом рассказал, что происходит в вашем измерении.

– А он, откуда знает?

– Не знаю этого. Спроси, если знать хочешь.

– И что?

– Я бы согласна – отправиться туда с тобой....

– Согласна? – радостно вскричал Икар-Никита. – Так в чём же дело? И почему ты, грустная?

– А сможешь, честно, мне ответить на вопросы?

– Конечно! Постараюсь! – ответил, бодрым голосом Икар. Сколько захочешь, задавай.

– Ну, постарайся!

Что там, я буду делать? И, как относишься к несправедливости ты, на твоей планете? Будешь, бороться с ней ты или...?

Если бороться будешь, то, какими методами?

Не будешь приспосабливаться – к существующей несправедливости – это я знаю ..., но не могу сказать – уверенно, что знаю я тебя..., и знаю, как себя вести ты будешь, в ваших обстоятельствах.

– Я не смогу ответить тебе чётко, ясно. Но то, что буду, честен – гарантирую.

Я понял, лишь сейчас..., освободившись от тяжести огромных крыльев, насколько тяжело мне будет без тебя.

Возможно, на меня подействовал наш комплекс, у нас не принято соединять с собакой птицу, с коровой обезьяну, поэтому я не задумывался, что, мы могли быть вместе.

Воспринимал себя – ущербным недочеловеком, лишь оттого, что видим мы разумными – себя лишь только на планете.

Что ты там будешь делать? Хочу с тобой быть рядом. У нас признаний не было, всего не скажешь в час последний....

Как отношусь к несправедливости? – ответ здесь, однозначен: «Не очень плохо – отрицательно. У нас её – разнообразие».

Он её обнял. Как человек. Впервые.

– У вас её немало..., хотя стоите – на высоком уровне.

Со всем, бороться сразу – невозможно. Знаю одно – останусь честным человеком, в любых не благих обстоятельствах и, сколько будет сил, стараться буду, чтобы её не стало больше.

Не знаю точно, каким способом. Скорее всего, цивилизованными методами.

У нас, немало было революций и войн братоубийственных. Я не сторонник их. – Кровопролития.

Вы, слава Господу – войны не знали, и дай вам Боже никогда не знать – разруху, боль, страдать.

В нашем «прекрасном» обществе, рождённый человек в простой семье, пробиться редко сможет вверх, поддержки чьей-то не имея. Хотя бывает – говорят, и вроде есть примеры.

У нас – и кур в Москве доят, и получают молоко с козла.

– Вот это да! У нас такого не было. Что значит – другое измерение.

– Я пошутил. Хотел сказать о нереальности или случайности.

Он выглядел растерянно. Стараясь отвечать ей честно, понимал, не может – в точности ей объяснить, что думает.

Ответ прервал, к ним подошедший Ант:

– Готово всё к отправке – сообщил гостям. – Будем прощаться.

– Как, уже? – Икар воскликнул, испугавшись.

Мелькнула мысль – я не хочу прощаться!

Так быстро, будто, выпроваживают. – Незванный гость, хуже татарина?

– Простите, я отказываюсь – обратно, перемещаться. Мой долг – остаться в Подземелье, с несправедливостью сражаться.

– Я не смогу жить, с этими воспоминаниями, сказала Соня. Понимание, что я прошла, с холодным созерцанием, мимо проблемы – нами созданной, заставит мучиться всю жизнь. Это не проституция, а бл...тво!

Страдания души – безмерны. Она сейчас болит..., – за словоблудие чрезмерное – простите.

– Словно предатели, вас бросим, благодаря за помощь?

Но, мы не струсил. Вы сами нас заставили задуматься и..., в размышлениях, мы допустили лишнее.

– Отказываюсь, как Икар и Соня, перемещаться, в измерение своё, готов с вами сражаться за Честь и благородство, Иван Васильевич, стал с Соней и Никитой рядом.

– Но, так – не честно, ответил Ант, растерянно.

– А честно, провоцировать безмерно? Играть на чувствах к Родине и к близким? – Никита, возразил неандертальцу.

– Ваши эмоции проверили, Вас также – на поверхности, могут подвергнуть испытаниям – души и сердца.

И, если там бы, вы засомневались....

Вы понимаете, какой урон бы, сделали?

Никита подошёл к неандертальцу и, посмотрев в глаза, тихо ответил.

– Возможно, я не понимаю, ваш смысл проверки – сердца и души. Но я, отсюда – не улетаю, ищите место мне в сражении, руководитель Подземелья!

Кстати, меня, как человека, зовут – Никита.

– Знакомимся – Ант, пошутить старался, и снять с себя, внезапно появившуюся – скованность.

Он не привык, к таким метаморфозам. Нарушили, течение спокойное, не только мыслей – эти пришельцы..., другое измерение.

– Отставить – перемещение, команду дал.

– Мне интересны ваши откровения.

Вступает в роль Никита..., а Икар?

– Возникнет подозрение, если, срастим неправильно две ситуации.

Не будем путать – Божий дар с яичницей! Придумать нужно, что-то, с этой несуряницей.

– Тайм-аут, вновь?

– Совет будем держать и, вы подумайте.

Нам важен результат. Нужна стратегия внедрения, без промедления и жертв.

За ужином, Ант посвятил, присутствующих в план – одобренный Советом Подземелья.

– Естественно, Икара – не пустит в кабинет – к себе, охрана, ведь знает Икара— прежнего, а не Никиту.

К Мамоне не пропустят человека без пропуска, а выяснение, не лучший вариант. Под этим соусом, и уничтожить могут, и спрятать от правительства, если признается – кто он; тем более что разрешили – посмертно «наказать» его и Илию. Останется ишь результат – их не нашли, а информацию – замнут, для ясности.

Поэтому, втроём: Иван Васильевич, Никита, Соня – появятся у губернатора, и сообщат, что прибыли – случайно в их измерение, сегодня.

Доложит сразу губернатор Санастассу, о найденных – троих пришельцах. Тот их, захочет встретить лично, и тех, к нему доставят – срочно. Они ждут, лишь двоих. Скажете – третий был отправлен позже, для поиска, т.к. те затерялись, где-то. Возможна – интерпретация.

Вот, только, где мы потерялись? Прошло три дня, как убыли из Диренкуйо.

– Плутали по горам, Никита предложил.

– Но вас искали и, в горах. Тем более, вы там, не исхудали. Хотя, мы можем, в этом вам помочь. Но думаю, другое думать нужно.

Пожалуетесь – стёрто из памяти. Не помните, как оказались на берегу реки, и третий друг – Никита, нашёл вас на лужайке, где собирали, ели вкусные цветы.

– Цветы мы ели? Заболели, как бы?

– Цветы здесь вкусные, смеясь, им рассказал Никита. Я сам питался ими в первый день прибытия.

За вами, установят наблюдение, лишь только вы появитесь. Чужие, сразу – к Леприкону отправляются. В его мини-лаборатории детектором лжи проверяются.

Подвергнем проверяющих гипнозу. Те выдадут им заключение – правдивые пришельцы. – Всё, что нам сообщили – правда.

Втроём, отправят вас к Мамоне. Точнее, – к представителю правительства. Сопроводят – незамедлительно. Тому расскажите – откуда....

А дальше, как рассказывал вам раньше.

Нужны вы Люцию, для цели – неизвестной мне, иначе бы, вас не искал.

– Выходит, знал, что нас отправят? – спросил Никита, догадавшись, что это – одна схема. Быть может, он её и создал? Тому нужны мы для чего-то.

Вот, только опасаясь, что он меня, признает.

– С тобой согласен, милый мальчик. Об этом, думал.

В этом опасность есть, немалая. Здесь, нужно будет признаваться, лучше – до опознания. Рассказ об Илии, что с ней расстался, я думаю – поможет. Тебя предупреждал о риске.

– Мол, встретил – новых перемещённых в поле. Как оказался там – не помнишь. Начальника своей лаборатории узнал. Что их переместили – понял.

Ты должен понимать, что не гулять идёшь по городу. Придётся жизнью рисковать. Поэтому я, разговоры вёл, поддерживал сомнения. Ещё возможно – выбирать. И от того, какие примите решения, мы будем поступать.

– Какое счастье быть на воздухе, купаться в солнечных лучах, Соня воскликнула. Как хочется раздеться и, позагорать. Она комбинезон свой сбросила, осталась – в чём мама родила. Иван Васильевич остолбенел, Никита застеснялся. Смотрел на женщину прекрасную и восхищался. Такой красы, не видел никогда.

Естественная красота, изящных форм, на фоне полевых цветов, травы зелёной – поля, похожая на дивный сон, или из сказки об идиллии.... Случайно к ним попала фурия...? Её грудь, бедра – волновали, не только разум – всё естество.... И восхищали.

Вся сдержанность пропала у него – мгновенно. Он, всё забыл, желал – руками и губами к телу прикоснуться и, восхищаясь, красотой, ею обладать – неимоверно долго....

Еле себя сдержал, чтобы ей в этом не признаться.

Соня, в реке плескалась, наслаждаясь негой, радостью существования. На берег выскочив, лежала на песке, траве, раскинув руки, улыбалась и смеялась.

Со стороны бы показалось – с ума сошла. Хотя была в прекрасном здравии. Соскучилась по солнцу, воле и природе: лугу зелёному, цветам, реке и берегу, свободе.

Немного отойдя, смотря на деревянных мужиков, она над ними рассмеялась, что те, как истуканы, замерев, стояли. Оделась и..., вновь на траву легла, последовать примеру, приглашая, обрадовавшись жизни, с природой единению. Она, как и они – сдерживала себя. Лишнего не позволила....

Прошло так, больше часа, пока в себя пришла, остепенилась. Сгльва разделась. В озере поплавала. Мужчины, также искупались в озере.

Перекусив цветами и напившись из ручья, отправились, все вместе – к городу, где ждала их судьба – иная.

У первого прохожего, спросили, как им пройти к градоправителю. Их отвели – мгновенно к Леприкону. Тот их сопровождал к Мамоне.

Всё шло, как Ант предполагал. Никиту – губернатор не узнал. Вскоре отправили их в столичный град, где ждал их Санастасс.

Тот радовался, что нашлась пропажа. Что трое, а не двое, его не волновало. Главное, – скоро тех доставят.

На радостях он Люцию, мгновенно сообщил, всё, что узнал от губернатора Мамоны.

Перемещённых ждал тот, во Дворце Советов, вид, сделав – непринуждённый.

Долго смотрел в глаза Никите Санастасс. Кого-то тот ему напоминал. Мелькнула мысль шальная – не Икар ли это, но сразу – глупость отогнал. Не смог бы сам тот, в человека перевоплотиться из человека-птицы.

– Вы зря удрали из Диренкуйю. Вас бы давно нашли.

– Вы, нас искали? – спросила удивлённо – Соня.

Откуда Вы, о нас – узнали?

– Вопросы ваши, не нужны.

И где Вы пропадали – почти четыре дня? И, как удрали – из погреба мотеля, после себя – бесследно?

– Не знаем, Соня, попыталась, ему ответить; и замялась, будто терялась.

– Возможно, духи нас украли? – Иван Васильевич, ответил за неё. У нас провалы в памяти.

– Какие духи? Что за бред?

– Не можем дать другой ответ. Мы ничего не помним. Очнулись на лугу. Там мы нашли Никиту.

– Не вы меня нашли, а я нашёл, вас на лугу, ответил ей Никита. Резвились вы, как маленькие дети. Такое впечатление, что были опьянёнными.

– А ты, когда, отправлен был?

– Вчера, наверное. Или сегодня. Не помню. Перемещение, всю память стёрло. Лишь только помню имя, лицо руководителя лаборатории.

Хотя..., меня – раньше его отправили....

Всё, как-то выборочно, порционно. Тут помню, тут не помню.

– Как и у нас, Соня, затараторила, словно – заученно. Помню мотель, к нему нас привезли – из санатория. Хозяина мотеля помню – гадкого. Он приставал, хотел добиться – своего желания. Я не дала ему... ответа, понимания. И он запер нас в погребе. А больше, ничего не помню....

– Наверно, духи нас украли, и всё, что было с нами – стёрли, вновь повторил Иван Васильевич.

– Ты вновь мне разум закрываешь! Какие духи, могут быть? Их здесь, не создавали, вообще. Не существует их – здесь, в этом измерении.

– Вы, вспоминайте, как у города, откуда, оказались. Не то, гипноз придётся применить. Под действием гипноза, вспомните, что было, где, откуда появились и, что вам даже снилось.

Мне вызывать гипнотизёра?

– Если, такая есть возможность, конечно, вызывайте, Никита согласился. Нам интересно и самим, понять, что с нами происходило. Как, вообще здесь оказались и, для чего? Сюда – не собирались.

Зачем, прислали нас. Выходит – обманули?

Работоторговля?

И вы, работоторговцы? Нас закупают и продадут?

– Опять, слышу лишь чушь!

Кстати, о третьем, ничего не знали.

Люций всё видел, слышал, – из комнаты – напротив. Никиту он узнал. Его он помнил раньше. Возмужал. Довольно сильно изменился, но главное, кем был, тем и остался.

И, как стал снова человеком? Не мог я обознаться. Что-то таинственное в этом. Как догадаться, не ошибиться. Заставить нужно – того открыться.

– Ну, здравствуй друг мой. Сильно изменился. Решил – тебя я не узнаю? Вновь в человека – каким-то образом, из человека-птицы перевоплотился. Пока, не понимаю.

– Не думал врать вам я. Другим, не нужно знать об этом. Иначе бы, могли мне помешать. Всё сделали, чтобы не встретился я с Вами. Ведь дали ордер-разрешение – меня убрать.

– Зачем, связался с несогласными?

– Чтобы узнать тех лучше. Тем более, не с радикалами, с умеренными. Кто против тяжких испытаний для народа, народных выступлений, революций.

– Сегодня, не согласны с малым, завтра – с большим. Дай палец им, откусят руку.

– От их поллюций – детей не будет. Использовать их можно в противоборстве с теми, кто не согласен с «Эго». Роль выполнят – сближения с народом и в жертву принесут себя Закону.

– Умно! Не думал, что дойдёшь самостоятельно, до понимания всей сущности Закона.

– А подтолкнула к этому, меня – она, из несогласных, помощник по работе – Илия.

– Возможно, что в душе она, и не такая – несогласная?

– Другая тема, но с той я, порвал....

– Зачем?

– Будем считать, что пожалел. Её бы уничтожили – Мамона с Парамонстровым и Леприконом, не дали бы её использовать, для утверждения Закона.

– Здесь, нестыковка. Не могут против – быть Закона – Мамона, Парамнстров с Леприконом.

– Они, Законом прикрываясь, всё грабят – под себя. Вместо величия Закона, его снижают, унижая достоинство кремля.

– Вот это да! Куда хватил. Их сделаешь врагами для Закона! Ты, сильно, переборщил.

– А Вы, проверьте сами. Увидите всё изнутри, как многое – прогнило.

– Прошло немного лет.... Но это, не причина. Сама система допустила – такое отношение к себе, другим.

– Системы загнивает, когда лежащий камень является запрудой, и под него, вода не потечёт, а застоялая, конечно – загнивает. Становишься обязан – в поддержании устоев, годами наработанных – со временем, прикормленных содержишь псов для регулирования – проблем

надуманных. И, с рвением – только фасады обновляешь Потёмкинских дворцов. Внутри – ведь не интересуется, поэтому – о том не знаешь.

– Ты предлагаешь мне – ротацию произвести?

– Это изменит – незначительно систему. Рыба, гниёт ведь с головы?

– Что, тем сказать хотел?

– Поставить с ног на голову. Черви, стремятся, где им сытнее, лишь бы нажраться.

– Совсем запутал. Объясняй! Ты, слишком смел, до неразумности! Договоришься! Словами не бросаются.

– Я это и пытаюсь сделать – объяснить.

У Вас я научился многому – мир созерцать и мысли. Стараться понимать – происходящее в миру, и в сердце.

Вы, мне открыли многое, на первый взгляд – простое, о чём я не задумывался раньше, думал – незначительное.

Всё оказалось проще и, сложнее. Мне Илия – Закон, дословно разъяснила, и понял – основное в нём – стать личностью.

Любое существо и сущность, собой должно гордиться, поступками и мыслями.

Система Эго – всеобъемлющая. Она даёт уверенность в себе. Её нельзя использовать – во вред другому существу; поработать, при помощи её. В ней много благ для личностей и веры – в Господа. Нельзя считать, других за быдло! И развращать – поступками негодными. Постыдно.

– Всё это так. Ты говоришь, что я другим оставил – для изучения. Когда успел познать мой труд? Сам это понял?

– Мне Илия – глаза открыла.

– Ты, всё в душе, перевернул!

– Давай за Илией! И без неё не возвращайся. Я отменяю ордера. Мамона знать об этом будет....

И, постарайся, особо не задерживать меня!

А впрочем, не торопись. Её доставит Санастасс.

Я назначаю – через час внеплановый совет. Иди, готовьтесь с ней – для разговора серьёзного о «Эго».

Глава 2. Диалог

Вы создали систему, думаете – ей руководите, Илия попыталась объяснить Великолепной Сущности. Система вся изменена, подстроена под каждого руководителя – его потребности, желания. Снимайте, не снимайте их, устроено так – воровство и казнокрадство – всех впереди оно. Менять – безрезультатно.

Кто им не нравится, кто против тех – уничтожают, стерилизуют, избавляются, сажают.

Закон Ваш замечательный и, требует публичных объяснений. Вы губите авторитет свой – доверяя исполнение вассалам ненасытным – губернаторам и МЭРам без КРУ его.

Считаю, нужно объяснить народу изначально – Вы пожелали общество построить, с глубоким уважением к себе и, личности другого. Но те, трактуют многое – неверно и, этим покрывают нарушения.

– Давай рискнём, транслируем наш разговор по телевидению – для народа. Пусть наш народ определит, насколько верен или плох закон наш «Эго». Только учти, если игра твоя – преступная, несдобровать тебе, Икару и двум новым людям – переместившимся.

– Вы, молодые – можете быть правильными. Но некоторые, лишь хитростью – неблагоприятными путями – недостойными и революционными, стараются добиться своих целей.

– Не стала бы я прилетать сюда, и перед Вами появляться, если бы замысел был у меня, свержение Закона «Эго». И, с жизнью распрощаться. Я за него, душой и сердцем. Да – несогласная – с его прямыми искажениями.

– В прямом эфире объявили о диалоге – Правителя планеты с несогласной, без подготовки. – Обещаю властями раньше.

– У сущности структура психики разбита на три элемента – различные по функциям и исполнениям.

Ид (Ид – в психоаналитической теории З. Фрейда подсознательное психическое формирование, которое является источником психической энергии личности, стимулируемой стремлением к удовольствию. В случае столкновения с другими психическими системами личности-эго и супер-эго – приводит к возникновению Внутриличностных конфликтов. Словарь по конфликтологии <http://vocabulary.ru/slovari/slovar-po-konfliktologii.html>) – *тесно увязанное с телом, является резервуаром для инстинктов, источником энергий видов психики. Оно и порождает: Эго, Супер-Эго.* – согласно Вашим постулатам.

– Ид собою представляет – всё бессознательное в личности, как примитивное, от элементарных побуждений сущностей. Носящих – «деспотический, диктаторский» характер без компромисса примирения – Люций добавив, выделил особо.

– А Супер-Эго, Илия заострила – как представитель интернализированных важных объектов личностных – родителей является, реликтом внутренним, всех связей сильных, эмоциональны – на составляющей у «Эго».

– Согласно схеме Фрейда, Эго – «поверхностная часть Ид». Позиция определяет Эго, как функции – посредника меж внутренними, внешними событиями жизни, отметил Люций.

– Это система, всей – сознательной и бессознательной морали. Что означает, что должно оно осваивать объекты – внешнего мира. И те воспринимать, оценивать способности, и их потребности. – Ид, тем самым, удовлетворять.

– Роль Эго, при процессе идентификации, суждения – простёрлась в сферы внутренних потребностей, запретов, предписаний, от Супер-Эго исходящих. И призвано оценивать объекты, не только с точки зрения внешних условий – с ней Люций согласился.

– Эго – не только есть, «связной» во взаимоотношениях между Ид и Супер-Эго, внешним миром, как «командир» – касаемый активности моторной.

– Согласен. Эго ликвидирует все внутренние напряжения и, получая удовлетворение, снимает все тревоги – средствами объективными и субъективными, т. е. посредством внутренних манипуляций с источником тех удовольствий и фантазий – удовлетворяющего опыта.

– И временами – оно дает зеленый свет всем требованиям Ид, а временами заставляет трансформироваться их, при результате сублимации и торможения.

– Функции медиатора между психической системой, с внешним миром – выполняя, Эго и вырабатывает техники различные (защиты – механизмы). Поскольку органы чувств, рычаги всей деятельности, находятся в операциональной сфере Эго, то, контролирует все афферентные и эфферентные процессы (источник – http://www.psychol-ok.ru/lib/klein/rvp/rvp_04.html).

– Не нужно ждать нам – рыцаря на белой лошади, спешащего на помощь. Мы сами – можем всех, себя спасти, если спасём Закон от искажений.

– Возможно, ты права – покажет время.

Я не сказал бы, что ты – несогласная!

– И правота моя – основана на «Эго». Законом нужно управлять, а не использовать его частично – постулаты и, прикрываясь ими, обманывать, всех и себя, думая – так необходимо.

– Кому, необходимо?

– Вот именно, кому необходимо. Вы правильно, вопрос задали. Ответ – тем это, кому необходимо.

Если, пришли вы к славе, её не добиваясь, не зная, кто вы, не определились сами, вас – существа и сущности определяют. У них интересуйтесь – причинами определения.

Им, всё равно, как будете считать и, согласитесь ли вы с их решением. – Таким, вы видите и, не пытайтесь, что-либо менять. Вам это не удастся.

Ваш вид – прекрасный, изменили Леприконы и Мамоны.

И из-за искажений появляются – с Законом несогласные.

Другой пример, хотите?

– Приводите.

Когда-то на планете этой, жило – немало сущностей, существ различных. Столкнувшись с нашим миром, они ушли под землю.

Вопрос естественный – какая была причина?

Ответ простой. – Давление и угнетение, пренебрежение и, искажение Закона «Эго». Себя считали – властелины дутые, превыше всех других и, старые хозяева земли – не захотели конфронтации. Ушли, решив – когда пришедшая цивилизация очистится от наносного, достигнет облика морального – достойного для общего ведения хозяйства, они к ним выйдут и помогут.

– В чём помогать нам нужно, если это правда?

– Уровень выше их цивилизации, на две ступени, минимум. Поэтому, они и не желали конфронтации, а уступили грубой силе, хотя смести её – могли в два счёта.

– Придумываешь, что-то!

– Нет. Приведу пример. Знакомый всем Икар – Ваш представитель при правительстве Мамоны, был человеком ранее. Сюда его отправили по Вашей воле – человеком-птицей.

– Сгущаешь краски, Люций недоволен, ей намекнул, чтобы та закруглялась. С ней разговор ему, уже не нравится.

– Я отвечаю лишь, на Ваш вопрос об уровне цивилизации. Вы сами видели Икара – человека. Его вновь преобразовали из человека-птицы в человека – в Подземелье.

– Это ответ на мой вопрос, когда и почему, тот изменился.

– Они Вам не враги, как и всем жителям поверхности. Ваши законы схожие, основаны на равноправии. Единственно, у них нет сущностей как Леприконт, Мамона, Парамонстров. Во всём – у сущностей, существ – согласие.

– Мы можем встретиться – для обсуждения консолидации всех наших достижений, с их представителями – от Подземелья?

– Конечно, можете. Была бы Ваша воля.

– И, как туда спуститься? Чтобы о многом – с теми договориться.

– Дайте мне разрешение на телемост, и я соединю Вас, через их форпост.

– Ты их агент?

– Нет, как и Вы. Я – гражданин своей планеты. И не хочу раздоров и войны.

– Поэтому, пришли от них?

– Если бы вас – не уважала, сказала, что Вы – псих.

Зачем, мне нужно было появляться, здесь перед Вами – подставляться? Если бы не была я патриоткой своей планеты, измерения. Ведь не согласна я с Мамонной, и ненасытностью того, а не с законом «Эго».

– Тогда, тебе поверю. Соединяй нас через телемост. Где их находится форпост?

– Невдалеке, он виртуален. Увидите вы Анта натуральным, хотя, представится тот – в виде голограммы.

Для вас значения не будет, никакого, ведь говорить – с ним будете, не с призраком из подземелья.

Тот будет отвечать на все Ваши вопросы – при настоящем времени, вживую, не в записи. И Вас, к ним – не готовили.

Никита, обняв Илию, поцеловал.

Они ни слова, ни о чём не говорили. Без слов – всё понимали. Обидно было им обоим, что столько времени ушло впустую. – Спустя минуты, им придётся расставаться – неминуемо. Ответила, Илия поцелует, прощаясь с горячо любимым, не в силах удержаться на ногах, шатаясь – пошла к креслу.

Никита, кинулся к ней..., было.

Илия, молча в кресле, улыбалась, остановила жестом. И он – остановился.

Его все ожидали.

Готово было – всё, к перемещению. Зашли – в округлой формы помещение, расположились в креслах – для каждого.

Со стороны всё виделось обыденно, будто такие действия, здесь выполнялись часто, чуть не ежедневно.

Надели на глаза повязки – гуманоиды, уши, закрыв – одновременно.

Вначале тихий свист услышали, на звук похожий – через отверстие, затем перед глазами замелькали блики – тысячи, от ярко-белых до разноцветных..., и полностью теряли ориентацию в пространстве. Тел, более не ощущая.

Вмиг, всё исчезло, даже мысли.

А в это время Александр Васильевич слышал, как все – в отсеке лаборатории, слова Ирины – лаборанта, о том, что нет необходимости им в опытах – без объяснения свечения. Снова – напрасным будет опыт.

– Остановитесь! – он приказал.

Свечение – огромное, как будто – отсылал бригаду.

Почувствовав взгляд, обернувшись, обомлел: пред ним стоял знакомый (?) человек. Он не был тем Никитой, хотя, похожим был – лицом, осанкой.

– Не может, он вернуться! – мелькнуло в голове. – Ещё в таком облиии. – Обычным человеком!

Тот на него смотрел – с усмешкой нескрываемой. На миг какой-то, Александр Васильевич, все мысли, оттолкнув – спросил:

– Кто вы и как сюда попали?

На что, тот человек, смеяться стал над ним.

– Не потеряли Вы дар речи? – строго спросил Васильевич и, к ужасу, увидел – в двери лаборатории вошли: Иван Васильевич и Соня.

– Не может быть – шептал он тихо. Наверное – схожу с ума.

Соня была – такой прекрасной, как в первый вечер их знакомства, когда сумел себя тот, в руки взять....

Перед глазами промелькнули картины прошлого недавнего: первая ночь – настолько удивительная, сказочная, что страстно пожелал – в той, снова оказаться; та ночь ужасная, когда огромной силы ураган, в минуты стёр с лица земли, близ ложного Текоса, санаторий «Скважина» со всеми находящимися отдыхающими, персоналом. Если не Люций, и они погибли бы....

– Люций, обратно их вернул?...» – ударила его догадка, как обухом по голове.

Но..., почему? Неужто... Люций, сейчас – против него?

Все лаборанты, без сомнения, узнали Соню и Иван Васильевича.

– Вернулись?! Как прекрасно! И, слава Господу, что хорошо закончилось! Вы, милые мои! Родные! Слава Господу, что он помог вам, мне!

Я так переживал за вас! Вот, новый опыт, в поиск отправляем, только ..., и помешало нам свечение огромное, сейчас....

– Мы видим это, – усмехнулся Иван Васильевич, он подошёл к четвёртой жертве, помог подняться той с кушетки.

Как жалко, что нельзя привлечь к ответственности вас – за преступления, слишком сидите высоко и, спрятались за КГБ.

– Меня? За что? За то, что я работаю на благо Родины?! Вы ошибаетесь, и очень сильно!

– Мы все здесь ошибались, раньше.

– Ну, вот и хорошо, что ты не глупый – довольно усмехнулся руководитель – мы все находимся здесь с целью: для Родины – не пожалею жизнью!

– Чужих, особенно?

– Все наши жизни – одинаково ценны!

– Сколь верёвочка не вейся, её укоротят! Высоцкий нравится? Там есть слова: – Сколько верёвочка не вьётся, совьётся в кнут. Сколько верёвочка не вейся, совьётся в плеть.

– Сколько верёвочка не вейся, совьёшься ты в петлю. Понятно?

– Есть и такие..., грустно Иван Васильевич с ним согласился и, опустил глаза, сдержал себя, чтобы не кинуться на гада, не вмазать в морду наглую тому, что было сил – со зла.

– Дайте команду стол накрыть нам праздничный, по случаю возврата в «дом» – моих, троих друзей! – добавив: – В моём доме – на четверо персон.

Увидев Сони – взгляд презрительный, сконфузился немного, ... поправился, мгновенно:

– Пусть накрывают нам в столовой, в греческом зале. Для всех, сегодня – выходной. Расходимся!

Всем лишним – из лаборатории, немедленно убратсья!

Видя, что ситуация напряжена, руководитель делал всё, чтобы немного выиграть, расставить в ситуации той – время, по местам – определённым, он суетился.

– Никитка! Дорогой мой мальчик! Так, нежели это ты?! Я так, тебя рад видеть! Ты сильно возмужал! – к Никите подходя вплотную, спрашивал. – Я о тебе, всех больше – переживал.

Как ты, в горах был – с оперением своим? Не холодно? Или в другом – вы месте были? И как нашли друг друга?

Вам, кто-то помогал?

Да ладно... Всё сейчас расскажете – по очереди, мне. Ведь очень интересно.

Пошли за стол!

Наверное, проголодались.

Почти, полмесяца прошло, после Икара отправления.

Так, кто – переместиться вам помог?

– Помог мне Люций. Он, тебе знаком? – спросил Никита, видя, как испугавшись, тот осел. Словно стал – куклой без скелета. Не стул, на пол бы тот упал.

– Передавал, что вами недоволен.

– Тогда, тебе он, должен был сказать, что исполнял, его я волю.

– Я это понял и, без слов – ваших ответов.

Для вас, всё просто. Что такое – жизнь простая, человеческая. Одна из много миллиардных. – Песчинка из пустынь, с барханами огромными, как океан – песка.

– Это немного и, немало. Ответить – не смогу я никогда. Жизнь, зачастую, всё опровергает – к чему стремишься, добиваешься – становится пустым, ненужным и слишком малозначимым, несостоящим внимания.

Хотя, когда стремился к цели, казалось – это главное всей жизни.

В момент, какой-то – понимаешь, что оказался – путь, не тот. Но не изменишь, зачастую, тем более, когда бредёшь – ты крайним.

Я не смогу тебе всё рассказать. И дело, не в секретности. Так много, ты сумел узнать. И понимаешь, – не всегда нужны подробности, когда становится на всё наср-ть, а им, в то время – на тебя.

Одна беда не ходит. Из круга, не выйти никогда. У каждого мирка – свои границы. Стремишься их преодолеть и понимаешь – за ними, также..., кто-то, что-то есть.

Я пешка в той игре, разыгранной огромной силой, и душой планеты, лишь, только это – смогу тебе ответить.

То, что сказать – тебе я не смогу, поймёшь и сам, со временем, – не глупый. Расставит время по местам, поступки наши, их оценки.

Глава 3. Крупинка знаний

Люций задумался. – Что с ним произошло? Использовала Гера, и почему – его?

И, для чего?

Какие цели, в том, преследовала?

Комета Люцифер, огромное количество цивилизаций, попутно – не специально уничтожала динозавров. То было ясно, очистить захотела – планету от пришельцев, и их деяний – непотребных, по-хамски – своевольных.

Он долго думал и, желал – понять, причину – поведения её по отношению к нему. Пусть, и не напрямую. – Энлиль – постиг пределы временные. Создав страну Тартарары, в ней Ад. И мироздание всё изменил, создал другие измерения – свои мембраны. И поместил меня – в одно из них, задолго до рождения....

Саргон родится, множество тысячелетий, возможно – миллионов лет – спустя. А Люций – для экспериментов, может – когда и где угодно – появиться.

Возможно, так Себенс придумал или Энлиль; Себенс – всё воплотил. Имеет это, для меня значение?

Какая разница? Перед глазами – свет поплыл.

Когда, я им дерзил, их не было ещё – на свете. Они – меня, миры мои создали и, сразу же – исчезли.

Мы им – неинтересны стали? Поэтому, нейтрино к нам – не прилетали. Обратным ходом – они не поступают.

Помог понять мне это, голограммный неандерталец. И он – такой же?

Я до Энлиля создан, как и Икар-Никита, Соня, Иван – перемещённые. Возможно, мы – фантомы. И жизнь вся – нереальная. – Игра их виртуальная.

Параметры в игре задали – необходимые, всем игрокам и, персонажи – запустили, согласно своих правил.

Выходит, что в одной игре – создал Законы «Эго» – главными? В другой – законы Фрэйда? В третьей игре – Эйнштейна? В четвёртой – коммунизма? С ума сойти – возможно, от понимания всех измов и, ситуаций – со мной игры. И моей роли – в каждой разной.

Телепортации – зависели от них? Естественно.

И происходит это – не со мной одним, если миров – во всех вселенных..., множество – мембран своеобразных.

И, параллельные есть – нереальные?

Или, какие-то – реальные и ирреальные, а остальные...?

Но, как же – ощущения? Галлюцинации, программа?

А космос, ведь реален? Или, пустая комната – огромная и лампочки – диоды или придуманные каким-то новым доминантом божеством – яркие фьёды? А что за стенами? Другие стены? И, что такое – солнце? Туманности и, дыры чёрные....

Он рассмеялся. Всё много проще или только – кажется, чтобы вопросы появлялись, игры – сложнее, интереснее.

Нужно попробовать – в тех разобраться. Тогда, не буду больше – их бояться, что вновь – со мной эксперименты провели и, поместили снова в свои игры.

А если – новые программы разработать и, в персонажи их внедрить. Они умней? Насколько?

Быстрее нужно – разбираться, пока – те не сумели догадаться. – Что будут – с нами, в них – играть. И, удивляться....

Что если я – самостоятельно, на гравитоне улечу – в другой мир параллельный, своеобразную мембрану. – Из тех, что миллионы? Ведь – гравитацию, они не смогут обуздать. Или не станут.

Хотя, могут использовать – струны, мембраны. Ведь, струнами, объединены мембраны. И, так – меня смогут поймать.... И снова наказать.

Выходит – всё, что есть – вибрации от колебаний? Везде, всё состоит из волн – от струн. Нужна, для полного понятия, мне – масса у энергии, тогда смогу – воспользоваться Законами от мироздания. Но она мизерная. Значит, и здесь – будет пролёт....

Так вот зачем – Энлиль создал Саргона – нового и, пропустив – сквозь Ад того, создал меня, назвав по имени кометы, очистившую Землю – Люций? Уменьшил имя – с Люцифера к Люцию. Ведь я – не совершенство!

Иначе, сразу понял, затею – бога новоявленного доминанта.

Быть может, мне противиться – не стоит, но – пешкой игровой быть не хочу. Ферзём, турой, ладьёй и офицером, перемещаемыми игроками? Всё – их игра. А Я, для них – никчёмная головка.

Мы создаём энергии для генератора Его сознания. И в мире – колебания, создание энергии. Так существа – подпитывают сущностей. Сущности – главных сущностей и, так – она передаётся выше, в Космос – из Ада и чистилища, подстанция своеобразная. Одновременно – аккумуляторная.

Вот, почему – самоубийство – грех большой. Ты – не отдал, что причитается. Ушёл – не выполнив задания, не подпитал – энергией свою часть Мироздания, достаточно – общее электро... поле и магнитное.

И все мы, каждый – микрочастица поля, загруженная кармой. Из нас и состоят – поля, не только общие, Вселенные.

Мы понимаем, что уйти, как хочешь – невозможно. Ведь умереть – нельзя, возможно лишь – переместиться. – С одной мембраны на другую, с названием своим – душа.

Ад, рай, чистилище под облаками – есть потому, что верим в них, увидеть их – желаем. Любим, живём, страдаем, поддерживаем их игру, мы – персонажи, те – создатели.

Я это понимаю. Давно?! Или лишь только? Не знаю. Главное – понимаю.

Перевернув страницу, оглядываться, я не буду. Той жизни – нет. Пойду – вперёд. Да, будет – свет!

Орфей – пример. Тот оглянулся и, потерял надежду – в Аду оставил Эвридику.

Да! Хорошо – хоть это понял – смеюсь сам над собою – саркастически.

А для чего, Себене мне – Анатаса дал, чтобы оставил Луца – в измерении другом? Командовать лабораторией? Там – его дом?

И в этом нужно разобраться. Не зря – сказала Илия, что рыба – с головы гниёт.

И это, уважительно ещё – возможно. Её слова, как горький мёд!

Куда меня, путь этот – приведёт? Нужно – прощупать осторожно, это пространство.

Считаю – с Антом, нужно встретиться и, вновь – поговорить. Задать – тому вопросы. Надеюсь – у того, имеются ответы – на многие из них.

Как не хватает мне – Энлиля! Хотя, он и грубый – иногда (всегда), но..., был ли друг, была ли дружба?

Так много – всего, прошло через меня, Килиманджаро – плато, тюрьма и Междуречье. Египет – братья. Мир вечен и, бывает иногда – беспечен. От этого – неплох и быстротечен.

Желают сущности, объять всё – необъятное. Не всем дано – понять, всё вечное.

Зачем – нужно страдать?

Мозг развивается, когда ты – мечтаешь? Или быть лучше – сумасшедшим и, ничего – не понимать?

Нельзя найти – даже крупинку знаний, если – те не искать.

Вернувшись, в измерение родное, Иван Васильевич и Соня, в проблемы окунулись – те же, что и раньше. Работа – та же, в лаборатории, под руководством – прежнего руководителя, с одноимённым отчеством – Васильевич. Хотя и, разница была. Соня, решила и ушла – к Иван Васильевичу, в его комнату. – С условием. – Жить вместе, в одной комнате, но – без интима, обнимания, и проявлений сексуальных возбуждений от, неожиданных прикосновений непреднамеренных, случайных.

Руководитель – недовольным был. Но понимал, обратно возвращать – к себе, неправильно. Хотя, по телу Сони – ночами и, не только – тосковал. По её ласке, нежности – скучал. Что значит – девушка красавица. К тому же – профессионалка.

Завидовал в душе – руководителю проекта.

Правда, когда узнал, что тот – облизывается и, не дотрагивается к Соне – фактически, к её прекрасным формам – долго смеялся. – Экзекуция.

– Жалею я тебя – Иван Васильевич, руководитель, тому признался – откровенничая. Так, доведёт тебя – до импотенции, та – стервочка красивая.

– Она сказала – возвращаться к Вам и, в маломестном общежитии – ей жить, не хочет, Иван Васильевич – руководителю доверился. Мне верит. Спали – вместе без интима и, прикосновений – мы, не однажды. – Был джентльменом с ней – четырежды. Хотя, мне было – сдерживался трудно. Хотелось – волком выть, и не однажды. – К ней не дотрагивался – специально.

– Не специально только? – руководитель рассмеялся. И даже – посчитал? Это – не мало-важно!

– Лишь вынужденно. – Спиной к спине, в одной кровати. И на полу, в глубоком погребке, в крошечной темноте.

– Больной или..., шальной?

– Воспитанный – тактичный.

– Понятно. И, не в пример, для подражания – приличный.

– Соня мне объяснила. – С тобой – не на работе. Чтобы нам сблизиться, должны быть – чувства. Я, что-то чувствую, но те – такие лёгкие, что я боюсь – спугнуть. И потерять – те, безвозвратно. Ведь, если улетят..., вернуть их – будет невозможно.

Не торопи – Ванюша. Всё впереди. Все трудности преодолеем – осторожно.

Это, совсем – несложно.

Никита, мест себе не находил. Работая – подсобником у лаборантов, тот им, что нужно – подносил и, относил, складировал и убирал. Он чувствовал, в лаборатории – здесь, лишний. – Обуза для руководителя. Был нужен, когда – птицей был. Сейчас – ненужный. – Нет значимости, специальности – профессии. Лишь опыт службы.

В охрану территории, его – не ставили. Васильевич сказал – СБ, штат – полностью заполнили. Нельзя – вне штата; – не положено!

Кроме того, по Илии скучал Никита. Не выходила с головы его – она. И днём, и ночью – думал, её вспоминал. Снилось ему она, ночь каждую.

Жалел, на Родину что возвратился – в эту секретную лабораторию.

Пытался – убедить себя, что там лишь только – ей был нужен. Другим же, был не интересен и, никому не важен.

Жить в изоляции – в чужой среде, не смог бы выдержать он – долго.

Люций – о нём не спрашивал, а Анатас – ему не доверял. Возможно, он, и роль сыграл в их отношениях – не лучшую. Как бы сложилось – дальше, он – не знал и, даже – не догадывался.

– И получается, как человек, не нужен я – нигде, Никита вывод сделал – обречённо.

Но там – родная сердцу девушка! А здесь, лишь – пустота необозримая.

Хоть, что-то есть – единственное, куда меня – манит мечта. Сердце зовёт и, вместе с болью – стонет. О встрече с Илией – мечтает, безнадежно. Надеется – на невозможное? Тоскует и страдает. Мечется, душу разрывает.

Соня смотрела на Никиту, им восхищалась. – Как может – он любить! И я бы – постаралась....

Илия, девушка красивая – согласна, но, не такая – восхитительная, ласковая, нежная. Ей – опыта – не достаёт. Хотя, возможно – это, и не опыт. И у меня, тот – опыт небольшой. Наверное, всё-таки – это врождённое. Кому-то быть дано – богиней, кому-то – не дано.

...Мне нравится Никита, но – сердце его занято.

Остался лишь – Иван Васильевич. Тот – тает от прикосновения, моей улыбки – радостно. Как всё – неоднозначно! Жить – без любви, в тусклой обыденности – скучно!

Когда мир заиграет – красками волшебными и, вовлечёт меня в огромный праздник – наслаждений, фейерверка счастья? Хочу, почувствовать – огромное сверх удовлетворение. – От ощущения прикосновения ко мне – любимого, желаемого человека.

Как – здесь, в лаборатории, опостылело!

Судьба – злодейка! В «тюрьму секретную», бесстыже завлекла меня и бросила – безжалостно! Куда-то улетела – бесследно...? Навсегда? А-у – злодейка!

Глава 4. Повторение

Ветер сметал всё, что могло, от массы снежной оторваться. Здесь, не хотелось долго оставаться. Температура – минус шестьдесят.

Когда-то здесь был райский сад.

Владела континентом Атлантида.

Цивилизация давно исчезла, и – эта и, другие. Покрылась Антарктида льдами.

Был этому не рад. – Прodelки Геры. Призвала Люцифера, для всех – уничтожения.

Проснулись вмиг вулканы, ползли материки и, раскололись континенты, сместилась ось планеты.

На месте Антарктиды, где – райские сады цвели, образовались льды, за сотни метров – толщины.

Она, и нас бы уничтожила, себе – Энлиль признался – если – не с Энки соглашение. Тот, образом каким-то, с душой планеты – находил «общий язык». – Искоренил все нарушения в эксплуатации природы, при непростых с ним – отношениях. И, цивилизовал народы.

Меня заставила – взглянуть на мир открытыми глазами. Не думал – раньше, что вокруг – немало существей разумных, живых, энергий. – Это в прошлом.

Развить смогли свой разум мы, подняться – к её уровню. Первый пример – Люций-Саргон. Отважился, в одном из измерений, внедрить свою систему – Это и, получилось это у него.

Каким-то образом сумел – самостоятельно, развить цивилизацию, – выше, чем смог – при заданных условиях игр виртуальных.

Сейчас – два мира у него – с подземным. Но, как-то странно. – Себенс докладывал.

– Задвинул Анатаса, приблизил Анта неандертальца. И, измерения – на островах, как будто – в Средиземном море, есть параллельные мембраны. В одном из них – закрытый город – Земли прообраз, зависима та стала – от жизни города.

Как это?

Мне нужно разобраться и, окунуть туда – свой взгляд. Такое, в принципе – возможно, но, всё должно увязано быть с системой – в целом, миров других и измерений.

Дел много у меня – не до него, сейчас. Хотя, найти бы время нужно и, посмотреть, что сотворил – мой экземпляр улучшенный, недоработанный немного.

Понятно, первый и, экспериментальный.

Вполне возможно, – будет интересно. Хотя, я занят – проблемой, сильно. Пытаюсь – врыв Нибиру, произошедший в измерении первоначальном, являющимся – базовым, предотвратить, при помощи – перемещения во временном пространстве.

Есть два предположения: либо – из-за большого приближения Нибиру, создалось притяжение – Земли и спутника планетного, и разрывая сопротивление от гравитации, превысили в Нибиру напряжение, что и способствовало взрыву; либо – нас Гера наказала за катаклизмы – втайне, из-за большого приближения Нибиру, ведь та, в три раза больше маленькой Земли. Вращается – вокруг Тёмной звезды, с периодом – в три, шесть десятых тысяч лет – по эллипсу.

Удобно пользоваться ей, как грузовым и пассажирским транспортом, на Родину – доставить золото, возить контрактников.

Нужно вернуться мне во времена, когда Нибиру приближался и, смоделировать сближение – в ближайшем времени.

Увижу, всё происходящее – другими я глазами. Посмотрим, что сумеет сделать Гера, в ответ мне, когда – факт тот совершится.

Уже, не тот мальчишка – аннунак – Энлиль, а сверх усовершенствованный экземпляр – единственный и, всемогущий на планете, конечно, не считая Энки и мифической Души планеты Геры.

И, если та – меня и спросит, всё расскажу начистоту. – Хочу я Родину спасти, если спасу Нибиру.

Тем более, урон планете – меньше, чем нанесла комета Люцифера.

Навряд ли Энки, мне захочет помешать. А почему, сам – не задумался об этом?

Возможно, поленился? Или обиделся на Ана?

Быть может, просто – не подумал?

Навряд ли. Что-то здесь не так. Он хитрый и коварный аннунак.

Воздействие от гравитации добавит напряжение в земной коре, что приведет к мощнейшим извержениям вулканов – по всей планете, и землетрясениям.

На побережья, вновь обрушатся цунами – огромной высоты, выйдут из строя – все системы, коммуникаций, энергии обеспечения. Затопится часть континентов, земли провалятся – на севере и юге, где холода ещё царят – последние столетия. Исчезнет мерзлота и, с нею города, заводы, люди – живущие на ней и, звери.

И, с Богом. Им, туда дорога!

Важнее Родину спасти, чем мерзлоту чужую.

Хочу понять – коли сместятся полюса Земли, растопится лёд в Арктике и Антарктиде, вновь зацветёт – прекрасный райский сад; когда Нибиру я спасу и, Родину? – Законы Космоса позволят управлять планетами и звёздами, те заставляя двигаться в непостоянстве, путями – измененными?

Сон

Все замки и владения, лишь отражения – в оковах поколений, со злорадством и восторгом – на них наброшенных властителями, на время – до исхода.

Руками голыми, в крови, с испачканными душами, миры приблизят к гибели, – в цепях оставленных властителями.

Изнемогая в спорах – рождённые в застенках созвездий незнакомых, несут в словах – взрывоопасный порох, желая, чтобы замки и дворцы, построенные на костях – взлетели в воздух. И, навсегда исчезли в зареве огня – навечно, без воспоминания.

Они не получили наслаждения от непрерывного уничтожения и мщения – за поругания – смерти великолепия.

Злорадствовать – погибели тех, будут – силы разрушения. И грозно молнии метать, считая – недостаточно тем, упоений ужасом.

Небо окрасилось в багровый цвет и, пролилась на Землю кровь, когда Нибиру появилась. Горы открылись – всей Земли, от притяжения её. Вулканы – пепел и огонь, выбрасывают повсеместно.

Деревья сожжены, живые существа и сущности погибли – все почти, в огне крошечном.

Моря кипят и реки высохли, свет солнца не проникнет.

Сущности, существа, в живых оставшиеся – в безумии рассеиваются, в землянках и пещерах – ищут убежища.

Страх ест сердца, и храбрость, покидает всех. Тех – большинство. Не слышен детский смех.

В движении Земли – видны, слышны – подвижки, дрожь. Холмы и горы двигались, качались. Здесь выживут – бесстрашные и смелые, тех не постигнет гибель. Их – не прольётся кровь.

Огонь – строения, дела всех хомо, гомо, аннунаков, пожрёт – безжалостно, а воды смоят, что останется.

Произошло смещения – оси вращения Земли. При изменении наклона, её оси вращения в пространстве, воды морей и океанов – обрушились на континенты, материки, сметая на своём пути – всё, что на них осталось, не разрушено.

Нибиру, будто – язык пламени, планету освещала. В хвосте Нибиру, в атмосферу вошедшим первым – камни и валуны, пыль мелкая – железная, цвет – бурый, красный. Пыль не сгорает в кислороде атмосферы, она окислена.

Осев на Землю – реки, водоёмы, хозяйка красит в багровый цвет, вкус – горько-тухлый придаёт источникам воды – их отравляя полностью, по всей Земле.

Те, вскоре – пересохли.

Темень накрыла Землю, ужасный град – камней горячих, раскалённых, громом обрушился. Нагретый газ и вещества – в хвосте Нибиру, сжигали – повсеместно кислород. Не спасся – ни один народ, лишь только некоторые – самые сильные.

Влага в земле – иссохла, поля и пастбища сгорели, и все деревья – стали серым пеплом. Нельзя найти травы и, плод на деревьях.

Не стало стран и городов. Не было больше слышно радости. Горе и вопли – на планете. И голоса умолкли – детские, те не игрались больше. По всей планете – муки, кровь повсюду. Пили, только отравленную воду.

Нависла над планетой пыль. Та, наносила раны – оставшимся в живых – животным, людям, будто наждачкой или ножом.

Порывы ветра разметали пепел. Мрак темноты, затмил огни. Никто не различал – ни дня, ни ночи. Был только – мрак густой и, воздух душный, горький, – дышать им было – трудно.

Все корабли, на берег выброшены и, разрушены – водоворотами.

Земля перевернулась. Хомо и гомо, аннунаки – обезумели, подавлены произошедшим. Земля горела, люди выбегали, но Небеса швыряли гнев на них, те умирали.

Часть тех, кто жил в землянках – уцелели, но, в каждом доме – паника. Когда закончилось – повсюду катастрофа, тела лежали повсеместно.

Повсюду – тучи пресмыкающихся, муравьев, паника, бедствия и, беспорядок, голод. С ними помог бороться – только холод.

Солнце, тепла давало мало. Дым с пылью, его закрыл. Руки – не видно.

Лёд, слякоть продержались долго. В живых оставшиеся – умирали, теперь от голода и холода.

Затем, покинула Нибиру – пределы Солнечной системы.

Прошло немало времени, пока воздух очистился. Земля покрылась вновь растениями, жизнью, как и прежде. А хомо, гомо, аннунаки, животные, другие существа – погибли в большинстве своём, в огромных и ужасных катаклизмах. В живых, осталось – мало их.

– Обидно, Проснувшись, Энлиль мгновенно – возмутился. Во сне погибли аннунаки – оставшиеся на планете, с нами! Так не пойдёт. Придётся, изменить программу.

Что-то другое нужно. Позвать, возможно – Люцифера. Но тот, меня не знает. Меня, навряд ли – слушать будет.

Сыны из Космоса – высокомерные. Гера, конечно, – найти может – «язык» с тем, общий. Но я её, так и не встретил.

Какая, есть причина, что избегает меня Гера? Чем хуже Энки я, мои дела? – Другие?! Да! И я, сильнее. Пусть, брат – мудрее, как выходит, почти всегда. – Оказывается тот прав, не я, это касается лишь нас – обоих.

Нинти советует Энки – во многом. И мне Нинлиль совет дала – как с братьями вести, в Египте. Сломала их гордыню и неверие в меня, лишь предложением – вручить себя и сына, в их руки «верные».

– А если, Нинти с Герой – знакомые, и та ей помогает? – мелькнул вопрос, довольно интересный.

Тогда, всё объясняет – причину, Энки правоты – во многом. Он знает, через Геру – многое о тайнах мироздания. Поэтому, всегда путь выбирает – верный.

Нужно мне повод отыскать – приблизиться, войти в доверие, попробовать всё разузнать, разрушить – брата высокомерие.

Это поможет мне – в ближайшем будущем.

Хотя, придётся Нинти посвятить – в свои открытия.

Что, если та – не так поймёт, как нужно, мне – усовершенствование генома? И путешествия мои во времени? В другие измерения?

Возможно, нужно подождать немного, и, не рассказывать об этом, сразу.

Перевернёт, что-то – не так, как надо. И в дураках останусь, как было – неоднократно.

Нет, дураком, не буду – в этот раз! – даю себе наказ.

И, всё таки, если спасу Нибиру, понятно всем – спасу и Родину. Добьюсь – благословения отца – Ана Великого.

А как тот стал Великим? И почему, так мало дал – величия? Возможно – знал он до меня – секрет усовершенствования себя и, своей сущности?

А я, лишь занимаюсь – повторением?

Глава 5. Перемена места жительства

В колонии несовершеннолетних преступников, по 158-ой статье, части 2-ой УК РФ – два года отбывая, Григорий получил письмо – неожиданно от отца.

Тот сообщал в письме – прискорбно, о приключившейся беде, что их квартиру чёрный маклер, оформил на лицо – им неизвестное и сразу продал.

Он клялся и божился, что не подписывал договоров – не продавал квартиру трезвым. И как, о регистрации квартиры – свидетельство к тому попало, отец не помнил. Возможно, пьяным в это время был или уставшим... Может – хвалился, просто. Показывал.

– Очнулись с матерью – за городом в сарае, на крае дачного кооператива «Солнышко». Сразу и не вспашились – зачем и почему, здесь оказались?

Пол-ящика бутылок с водкой – сверкая ореолом в лучах солнца, лежали рядом на столе – три булки хлеба, консервы, килограмм халвы и, килограмма полтора колбаски.

В углу ведро стояло – с чистой водою. Мы поняли, что питьевая – для опохмелки.

Пока не оприходовали всё – три дня гуляли, пили, спали и, ни о чём не думали – водке и жарчке радовались.

– Видно, по пьяне, какое-то дело сварганили, и обмывали – думали, на чьей-то даче, по случаю удачи – случившейся негаданно. Бывает счастье иногда..., неожиданное.

Когда еда и водка кончились, домой, не ближний свет – отправились.

Долго оттуда добирались – до Грибоедовского переулка, почти весь день. – Устали сильно, идя к дому.

Увидев дом – издалека, обрадовались, что добрались. Решив – завалимся сейчас в кровать и, отдохнём с усталости, не час, ни два....

В квартире нашей – почему-то шёл ремонт и, незнакомый жлоб-мордovorот, нам – нелюбезно объяснил:

– Проваливайте из подъезда – по здорову, иначе, хозяин новый квартиры этой, пришлёт ментов сейчас, и вас отправят в обезьянник, на раз и два.

В ответ на уверения мои, – квартиру нашу мы не продавали, он дал поджопник матери и, показал мне копию – свидетельства юстиции на Жерехова Дмитрия, не помню отчества и, вытолкал нас из подъезда.

Я попытался – покачать права, но тот меня – так оттолкнул, что отлетев – метров на пять, от нашего подъезда – бывшего, надолго отключился. – Ударившись о камень головой больной, уставшей.

Очнувшись, я купил конверт и, написал письмо на почте. Жена сказала – вещи наши отдали в домоуправление. Значит, они всё знают, и жалобы туда, нам не помогут. Нет справедливости, на этом свете!

Вот так сыночек, отобрали злые люди у нас квартиру, жить нам негде. В сарай придётся возвращаться..., там отоспаться.

С утра пойдём просить бомжей на свалке – приютить. Быть может – примут на зиму, нам негде жить....

Другого выхода не видим. Там, жизнь покажет. Возможно, ласты склеим. Что будет, то и будет. Такая зрада.

Прощай – любимый наш сыночек. Вряд ли увидимся ещё. Бомжи сейчас живут недолго. Прости – любимый наш, за всё.

Мать плачет и тебя жалеет. – Остался, без квартиры. Те – сволочи, нас выписали. Теперь, мы без прописки.

Расстроился Григорий сильно за маму и отца. Родили – никак. За их судьбу – на склоне лет, переживая, вначале не подумал – куда ему, освободившись – возвращаться? Но вскоре, и об этом думать стал, и ещё больше закручинился.

Видно отец письмо и бабушке писал. Вскоре пришло письмо ему из Прасковеевки, в котором бабушка звала – приехать жить к себе. Но при условии, что будет Гриша вести себя прилежно, положительно – со всех сторон. Ей старой – необременительно; работать, не будет пить, и продолжать учиться, быть может, со временем – там женится.

– Отцу и матери, не разрешила приезжать. Родители рассказывали, за день, как повязали его – менты на шухере – рядом с деревней – Прасковеевка, где бабушка жила, какой-то орнитолог – олигарх крутой – дворец стал строить архибольшой.

Там, охраняет стройку – КГБ..., словно – та ведомственная охрана.

Пьяниц всех, сразу – из деревни «попросили» не очень вежливо. И пригрозили в деревне всем – если появится, случайно – элемент неуважаемый, всех на учёт поставят – при отделении районной психлечебницы. Приедут сразу – для оформления/отправки. До этого – не доводите.

Наказан уголовно – по малолетке Гриша в первый раз. – Поэтому, возможно, разрешили – приехать к бабушке родной, после «звонка». Отправился к ней – благодарным, что не забыла внука, и приютила у себя. Бездомного.

Откинувшись с азовской малолетки, ехал – с решением, ей помогать на старости. Он радовался даже малости – крыше над головой и, что о нём заботятся, бабушка – жить в дом свой пригласила, не бросила на улице, откуда – не найдя суму, «идут» сидельцы вновь в тюрьму.

Не дождалась немного – она внучонка. Перед приездом Гриши, померла! От радости или от беспокойства? Об этом не рассказала.

– Как подгадала бабка! Чтобы в последний путь её сопровождал – на кладбище, в душе Григорий возмущался. – На похороны пригласила.

Но делать нечего, ведь он остался наследником имущества её, по завещанию. – Дома сто два и три десятых квадратных метра, земли двенадцать соток, колодца – во дворе заброшенного; двадцать две утки хаки-кемпбелл, четыре селезня, гусынь кубанских – двадцать, четыре курицы, петух, и два гуся, коза и собачонка – «Малица».

Кроме того – сберкнижка, с которой деньги снять, ему нельзя – полгода, пока не узаконится наследство.

Совершеннолетие Григорий не справлял, в деревне не было друзей, да и пришлось оно – в период траура по бабушке родной.

И что с того, что он её не видел раньше – никогда. От матери, хорошего, немало слышал о бабуле и, вспоминал – о ней на зоне, изредка. И в подтверждение к тому – его ведь позвала, когда узнала из письма отца, что возвращаться с малолетки – Грише некуда.

Располагался дом у склона,

У самого плетня – родник открылся, при жизни бабушки Григория – внезапно.

Воду давал в бассейн для птицы, полива огорода, приготовлений пищи – для себя, козы и птицы с собачкой Малицей.

Рядом живущие соседи, из родника – водицу так же брали. Еду – только на ней готовили. Колодцы – для полива огородов, сада – использовали.

Вставать с рассветом – слишком рано для него, как он считал, но понимал – необходимо живность покормить, козу доить. И он вставал, сначала недовольно, потом стало привычно.

Как, чем кормить – лишь понаслышке знал. Пришлось к соседке за советом обращаться, для обучения ремёслам разным, не только этому, кое-чему ещё.

Соседка добрая была – недорого с Гриши брала, жила одна – без мужа. Что знала, сказала – всё, и помогала. Когда просил, всегда давала – не отказывала в советах дельных, где Дуняша опыт имела.

Был грех, случайно – небольшой, однажды. – Вина Гриша напился.

Очень жалела – сосед ей, не по возрасту – старше была, на десять лет. Но, всё одно, как получалось – привечала. И участковому пообещала, что если вдруг малец сорвётся, начнёт употреблять спиртное, гулять, и не работать..., как истинная патриотка родной деревни, края, о всех проступках – им свершённых, мгновенно сообщит, с подмеченными фактами – подробно, без жалости, по справедливости.

С козой, Гриша быстро подружился, доить её было легко. Варить сыр вкусный научился – из молока отжатого. Сыворотку, отходы пищи, добавил птице – к рациону, с гущей – собаке.

Малица – псина дворовая, лакала с радостью, виляя – хвостом от удовольствия.

Утки давали ежедневно одиннадцать яиц, а гуси – шесть. Семнадцать – вместе.

Григорий, был – не в состоянии, их столько скушать. Соседка подсказала – ты яйца, с сыром – продавай, чтобы не пропадали. Найдётся покупатель, был бы товар. Тем более – свежайший.

Пусть, и не расхватали. – Какая-никакая – в дом копейка и, упрекать не станут, что не работаешь в артели. – Ведёшь домашнее хозяйство, на хлеб так – зарабатываешь. Тем более – водку не пьёшь.

Вино сухое у меня берёшь – в обмен на яйца, сыр, но, кто об этом знает, тем более – со мной его и приговариваешь.

А чтобы не стоять на рынке, он яйца, сыр, сдавал – другой соседке, дешевле вдвое. Зато на рынке время не терял – не торговал, за место не оплачивал и, мирно жил с соседками обоими. – Довольно дружны они были, что им – даже завидовали. Соседки – гарные были дивчины, как хлопцы из деревни говорили.

Прошло немного времени. Казалось, жил здесь Гриша – с детства (в другой, возможно – жизни). К дому привык, словно к родному. Нравился воздух чистый, вокруг горы. Поверх – огромные просторы. Лес смешанный: кедры и сосны, ясень, дуб и липы.

Но на душе – легко было, не часто. Родителей потерянных – пока тянул срок в зоне подростковой, после – нередко вспоминал с душевной болью.

Любил он их – таких никчёмных. Хотел бы видеть их – весёлыми, знать – живы ли, на свалке гадкой или «ушли», и похоронены в канавке, без знака номерного, как собаки.

– Тебе сам бог велел – уток, гусей выращивать, советовала Дуня по-соседски. Родник – у дома рядом, таскать для птицы воду – в бассейн не нужно, вёдрами; плюс за плетнём склон в гору – травой поросший, а слева – поле, для живности корм всесезонный. Зимой – морозы, снег – бывают редко. Можно – не утеплять особо; пройдёшь по стенкам – плёнкой. Будет – достаточно.

Немного комбикорма купишь, мешков пятнадцать-двадцать, травы подкосишь – еды на зиму хватит для тварей бессловесных. Многого – тем не нужно.

И зиму быстротечную, не беспокоясь о подопечных, сам не заметишь – проживёшь, почти беспечно.

И те, довольны будут – не брошены и не голодные, и ты – с сыром и яйцами. Сытый и, мной ухоженный.

Собрав немного денег, решил в Ростов Григорий съездить, следы родителей на свалке отыскать.

Договорился с Дуней – смотреть за живностью, отправился – с надеждой, их искать, чтобы со свалки тех забрать, если найдёт их – обустроит; им будет помогать – сколько сумеет, со своих копеек.

За Военведом [район в Ростове], рано – лишь солнце утром встало, на главной свалке города – расспрашивал бомжей, показывал им фотографию родителей. Но было тщетно, никто не узнавал, глаза уставив в землю, словно искали под землёй или стеснялись, что-то рассказать, боялись..., кого, не знал.

– Таких здесь не было, быть может – сбоку, рядом или возможно, за Аксаем....

– Похожих – вроде видел, один сказал. Другой – не видели. Не знаем – отвечали, глаза уставив в землю. Возможно, ожидали – вознаграждения.

Григорий понимал, что не желают правду говорить – о жизни свалки, но подступить как, не знал. И денег не было платить за информацию и, если были бы....

Сколько, не дать им, обманули, наврав – по ложному пути послали..., а правду – не ска-зали.

Он, пригорюнившись – присел в сторонке, понимая, что уходя – нить оборвёт единствен-ную. Хотелось выть от боли, горя, злости, безысходности, и еле сдерживаясь – прокричал:

– Вы сволочи! Это мои родные: мать, отец. Вонючие отрепья! У вас, наверно, детей нет?! Не было?! Или они вас бросили?! И правильно!

А я ищу, освободившись с малолетки! Вы суки! Твари! Педерасты!

Да будьте прокляты, скоты безмозглые, блохастые!

Опомнившись, что за слова свои, ответ держать придётся – плюнул в их сторону и, при-готовился к разборке.

Он не боялся. – Шепча тихо – вас презираю – сволочи! В душе молился, ждал нападения.

Бомжи собрались вместе, обидевшись на оскорбления. Гул недовольства, угрожающей волной – шёл в его сторону.

– Ну, что вы медлите! Трусые поганые! – Григорий крикнул им. Рвите шакалы, разры-вайте! Твари позорные!

Истерика его накрыла. Хотелось кинуться на них. Глупость желаемого понимал, но уже слабо – владел собою, и был готов к печальному исходу.

Бомжи подвинулись к нему. В руках ближайшего был нож для рубки мяса.

Глаза его – блестели, рот скривился – приоткрывшись. Морда оплывшая от перепоя и, отравления денатураатами, настойками и брагами – подрагивала в напряжении, желания – стать первым среди равных, и наказать обидчика – немедленно.

Григорий приготовился к удару. Он понимал, скорей всего – к последнему. Плюнул тому в лицо и, в глаз попав – обрадовался, – ответил, чем-то – убийце предсказуемому.

Глаза подняв, простился с солнышком, пред ним бы на колени опустился, но эти гады возомнят, что трусил и, перед ними стал, и молит – о пощаде.

Он напоследок солнцу улыбнулся, подумав – значит скоро встретимся с отцом и матерью родимыми – мы воссоединимся на том – далёком свете, раз не пришлось на этом, к сожалению. Так получается – по жизни!

– Ша! Кипеша не будет! Разошлись! – услышал Гриша голос властный из-за тюков сырья вторичного, из самосвала выпавших – минуты две назад. Услышали меня! Я вам сказал – бро-дяги! Ша!

Бомжи послушались не прекословя, разошлись. Нож, спрятав бомж – жаждущий крови, шаг отступил и, развернувшись – за остальными следом поспешил, к участкам мусор разбирать – искать еду, одежду, и бытовые принадлежности, чтобы на барахолку можно отнести, и там – на что-то поменять, для жизни интересное или на что-то съестное.

– Ну, что стоишь, как столб? Ко мне на цирлах быстро! – команду для себя, услышал Гриша.

– Вы, извините – не привык я бегать по приказу. Вас, не послушаться? – Чревато. Да и спасли меня, не говоря, что – старше возрастом....

Ведь, можно было пригласить, не опуская? Ходить на цирлах, не научился..., на малолетке.

– Слушай-ка – шалупонь, тебе, что-то не нравится? Позвать бомжей обратно? С тобой расправятся враз, глазом не моргнёшь. Крутая шавка!

– Хотели, чтобы склеил ласты, заточке дали б волю. Я подойду – из благодарности, что умереть не дали.

Он подошёл к авторитету свалки.

– Не скрою, что был зол – за равнодушие к мой беде. – Проблеме. Сорвался, понимая, что не найду родителей, коль след их потеряю. А он – сюда лишь вёл. Единственный.

– Беда, проблема.

Здесь без беды, нет никого. Мы все – одна дилемма. Дай фотографию, он Грише приказал.

Григорий фотографию отдал.

Тот посмотрел мельком на двух людей, в бомжей ещё не превратившихся и, усмехнувшись, тон, сменив, сказал – чуть мягче.

– Я помню их. Они здесь были, но недолго. Зиму лишь вытерпели только. Проблемные и... в чём-то, бестолковые.

– Живы они! Мне этого довольно. Скажите, где искать их мне? Прошу Вас – помогите, найти отца и мать. Они мои родители. Я не могу их бросить, и помирать – без помощи....

– Я слышал – собирались жить на острове Зелёном.

– Я знаю остров.

Мы раньше жили – на Театральном; квартал правей от площади, если смотреть – на Дон с неё.

Спасибо Вам за то, что подсказали, где их искать. Я очень благодарен Вам, за помощь Вашу и, за моё спасение.

– Давай! Отсюда сматывай, пока не наказал, за грубость, непослушание.

И никогда сюда не забредай, ещё. Бомжи, узнаешь, – сущности злопамятные.

– Прощайте! Убежал, что сил осталось у меня, после эмоций выброса негодования.

И он, как мог – со всех сил побежал к войсковой части. Бежал, пока в ногах на бег, силы хватало. Почти не помнил, как добрался до поста ГАИ – в одно дыхание, а там троллейбусом до Военведа.

Оттуда – к рынку на Станиславской и Будёновском приехал на автобусе №1. Затем до Красного Аксая трамваем №3. Пока доехал, восстановились силы, и был готов бежать, искать – родителей любимых. Живых – надеялся.

Вскоре бежал, с надеждой – по понтону, соединяющим Ростов и остров, через протоку реки Дон. Был рядом – Зелёный остров.

Он почему-то был уверен, найдёт своих родителей. Ему казалось – факт закономерен. Не зря же он приехал их искать, и утром – жив остался, когда всплыл на свалке....

Значит, судьба ему благоприятствует. Никто не помешает, не воспрепятствует – найти их и помочь им, бедолагам.

Вот, только бы найти их. Где искать?

Спросить бы у кого. Вернуться, расспросить понтонщиков?

Он, повернув назад, направился к ответственному за получение оплаты за проезд с машин, на остров....

Глава 6. Полёт

Порывы ветра душного, чуть тише стали. Тучи рассеивались, медленно.

Лучи солнечные меж ними – с трудом пробились, упав на пилигримов, вымученных, от ожидания уставших.

Солнце не понимало, меня им – стало мало? Зачем лететь – греться, куда-то? Их здесь прожарить, может. Дон рядом и, два моря.

Артём – в порту Ростова-на-Дону ждал объявления о регистрации на рейс международный в Турцию.

Многое перестройка изменила. Артём ушёл из МРСУ. Создал с товарищами дело. Оно доход им приносило, мог за границей отдохнуть, отвлечься от работы – ненадолго, не спрашивая разрешений у начальства, больше или меньше.

Смотря – на ожидающих начала регистрации, несчастных пассажиров, надеялся – не долгой будет экзекуция. Зарегистрируются и, в отстойник, а там собравшись, в самолёт. Пару часов и море. Оно их ждёт давно, скучает – одиноко. Ждёт, не дожётся, а они, ждут самолёта.

Таможенники, изучая их – смотрели с завистью, уныло представляя, как эти пассажиры – завтра купаться будут в море Средиземном, пить пиво, вечером вино и виски, отдыхать. А им здесь – в духоте торчать, досматривать, шерстить и придираться к подобным – улетающим (для них – дебилов, почти всех) транжирам.

Метаморфоза жизни – в противоречии, они и пассажиры.

Не дожидаясь объявления, у входа – выстроилась большая очередь – к залу досмотра.

В процессе ожидания, словно в засаде, компания таможенников – недовольная, других ..., не буду называть, кто – в штатском, с обратной стороны собрались – от прохода.

Время отлёта приближалось и, дожидаясь объявления, наглядно увеличивалась очередь. Свободного не стало места – у пункта пропуска, для предъявления билетов. Затем, и во всём зале – набилось, как селедка в бочке, с провожающими – родственниками, друзьями.

Услышав объявление, довольные и радостью обдаваемые, подвинулись к досмотру пассажиры – сильней ужались. Надеющиеся – все мытарства закончились, и впереди – просторы необъятные, под крыльями у самолёта. ... над Украиной и Болгарией, возможно, напрямую – над Чёрным морем пролетят. Через Азовское, забыв – все неудобства аэропорта.

Мечтать не вредно, – говорят в народе.

Сервис в аэропортах и соответствие желаемому, часто – фантазии мечтателей неопытных, надежд зачёркнутых – коварно, кем-то, будто – специально.

Процесс описывать, возможно – столько, сколько проходит он; практически – бессрочно.

По расписанию, рейс – вылетел давно. В зале отлёта – гул напряженный и, ропот пассажиров – сплетаясь в формы искустелей, – витали миражами, в густом дыму табачном.

В нём задыхаясь, пассажиры и, дети их – толпились скопом. Мечтали о глоточке воздуха, «забыв» о неприятном. – Причинам непонятным полёта задержания – без небольшого (даже) объяснения.

– Рейс – номер ...надцать, в Турцию задерживается им объявили, вскоре. Усилился гул в зале – недовольства. Соседка рядом, улыбнулась, посоветовала – Вы не отчаивайтесь, рейс ведь задерживается, не отменяется.

Артём окинул взглядом – девушку прекрасную, с ней согласился. – Лишь бы, не очень долго ждать – ещё. Так душно!

Дети замучились – тех жалко. Хотя бы дверь открыли – им нужен воздух свежий. И не захочется летать – так, больше. Хотя, и меньше – так же.

– Нельзя. Условная граница на замке. Ждать нужно – участи своей, спокойно, не то за хулиганство выдворят и, в чёрный список занесут – надолго, возможно, и пожизненно.

В отстойнике, не только пассажиры, есть наблюдатели. Они, на нас похожие. Исчезнут при посадке.

Вы изучите их, внимательно. У тех, примета есть – одна на всех, как будто – безучастные к проблемам, обстоятельствам. И даже – отрешённые, при созерцании происходящего.

– Достоинство статуса и положения желанно – держать нас в стойле. Вдруг – вырвемся, и сами улетим – без самолёта?

– И я такого мнения.

Не нужно продолжения.

Я лучше анекдот Вам расскажу, если желаете, про польскую границу.

– Конечно, пожелаю. Время идёт – в процессе ожидания. Давайте познакомимся. Меня зовут Артём.

– Очень приятно. Меня назвали Никой, наверное – родители надеялись, что буду над судьбой – однажды, победу праздновать.

Неважно.

Об этом – позже, если станет – интересно.

– При прохождении границы с Польшей автотуристом, для русских очередь подходит медленно – часами сотня метров.

Две очереди по четыре километра, или чуть больше – по дороге, рядом с лесопосадкой, пройти спокойно, эмоции не сбросив – трудно. Для многих – невозможно. Месть новомодная – для жителей России, за то, что Грозный – Княжество Великое Литовское разбил, и дал возможность тем распасться – на Польшу, Белоруссию, Литву, Эстонию и Латвию....

Теперь, терпят *gusto turisto* – не только это, ... другого нет пути у них. Обидно, не обидно – терпи и, докажи, что ты родился позже – КВЛ, страны той не было в помине, ... этой границы.

Один из кандидатов – дождался счастья, из последних сил – пройти границу, спрашивал у погранца:

– Пан разрешит, с вопросом обратиться?

– Спрашивайте, пан разрешил – руссотуристу.

– Когда вторая мировая началась, война? – пан скажет, точно?

– Скажу. – В тридцать девятом.

А в сорок первом, пройдя сквозь Польшу, фашист напал на Россию. Я это, точно знаю.

– А знает пан, где был фашист до нападения? Прошёл ведь – через Польшу – быстро.

– Не знаю, думая, ответил – честно. Немало времени прошло с тех пор. Возможно, воевали, где-то.

– Они границу с Польшей проходили. Была большая очередь – из немцев, намного больше, чем сейчас – из русских.

Два года простояли, ожидали – пока им документы поляки оформляли. Не верит пан? Он может оглянуться – увидит, как давно в очередях стоят русотуристы – для оформления прохода через границу.

Он показал на очередь – скрывающуюся, за поворотом лесопосадки.

– Верь этому, не верь – пройти границу быстро, невозможно.

По этой же причине, и здесь закрыта дверь. – Граница на замке.

Через границу – могут мысли просочиться, «отдельные» слова. А там их перескажут, переиначат..., а значит, может быть – проблема, как для тебя, так для меня. Вдруг – передача информации секретной о состоянии аэропорта, отстойника, таможенного зала – уйдёт без санкции, необходимой обработки содержания?

Ника едва заметно улыбнулась.

– Могу Вам рассказать, на тему рядом, анекдот, пока мы терпим неудобства и, ждём посадки в самолёт, если не будете, конечно, против.

– Не буду. Заметили предельно точно. Пока мы ждём – *посадки* в самолёт.

– Спросили Рабиновича, что сделали бы вы, если границы вдруг открыли?

– Залез на дерево.

– Но почему?

– Затопчут беглецы. Их будет, таки – много.

И, вот ещё один на эту тему.

– По случаю кинопоказа фестивального, в Кремле – банкет. Бриджит Бардо – открыть границу предложила, Брежневу.

Грозит ей Брежнев пальцем, улыбаясь: – Наедине со мной остаться хочешь, красавица шалунья?! Народ весь убежит. Одни – с тобой останемся!

И..., нацелуемся.

Люблю я целоваться!

Понравились Артёму анекдоты.

Смеяться нужно, только – трудно, на эту тему – улыбаться.

– Немного тему я переменю.

– Из-за границы Ельцин возвращается. «Устал» с дороги. На трапе – спрашивает у помощника:

– Где мы сейчас?

– Россию не узнали?

– Богатой будет, не узнал.

Россия? Матушки мои.... Какая, гр..., она – большая.

Артём чему-то, грустно улыбнулся. Ника продолжила.

– Наивная Елена, на Западе – недолго проработала. Ключнув на объявление газетное: «Набор красивых девушек в посудомойки», приехала с надеждами на будущее.

Предела возмущению, не описать словами – не отобрали паспорт, в бордель не продали, и, грязную посуду мыть заставили, всё было, как в газетном объявлении. – Надежду – испоганили!

– Все анекдоты появляются из жизни. Граница на замке и люди недовольные. Граница на замке – кому нельзя, кому-то можно. Кто-то в отстойнике ждать будет, ... кто-то разместят в условиях прекрасных – в баре и, в депутатском зале. Один ждёт в очереди регистрацию, другой – в зал отдыха проходит. Недаром говорят – удобства каждому..., и судят по одежке.

– Я расскажу Вам, если можно, рассказ знакомого – однажды проходил границу с Украиной. Недавно рассказал про этот случай. Мне было слушать стыдно – за отчизну.

И, возражений не услышав, он начал – тот рассказ.

– Прошли чрез таможню Украины – быстро, в Россию въехав, радовались – дома, скучали по отчизне. – Родина!

И вот подъехали к российской *та*можне, и стали в очередь как люди.

Прекрасное преддверье ощутили. Душа поет, и сердце бьётся учащённо – от предвкушения, что вскоре будут дома. Просторы Родины почувствовав, не терпится рвануть по трассе с Амросиевки до Ростова.

Впереди бэшку (БМВ) – долго не мучили, быстро досмотр прошла, следом – они стояли.

– Осталось ждать недолго – он успокаивал себя, свою семью. Им не терпелось – выскочить за ограждение, почувствовать свободу..., просторы – необъятные России.

Но радость вмиг ушла, не получилось – уехать сразу. Сказали вместо – доброго пути – как и куда – пойти им, «прямо». – Вас пропустить в Россию мы не можем. Иначе бы, всё было – странным!

Назад отдали декларацию, добавив – между прочим:

– У нас здесь очень строго! Чтобы натурализацию Вам сохранить, в бюджет необходимо заплатить сегодня очень много. И лишь потом рассматривать мы станем – пройдёте вы границу или... возможно, что-то – нехорошее, найдётся в документах....

– Сегодня? Время, – девять вечера. Или оплачивать – у вас здесь, можно?

– Здесь вам не банк. Другьям звоните и, с очереди отъезжайте – в отстойник недовольных. Машину на отстой до завтра.

– Но мы хотим домой попасть, сегодня Так относиться к людям, разве можно?!

И видя бесполезность уговоров, отъехали в сторонку от досмотра.

Жена пыталась сразу плакать, сын закипел от злости, краснея, молча...,

Недолго, мой товарищ думал...

Придумал, что им делать, домой хотели ведь попасть... сегодня.

Как мог – жену и сына успокоил, сказал – немного потерпите. Взял двести евро и отправился к досмотру, к тому, что их домой не пропустил – вальяжно.

И чудо! – неважны ошибки Ваши, сказал тот, тем же тоном важным – быстрее границу проходите.

Вослед добавил, улыбаясь – желаю доброго пути в дороге к дому. Пока-пока, до новой встречи. Всегда вам рады.

Теперь, вы «знаете дорогу». Проходите, как люди.

И сделал вывод мой товарищ – коли всех гадов ублажать, давать валютные банкноты – на все законы будет наплевать.

Не виноваты те – устроен мир отката так..., но только стало слишком много тех, кто желает брать.

Нужно давать – всем, кто поставить может подпись, распределяет, куда-то пропускает. Кого обуяла большая жадность, ненасытность. – Брать, брать, рвать, взять и, снова, брать.

Жизнь, – кисло-сладкая гримаса, как будто к нам припёрлась месть, сжирающая жизнь и честь.

И мы, немало виноваты, что дом наш оказался – полностью в дерме. Где выродков бес- сильно терпим – купающихся в бриллиантах, золоте

Другие – в нищете.

Лишь в кулуарах недовольно – размахивает совесть языком, их обличает, как воров.

Там мы свободны, не боимся «докторов», где опасений нет за жизнь детей и жён.

И видя нашу неуклюжесть по части справедливости, на нас – в виде законов всевозмож- ных, обрушивают власти – тяжесть криминала – МЭРов и губернаторов, воров и депутатов.

– К несчастью людей многих, здесь правят – ложь, обман и лесть, забыв, что есть на свете – ещё и честь и, что – душа гроша не стоит, если забыла о любви ..., достоинстве и совести, вздохнула Ника, соглашаясь со сказанным Артёмом.

Жаль, что с тобою – не встречались раньше, тебя бы познакомила я – кое с кем, кто видит – дальше нас, истоки этих проблем. Хотя, признаюсь сразу – опасно это, и в наше время.

– А ты надолго летишь отдыхать?

– На две недели.

– Куда, подскажешь, если не секрет?

– В Кемер. Чёрный песок на пляже расхвалили и, сервис отдыха – не хуже чем в Европе. Говорили....

– А я в Летунью, в Фетхие, вздохнул Артём. Как там, не знаю. Лечу – впервые.

Обратно, так же – вместе мы летим, и я на две недели отдыха.

В порту, вновь – встретимся, скорей всего. Знакомыми.

К огромной радости всех пассажиров, посадку объявили в самолёт и, вскоре дверь открыли. Но никого не выпускали, пока автобус не подогнали.

В него, с трудов вместили всех.

Словно селёдки в бочке, в парилке – духоте, доехали. И возле самолёта, ещё стояли – минут шесть, вовнутрь себя, вдыхая, беспомощно – злость раздражения и гнев страдальца. Чтобы не удалили, и это – все стерпели, без возмущений – молча.

Осталось – лишь подняться в самолёт. И в долгожданный оправиться – полёт.

Когда расселись в креслах, согласно мест – указанных в талонах, Артём не предлагал соседу Ники поменяться, видя, что это бесполезно. Ника, была красавицей – блондинкой, с косой – не самой длинной, уложенной на голове – калачиком.

Мало того, что глаз тот положил на Нику, стал бы смеяться над предложением Артёма – на место пересесть, почти у туалета.

Вздохнув – развёл руками, и успокоился, устроившись удобней в кресле.

Сзади две девушки, – довольно интересные на вид, но балаболки.

Ещё, и не взлетели, а голова болела – от разговоров бесконечных девушек, без перетолку. Ни на секунду.

– К их языку бы прикрепить динамо, цены девчатам не было, вспомнился анекдот от Райкина.

Он улыбнулся – синдром освобождения из душного отстойника.

Выруливая медленно на полосу, взлетает самолёт. Мельком взглянул на стюардессу и, пристегнув ремень, перекрестившись – в сон моментально провалился, успев заметить, стюардесса – такая же красивая, как Ника.

Вскоре, проснулся и, чтобы снова не заснуть, заговорил с соседом, мысленно.

Кого-то – тот ему напоминал, не получалось вспомнить, как не пытался, сразу. Решил не заморачиваться – долго, ведь главное, что мы – в полёте. Плохое всё ушло. И впереди... – ждёт Фетхие. Скучает без Артёма, скорей всего – иронизировал он над своими мыслями, предположениями.

– Протоны электроны, словно дробью – планету бомбардируют, окажут – негативное воздействие? И, как создать защиту?

Тот, не задумываясь – дал ответ, как будто ждал вопроса.

– Защита не всегда нужна. Планета может защититься и сама. От состояния и качества, в зависимости ноосферы – решение, планета примет – самостоятельно.

– Благодаря, опять же – ноосфере?

– Естественно.

– Ей нужно – защищать себя.

– Задерживать в себе частицы и, делать безопасными бомбардировки?

– О безопасности – не знаем, как и влиянии их на планету.

– От спутников, пронзивших атмосферу – многократно, ультрачастотным излучением – наносится урон её благополучию?

Не могут, правильными быть предположения – всегда. Ответ – лишь наше состояние. Кому-то мало это, а для кого-то – благо.

– Как благом может быть незнание?

– Быть может – счастлива улитка в панцире своём, в покое.

– Медведь, пока в берлоге спит?

– Если не знает горя человек, нежели – это плохо? Он не горюет, сердце не болит, душа не вывернута наизнанку.

– Когда нет горя – да, это неплохо.

Но если мы не знаем горя, сумеем правильно ценить благое?

И будет ли – обыденное ценным, потерь незнающим?

– Потери знают почти все. Для одного, ночь провести с бедою, уменьшится беда – чуть ли не вдвое; к другому беды прилипают – не отпускают никогда, он их притягивает – будто добровольно. Такое впечатление, что сросся с ними – навсегда.

Другой закон подобия.

И ноосфера создаётся – поступками и мыслями людей, и сущностей. Если по качеству, способна – все электроны и протоны отразить, всех защитит – естественно.

Но для вселенского масштаба, не значит это – ничего. На гравитацию планеты не влияют – ни электроны, ни протоны, излучение. Как молоко.

Твой интерес к ним, лишь простое увлечение, из моря знаний – частица информации. Они, не из коллайдера....

– Мы много не знаем, пока не понимаем, и это, напрямую не влияет – на нашу жизнь, ни положительно, ни отрицательно.

– От этого, вы не страдаете. Спите и завтракаете, обедаете и работаете, жить, продолжая – мало понимая, где вы находитесь – в какой реальности.

– Но, если не готовы – к этим знаниям, нас можно к ним готовить постепенно?

– Пожалуйста, пример из детства. Детям – во множестве раз объясняют, что хорошо и, что такое – плохо. И дети это правило – воспринимают, сразу? Или вновь сделают – неправильно, возможно – плохо?

– Я, например – старался.

– Не всегда.

– Да, иногда и нет, Артём с ним согласился.

Всплыло – немало случаев из детства, где он – проказничая, знал, что провинился.

Задумавшись, услышал голос, будто бы – издалёка.

– Одновременно – на поверхности Земли, внутри – в морях и в океанах, в озёрах, реках, на вершинах гор – сущностей разных живёт немало. Для них – ограничений нет в дыхании и гравитации. Не в состоянии, вы их воспринимать – из-за несвойственного им строения и восприятия ума, у вас.

Они – материальны и, могут – растворяясь, через материи входить и проникать – телепортироваться, так говорят – по-вашему.

Часть их – способны разделяться на много сущностей подобных и, выполнив задачи, вновь соединяться – в целое.

Одним – достаточно для жизни света, воздуха. Другим – толщи воды, травы. Третьим – температура низкая и, много нужно льда и снега. Четвёртым – пламя жаркое, а пятым – темнота. Есть и другие – множество.

Они – нейтральные к кому-то, а для кого-то злые, кого-то истребляют, к кому-то добрые.

Вы знаете немногих сущностей: инкубов и суккубов, вампиров, духов, ангелов – их всех не перечсть, и легионы их – не счесть.

У них нет стран: Испании, Америки, и прочих. Они живут везде – во благо своего порядка. И если не мешать им, их не замечают – пока не вторгнутся в обитель их.

Тогда, проблемы у последних появляются. Бывает и наоборот, но изредка.

Люди невольно с ними контактируют, но зачастую этого не знают.

К местам рождения и интересам – не привязаны. У них образований нет, как у людей – народностей и этносов. В «мирах», где существуют, подразделяются в зависимости – уровня жестокости и потребления, на принципы существования и образы деяния.

– Чем отличаемся от этих сущностей? Имею представление – немного, но знать хотелось – больше. Расскажите? Мне кажется, Вы не торопитесь.

– Ответ будет далёким от научностей. Наука не желает признавать – других разумных сущностей, кроме слонов, приматов, человека, собак, дельфинов, лошадей, пингвинов, крыс,

домашней птицы – гусей и уток. Кого увидеть можно, и потрогать. Кого нельзя увидеть, тех – «не зрят».

Тех сущностей классифицируют, как демонов и бесов – энергетических, подпитывающихся и живущих – за счёт эмоций, в теле человека. Чем больше впитывают – становятся мощнее. А после смерти тела человека, в мире людей, в чистилище – до облаков, бесы и демоны – в оставшихся, не занятых – другими сущностями, силами. Без разницы – из умных, дураков, с эмоциями, без эмоций – футляры выбирают и их используют, для своих «жизней». До новых «переселений». На протяжении – футляров жизни.

Инкубы и суккубы, как и вампиры – ирреальны, для многих в этом мире, хотя – встречаются вам часто в жизни. Они – обворожительны и сексуальны – обольстительны, прекрасные любовники. Их, за разврат – не осуждают, *тех, многие – тайно желают.*

О духах много – нужно говорить, подразделять на классы и на группы, всех не запомнишь сразу. Коль интересы простираются так далёко, узнаешь из других источников – книг, встреч с людьми и сущностями.

Они подобны – развитым, вас – выше уровнем. А те, подобны – более высоким, и так – не беспредельно бесконечно, до уровня – мне незнакомого.

– Но, приблизительно представить – можно? – спросил Артём, задумавшись.

– Возможно ли, Садовое кольцо – сравнить с Великим Космосом? И что за ним находится – представить сможешь? Даже приблизительно?

– Догадываемся – там, что-то есть. Закон подобия един и, значит всё – подобно миру нашему, в какой-то степени. Но это, лишь догадка.

– Согласен, но, вам нужно бы учесть, другие уровни развития и восприятия. Предела нет воображению, не кроется ошибка в этом?

Ты можешь отличить – от боли море или лисицу от стола? И в чём различие? По виду? Воле?

– Кто знает, где границы у предела? Скажу уверенно – неведомого много, что – прописная истина.

– С рождения у человека – другими быть должны системы – знаний и воспитания. Тогда возможностей – по лестнице подъёма эволюции, было бы – много больше. Хотя и там – того опасность поджидает.

Поднявшись выше на ступень, чем масса основная, попал бы в мир – с возможностями незнакомыми и, в большинстве – поддавшись им, из-за неосторожности, познаний не имея, мог погрузиться в мир ранее непознанный – воображения и удовольствий, слишком огромных для того. В нём – раствориться, став того частью, навеки измениться.

Так можно потерять стремления и предпосылки – для покорения вершины эволюции, дальнейшего развития.

– Вступает в силу закон Данте. – Оставь надежду, всякий – сюда входящий (преждевременно).

– У всех – есть уровень грехов, пороков, не допускающий сравнения – развитых сущностей с «отставшими». Нельзя – водой холодной накупаться, в огне быть, не обжечься. Одним, путь – свет, другим – тьма полная.

Не путать ветер с ограждением и, честность с бриллиантом. – Даже захочешь, не получишь. Препятствием является, в вас – человечность....

Примеров можно много привести. Есть стороны контактов разные и, не сопоставимые. У каждого развития – свой уровень, что – ниже высшего и, невозможно сравнивать – насколько лучше тот для «низших», несвоевременен.

– Знаний от «просветлённых» сущностей, всегда нам доставалось много. И в силу объективных обстоятельств, они надёжно охранялись.

Желающие их познать, к ним устремлялись. У некоторых получалось. – При помощи различных сил, и подражательства изобретениям, открытиям – преподносили их, как данное им – озарение. Часть же – ушли в неведение и, в забвение.

Я понимаю, не могли те – рассказать, а рассказали – им не поверили. А лучшем случае, над ними посмеялись, в худшем – над телом и душою надругались.

Знаю – хранили таны знания огромные. Мне предлагала Тень задуматься, когда-то. Но слишком много я метался и грешил. В конечном счёте, не решился, сразу....

И не было мне – больше приглашения. Видно – не подошёл.

– Ты выбор сделал. Теперь – давят сомнения?

Сам разрешил, не ожидая приглашения – отрезать то, на что бы не хватило сил – для достижения мечты и озарения.

– Возможно. Были у меня сомнения, вот и метался, а чужого мнения – спросить боялся, так и внутри себя остался – с огромным сожалением, упрёком и сомнением. Возможно – не хватило понимания или зашкалило внимание – внутри меня. Сейчас, причина – не имеет вообще – значения.

Когда-то раньше слышал я, что облака – граница всех миров, Господь изображен на облаке, поэтому и недоступен людям. Я, многое не понял? Всё ведь – не просто так? Расскажите?

Мне это интересно. Мне надоело – пятиться по жизни, словно – рак. И за себя – обидно.

Артём хитрил. Он понял, кто с ним говорит. Он разговаривал с *ним* дважды – в Должице и в Чашниках. Прикидываясь – будто бы не знает, понять старался, что – *тот* желает, не зря нашёл его здесь – в самолёте.

– Случайностей ведь не бывает? – спросила сущность, усмехаясь.

– *Как стали люди умножаться на планете, и дочери родились – человечьи, Божьи сыны их брали в жёны – увидев, что они красивы, какую, кто избрал. В ответ сказал Господь: не вечно духу моему быть человеками пренебрегаемым; – они есть плоть моя, дни их будут – сто двадцать лет – срок жизни им определил.*

По-прежнему Божьи сыны входили к дочерям человеческим, и те – детей рождали им. И были на земле, в то время исполины – нефилимы, рефаимы – сильные, славные.

Увидел Господь (Бог), что развращение вел и ко на земле и, что все мысли, помышления сердца у человеков – во зло всё время происходят. Раскаялся Господь, что создал человека на земле, в Сердце своём скорбел.

Сказал Господь: Я истреблю с лица земли, кого – Я сотворил, от человека до скотов, и гадов, птиц небесных, ибо раскаялся, что создал их (Быт. 6:1—7).

Артём, частично понял – хитрость, лишь недалёким помогает, решил открыться. Сам с собой, не поиграешь!

– Случайностей, согласен – не бывает. – Свеча сгорела?

– Время пришло для разговора.

– Ты можешь мне сказать, с какой ты целью – сейчас здесь?

Я изменился? Или остался тем же?

– Почти. Ведь говорю с тобой. Круг завершился – точно.

– Можно вопрос задать.

– Лишь бы вопрос был, к месту.

– Долго не мог понять, чем – мог помочь, в деревьях – душам мучеников неприкаянных.

– Сейчас, понятно?

– Да. И им – помочь хочу, вернуть – силу души.

Вопрос. Если свеча сгорела, зачем был нужен самолёт, в нём женщины и дети невиновные.

Экстравагантный вариант? По нраву – прерванный полёт? Но с ним, и души – не только забранные, и невиновные.

– Здесь собраны, кто нужен – все. Вас собирали долго. Без воли Господа, ни волоса с голов не упадёт.

– Так говорится! Господь, знать – был не против, того, что здесь, случится.

– Увидим результат.

Определение, что души – неприкаянные, неправильное в корне. Душа вызывает неприкаянно от боли, её терзает демон одинокий – с ней в теле находившийся – до смерти человека (футляра).

Такие души, в одиночестве блуждают по Земле, где их тела погибли.

Призраки, полтергейст – энергетические сущности, и им подобные – существовать не могут без возможности, подпитываться энергетически эмоциями и, интересами из вне – для укрупнения последующего, за счёт живущих в телах бесов, демонов. Но самый сильный демон, бес, слабее силы духа человека.

Многие могут разделяться – на себе подобных. Как клетки – сливаться в целое, при появлении необходимости.

– Я это понял. – Как коллегиальный – разум.

И изречение – душу забрать, неверно так же. Лишь демоны – могут *энергию* забрать, частично – *силу* у души, ведь слабая душа не в состоянии бороться с потоком негативным – не остаётся силы позитивной в человеке. От этого – *бездущным* человек становится.

До встречи, но не в воздухе. Спи, продолжай беспечный сон – Тени Великой, подопечный. Мы вскоре встретимся. Прощай и, раньше времени – не проклинай. Время, не вечно. Функции его – длина пути и скорость, что вместе создают – пространство.

Нервы обнажены и реагируют на колебания активно, воспринимая неестественное с болью. Что, если это, кажется? Понять, сразу – возможно?

Артём открыл глаза, соседа нет, наверно – вышел в туалет. Заканчивали раздавать обед с напитками, потух в салоне свет.

– Вот и «свеча» понадобилась мне сейчас, – Артём подумал, улыбаясь грустно. Перекрестился, приготовившись к ужасному, на этот раз, переживая – дух устроит катастрофу. В ней жертвами окажутся – все пассажиры, дети – из-за него. Это – ужасно.

Пусть, взрослых он собрал – мы нагрешили. А дети здесь, причём? Они – ещё не жили. Им то, за что?! Не вовремя, полу случайно оказались в этом месте? Судьбы дорога – повернула не туда?!

Не ясно.

Что? Силы Божьи так решили?

Всё – непонятно!

Помилуй Господи их всех! Коль нужен я, возьми меня.

Ведь сделать можно это, и не в самолёте, не обязательно в полёте....

Через – секунд пятнадцать, включился аварийный свет в салоне.

Стояла тишина, молчали все испуганно.

Взволнованный, негромкий голос стюардессы, был слышен хорошо – чрез весь салон. Слова её – отчетливы и ясные.... Всех, успокаивая, стояла – бледная. Рассказывала, что это – просто турбулентия.

Артём вздохнул. – Наверно – обошлось, дух передумал.

– Внимание! Прошу, без паники – Вас принять информацию, раздался голос командира самолёта.

Наш самолёт захвачен террористом и, изменил маршрут, Вооружён тот, требует – полёт в одну известную страну, но нам туда не хватит топлива, тот это понял.

Вас просим – не впадать в истерику. Попыток освобождения – производить не нужно, распоряжения того, немедленно исполнить. Для сохранения – всех ваших жизней – это важно!

В Анталии мы дозаправимся. Тот обещал – с детьми всех выпустить. Ведём переговоры. Мы справимся с проблемами. вы, только не мешайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.